

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

Ворожцова Ольга Александровна
Лингвистическое исследование прецедентных феноменов в
дискурсе российских и американских президентских выборов
2004 года

10.02.20 – «Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание»

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:

заслуженный деятель науки РФ,
доктор филологических наук,
профессор Чудинов А. П.

Екатеринбург
2007

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. Теоретические основы лингвистического исследования прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов.....	14
1.1. Теория интертекстуальности на современном этапе развития	14
1.1.1. Понятие “интертекстуальность” и его соотношение с теорией прецедентных феноменов.....	15
1.1.2. Критерии выделения прецедентных феноменов.....	28
1.1.3. Виды прецедентных феноменов.....	33
1.2. Прецедентные феномены в предвыборном дискурсе	45
1.2.1. Предвыборный дискурс как вид политического дискурса.....	46
1.2.2. Функционирование прецедентных феноменов в предвыборном дискурсе.....	59
1.3. Методика исследования прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов.....	64
Выводы по первой главе.....	70
Глава 2. Прецедентные феномены, используемые в дискурсе российских президентских выборов 2004 года.....	72
2.1. Дискурсивные основы исследования прецедентных феноменов в избирательной кампании на пост президента России 2004 года.....	73
2.2. Сферы-источники прецедентных феноменов, используемых в дискурсе российских президентских выборов 2004 года.....	75
2.3. Национальная, структурная и функциональная характеристика прецедентных феноменов, используемых в дискурсе российских президентских выборов 2004 года.....	106
2.3.1. Национальные основы происхождения прецедентных феноменов, употребляемых в дискурсе российских президентских выборов 2004 года.....	106
2.3.2. Структурные особенности прецедентных феноменов, используемых в дискурсе российских президентских выборов 2004 года.....	112

2.3.3. Функционирование прецедентных феноменов в дискурсе российских президентских выборов 2004 года.....	124
2.4. Использование прецедентных феноменов в дискурсе российских президентских выборов 2004 года разными кандидатами на пост президента.....	127
Выводы по второй главе.....	131
Глава 3. Прецедентные феномены, используемые в дискурсе американских президентских выборов 2004 года.....	134
3.1. Дискурсивные основы исследования прецедентных феноменов в избирательной кампании на пост президента США 2004 года.....	134
3.2. Сферы-источники прецедентных феноменов, используемых в дискурсе американских президентских выборов 2004 года.....	138
3.3. Национальная, структурная и функциональная характеристика прецедентных феноменов, используемых в дискурсе американских президентских выборов 2004 года.....	166
3.3.1. Национальные основы происхождения прецедентных феноменов, употребляемых в дискурсе американских президентских выборов 2004 года....	166
3.3.2. Структурные особенности прецедентных феноменов, используемых в дискурсе американских президентских выборов 2004 года.....	171
3.3.3. Функционирование прецедентных феноменов в дискурсе американских президентских выборов 2004 года.....	178
3.4. Использование прецедентных феноменов в дискурсе американских президентских выборов 2004 года разными кандидатами на пост президента.....	180
Выводы по третьей главе.....	184
Заключение.....	186
Список литературы.....	196
Список лексикографических источников.....	214
Список источников языкового материала.....	215

Введение

Настоящее диссертационное исследование посвящено сопоставительному изучению закономерностей употребления прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года.

Актуальность работы. Стремительное развитие средств коммуникации способствует появлению новых способов взаимодействия, которые, благодаря растущей глобализации информационных процессов, оказывают влияние друг на друга, заимствуя отдельные черты и ссылаясь друг на друга. Как результат такого взаимодействия образуется целая сеть связей, изучение которых стало доминантой постмодернизма и привело к образованию и становлению теории интертекстуальности (М.М. Бахтин 1975; Ж. Женнет 1980; Ю.А. Кристева 1995 и др.). Изучение создаваемых интертекстуальных связей позволяет делать выводы о когнитивно-дискурсивных факторах, определяющих характеристики конкретной разновидности общения. О востребованности данного вида лингвистических исследований говорит тот факт, что положения теории интертекстуальности, в многообразных проявлениях, применяются для анализа различных типов коммуникации (Н.С. Бирюкова 2005; О.С. Боярских 2007; Н.Д. Бурвикова 1994; Д.Б. Гудков 1999, 2003; И.Е. Деметьева 2004; Е.А. Земская 1996; М.Ю. Илюшкина 2004; Ю.Н. Караулов 1997; М.И. Косарев 2007; В.Г. Костомаров 1994, 1999; В.В. Красных 1997, 2002, 2003; Н.А. Кузьмина 2004; С.Л. Кушнерук 2003, 2004, 2006, 2007; Е.А. Нахимова 2004, 2006, 2007; С.К. Павликова 2005; Г.Г. Слышкин 2000, 2001; С.И. Сметанина 2002; Р.Л. Смулаковская 2003, 2004; О.А. Солопова 2004; О.В. Спиридовский 2006; Н.А. Фатеева 2006; М. Ямпольский 1993). Одним из развивающихся направлений в теории интертекстуальности является рассмотрение “чужих” элементов в структуре конечного текста как прецедентных феноменов, ядерных элементов национальной когнитивной базы, отражающих категории той или иной культуры.

В свою очередь, изучение политической коммуникации является перспективным направлением лингвистических исследований. В сферу интере-

сов политической лингвистики, сравнительно недавно выделившейся в самостоятельное лингвистическое направление, входит изучение языковых, текстовых и дискурсивных феноменов политической коммуникации, исследование институционального, медийного и иных разновидностей политического дискурса (В.Н. Базылев 2005; Е.В. Бакумова 2000; А.Н. Баранов 1997; Э.В. Будаев 2006; Т. Ван Дейк 1989; В.И. Карасик 2004; М.Л. Макаров 2003; А.А. Федосеев 2003; А.А. Филинский 2002; Е.И. Шейгал 2000, 2001, 2002; А.П. Чудинов 2001, 2003, 2006). В рамках таких исследований за лингвистическими единицами просматриваются когнитивные структуры знания, ментальные конструкты, которые определяют параметры коммуникации в том или ином виде дискурса.

Сопоставительный анализ политического дискурса в разных странах, также являясь одним из направлений исследований политической лингвистики, позволяет отчётливо выделить закономерности универсального общечеловеческого характера, а также черты, свойственные только тому или иному национальному дискурсу (В.А. Даулетова 2004; Л.А. Зятькова 2003; А.А. Каслова 2000; Н.А. Красильникова 2005; Т.А. Светонослова 2006; А.М. Стрельников 2005 и др.). Результаты подобных исследований, способствуют взаимопониманию и установлению толерантных отношений между национальными культурами.

В круге выше названных проблем исследование закономерностей использования прецедентных феноменов в политическом дискурсе разных национальных культур представляется весьма перспективным, так как данные таких исследований дают представления о менталитете представителей той или иной культуры, о ценностях актуальных для данного национального общества на конкретном этапе исторического развития. Это, в свою очередь, способствует снижению непонимания или недопонимания между людьми и более глубокому пониманию национальных особенностей, без учёта которых успех международных отношений может быть проблематичным. О перспективности таких исследований свидетельствуют появляющиеся в последние

годы публикации по данной теме (А.Б. Зайцева 2006, М.И. Косарев 2007; О.В. Спиридовский 2006).

Актуальность лингвистической проблематики определила объект и предмет диссертационного исследования.

Объект исследования – прецедентные феномены в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года.

Предмет исследования – национальные, структурные и функциональные закономерности использования прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года.

Целью настоящей диссертации является сопоставительное исследование тезауруса и механизмов употребления прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года.

Поставленная цель поставила необходимость последовательного решения следующих **задач**:

– обобщить теоретические основы изучения интертекстуальных связей в целом и прецедентных феноменов в частности;

– определить характеристики предвыборного дискурса как разновидности политического дискурса;

– разработать методику комплексного сопоставительного изучения механизмов использования прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года;

– создать типологию прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов по сфере-источнику культурного знания;

– выявить национальные основы происхождения данных прецедентных феноменов;

– проанализировать прецедентные феномены в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года в аспекте их маркированности и вариантов трансформаций;

– выявить соотношение прецедентных феноменов в денотативном и

коннотативном функционировании;

– сравнить особенности употребления прецедентных феноменов в дискурсе кандидатов от различных партий в ходе президентской избирательной кампании 2004 года по каждой из стран;

– обобщить результаты сопоставительного анализа закономерностей употребления прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года.

Материалом исследования послужили многожанровые публикации печатных СМИ России и США, появившиеся в период проведения избирательных кампаний в этих странах. Основу исследования составили газеты и журналы с массовым тиражом, распространяемые на всей территории соответствующих стран и размещающие свои публикации на официальных сайтах сети Интернет (“Аргументы и факты”, “Известия”, “Независимая газета”, “Комсомольская правда”, “Московский комсомолец”, “Российская газета”, “The New York Times”, “The Time”, “The Rising Tide”, “The Washington Post”), а также транскрипты устных выступлений кандидатов и представителей их штабов, размещенных на сайтах соответствующих телекомпаний (канал “Россия”, CNN).

Материал исследования собран методом сплошной выборки из публикаций, посвящённых данным избирательным кампаниям, выпущенных в пределах официально указанных рамок избирательных кампаний (Россия – 11.12.2003 – 14.03.2004, США – весна 2004 – 02.09.2004).

Корпус выборки составил 2240 текстов (2108 прецедентных феноменов). К дискурсу российских президентских выборов относится 895 прецедентных феноменов, к дискурсу американских президентских выборов – 1213 прецедентных феноменов. Различия в численных показателях обусловлены, как мы считаем, значительной разницей в продолжительности избирательных кампаний двух стран, а также рядом дискурсивных факторов, о которых речь пойдёт ниже.

Методология настоящего диссертационного исследования основыва-

ется на теории интертекстуальности (Р. Барт 1989; М.М. Бахтин 1975; В.Г. Костомаров 1994, 1999; Ю. А. Кристева 1995; Н.А. Кузьмина 2004; Г.Г. Слышкин 2000, 2001; С.И. Сметанина 2002; Р.Л. Смулаковская 2003, 2004; А.Е. Супрун 1995; Н.А. Фатеева 2006; М. Фуко 1996), теории прецедентных феноменов (Д.Б. Гудков 1999, 2003, И.В. Захаренко 1997; В.В. Красных 1997, 2002, 2003; Е.А. Нахимова 2004, 2006, 2007, Г.Г. Слышкин 2000, 2001), теории дискурса (В.И. Карасик 2004; Е.С. Кубрякова 1996, М.Л. Макаров 2003, Ю.Е. Прохоров 2004), в том числе политического дискурса (В.Н. Базылев 2005; А.Н. Баранов 1997; Т. Ван Дейк 1989; В.И. Карасик 2004; Е.И. Шейгал 2000, 2001, 2002; А.П. Чудинов 2001, 2003, 2006).

Для решения поставленных задач использовался комплекс **методов исследования**, обусловленный многоаспектностью проводимого анализа. В диссертации использовались: дискурсивный анализ, когнитивное исследование, моделирование, группа типологических и статистических методов. При обобщении и интерпретации результатов исследования использовался описательный метод и метод сопоставления. Кроме того, оказались востребованными элементы контекстуального анализа, а также общенаучные методы обобщения и сопоставления. В процессе исследования привлекались не только лингвистические, но и общефилологические и лингвокультурологические данные, что позволило осуществить анализ с учётом национального своеобразия российской и американской культур.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определена тем, что данная работа вносит вклад в развитие теории прецедентных феноменов, связанный с выявлением механизмов функционирования этих единиц в политическом дискурсе. Сопоставительный характер исследования, благодаря анализу языковых средств, насыщенных культурно-значимой информацией, способствует, в свою очередь, выявлению лингвокультурных особенностей национальных политических картин мира.

Научная новизна диссертации заключается в том, что она является первым исследованием, посвящённым сопоставительному комплексному

описанию закономерностей употребления прецедентных феноменов в политическом дискурсе, в результате которого были выявлены общие механизмы функционирования прецедентных феноменов в российском и американском предвыборном дискурсе, а также их национально детерминированные отличия.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные данные могут быть полезны организаторам избирательных кампаний с целью повышения эффективности вербального поведения кандидатов. Они также могут быть востребованы в лексикографической практике, при составлении словаря прецедентных феноменов современной политической коммуникации. В сфере образования материалы исследования могут быть использованы в практике преподавания курсов по межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, стилистике, в том числе при разработке элективного курса по политической лингвистике, а также в практике написания студенческих исследовательских работ.

Апробация материалов исследования. Материалы диссертации обсуждались на заседании кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета. Основные положения исследования излагались автором на региональных, общероссийских и международных конференциях в Екатеринбурге (2005, 2006, 2007) и Нижнем Тагиле (2006). По теме диссертационного исследования опубликованы следующие работы:

1. Ворожцова О.А., Зайцева А.Б. Прецедентные имена в российской и американской печати // Известия Уральского Государственного Университета 2006. № 45. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – Выпуск 20. – Екатеринбург, 2006. – С. 222–229.

2. Ворожцова О.А. Прецедентные феномены в кампании по выборам президента США // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. – Выпуск 8. – Нижний Тагил, 2006. – С.34–38.

3. Ворожцова О.А. Прецедентные феномены в дискурсе дебатов в кампании по выборам президента США 2004 года // Риторика и лингвокультурология: материалы межвузовской конференции, посвящённой юбилею Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург, 25-26 ноября 2005 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2005. – С. 23–26.

4. Ворожцова О.А. Взаимоотношения прецедентных феноменов в заголовке с текстом газетной статьи // Сопоставительная лингвистика: бюллетень Института иностранных языков / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2006. – Т. 6. – С.88–95.

5. Ворожцова О.А. Прецедентное высказывание как тип прецедентных феноменов // Актуальные проблемы лингвистики: Уральские лингвистические чтения – 2006: материалы ежегодной научной конференции, Екатеринбург, 1–2 февраля 2006г./ Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2006. – С. 38.

6. Ворожцова О.А. Прецедентные феномены в дебатах периода кампании по выборам президента США // Российская научная конференция «Речевые конфликты и проблемы современной языковой политики». Уральский государственный университет им. А.М. Горького Екатеринбург, 3– 4 октября 2006. Тезисы докладов. – Екатеринбург, 2006. – С. 9–12.

7. Ворожцова О.А. Президентские феномены в президентских избирательных кампаниях в России и США 2004 года // Современное открытое образовательное пространство: проблемы и перспективы: материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 27 – 29 марта 2007г./ ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т»; Уральское изд-во, 2007. – С. 265 – 266.

Положения, выносимые на защиту:

1. Востребованность прецедентных феноменов, относящихся к определённым сферам культурного знания, связана с дискурсивными особенностями протекания предвыборных кампаний на пост президента в каждой из стран. В дискурсе российских и американских президентских выборов оказываются востребованы те прецедентные феномены, которые выражают ценностные

ориентиры данного национально-лингвокультурного сообщества, а также отражают наиболее актуальные проблемы, с которыми сталкиваются представители этого сообщества на данном этапе исторического развития.

2. Использование прецедентных феноменов в предвыборном президентском дискурсе России и США обусловлено национальными особенностями культуры, которые проявляются в доминировании прецедентных феноменов, относящихся к своей культуре, а также к культурам тех стран, с которыми имеются тесные политические, экономические и культурные связи.

3. Прецедентные феномены в дискурсе российских и американских президентских выборов функционируют в соответствии с общими закономерностями оказания манипулятивного воздействия, характерными для политического дискурса каждой из стран. Таким образом, в дискурсе российских президентских выборов, в соответствии с тенденцией оказания скрытого влияния на избирателя, прецедентные феномены содержат большое количество коннотаций, выполняющих характеризующую функцию. Для дискурса американских президентских выборов, под влиянием тенденции максимально достоверного информирования избирателей, характерно использование прецедентных феноменов с целью называния, а доминирующей является денотативная функция.

4. В дискурсе российских и американских президентских выборов представлены все виды прецедентных феноменов. Большая востребованность одного вида прецедентных феноменов по сравнению с другими обусловлена, с одной стороны, характеристиками предвыборного дискурса, с другой стороны, политологическими особенностями избирательных кампаний в двух странах.

5. Характеристики предвыборного дискурса, как разновидности политического дискурса, определяют тезаурус используемых прецедентных феноменов. Таким образом, для прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов характерна выраженная тематическая и временная ограниченность, взаимозависимость и агональность.

6. Тезаурус прецедентных феноменов у кандидатов на пост президента

как в России, так и в США определяется политическими взглядами и партийной принадлежностью кандидата. Кандидаты от “правых”, “центристских” и “левых” партий, которые принимали участие в российских выборах, и кандидаты от американских республиканской и демократической партий апеллируют к разным прецедентным феноменам, отражающим ценности, идеалы и взгляды тех партий, представителями которых они являются.

Композиция диссертации определяется ее задачами, отражает основные этапы и логику развития исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического раздела, списка словарей и списка источников языкового материала.

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы; определяются объект и предмет исследования; обозначается его цель и задачи; указывается материал и методы исследования; раскрывается научная новизна диссертации; выявляется теоретическая и практическая значимость проводимого исследования; приводятся сведения об апробации работы, а также формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе представлена теоретическая база сопоставительного исследования прецедентных феноменов в предвыборном дискурсе России и США. Рассматривается теория интертекстуальности и теория прецедентных феноменов как одно из её проявлений. Определяются критерии выделения прецедентных феноменов и даются характеристики каждого их типа. Вторая часть посвящена понятию предвыборного дискурса как разновидности политического дискурса, в том числе описанию его системообразующих и отличительных свойств. В последнем разделе главы приводится методика сопоставительного исследования прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских выборов 2004 года.

Вторая глава посвящена анализу прецедентных феноменов, обнаруженных в дискурсе российских президентских выборов 2004 года, по сфере культурного знания, национальным основам происхождения, особенностям структуры и функционирования.

В третьей главе прецедентные феномены, обнаруженные в дискурсе американских президентских выборов 2004 года, классифицируются на основе принадлежности к определённой сфере-источнику, а также рассматриваются их национальные, структурные и функциональные характеристики.

В заключении приводятся результаты сопоставительного анализа частотности прецедентных феноменов, используемых в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года, с целью выявления общих закономерностей их употребления и национально детерминированных различий, делаются обобщения и намечаются перспективы дальнейшей работы.

Глава 1. Теоретические основы лингвистического исследования прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов

Целью данной главы является определение теоретической базы исследования прецедентных феноменов в предвыборном дискурсе, что позволит установить основные механизмы использования прецедентных феноменов в дискурсе президентских выборов и послужит основой для анализа, представленного в последующих главах диссертации. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть подходы отечественных и зарубежных специалистов к интерпретации понятия интертекстуальность;
- определить место прецедентных феноменов в теории интертекстуальности;
- установить, какие именно явления относятся к прецедентным феноменам, и охарактеризовать их возможные маркеры в тексте;
- описать специфику предвыборного дискурса как разновидности политического дискурса;
- определить функции прецедентных феноменов в предвыборном дискурсе;
- сравнить существующие методики изучения прецедентных феноменов в различных видах дискурса и обосновать используемую методику исследования прецедентных феноменов в дискурсе президентских выборов.

Последовательное решение поставленных задач позволит выявить закономерности использования прецедентных феноменов в предвыборном дискурсе, что определит направление сопоставительного исследования употребления прецедентных феноменов в дискурсе президентских выборов в России и США.

1.1. Теория интертекстуальности на современном этапе развития

Теория интертекстуальности является перспективным направлением развития науки и в силу своей популярности активно используется в лин-

гвистических исследованиях. Это неизбежно приводит к появлению всё новых подходов к пониманию данной теории, которые могут значительно отличаться друг от друга. Выбор той или иной трактовки определяется целями работы, анализируемым материалом и предпочтениями исследователя. Такой выбор требует тщательного изучения хотя бы основных направлений применения теории интертекстуальности с целью выявить имеющиеся преимущества и возможные слабые места разных подходов, а также определиться с наиболее подходящей интерпретацией рассматриваемой теории.

1.1.1. Понятие “интертекстуальность” и его соотношение с теорией прецедентных феноменов

На современном этапе развития лингвистической науки одним из ведущих понятий является интертекстуальность. Возникнув в рамках чисто лингвистических теорий (М.М. Бахтин 1975, Ю.А. Кристева 1995), оно преодолело границы науки о языке, и в настоящее время говорят об интертекстуальности кинематографа (М. Ямпольский 1993) и интертекстуальности изобразительного искусства. Более того, понятие интертекстуальности не только вышло за рамки лингвистических исследований, но и сделало размытыми границы между различными формами хранения культурного знания (например, границы между различными видами дискурса, средствами массовой информации), что позволяет говорить уже не об интертекстуальности, а об “интермедиальности” [Фатеева 2006 : 109].

Все же наибольшее развитие понятие интертекстуальности получило в филологических науках, где оно широко применяется для анализа различных типов дискурса. Лингвисты исследуют интертекстуальные связи в художественной литературе, как в стихах, так и в прозе (Ю.Н. Караулов 1997; Н.А. Кузьмина 2004; Н.А. Фатеева 2006; И.В. Арнольд 1999; В.А. Лукин 1999), в дискурсе средств массовой информации (Д.Б. Гудков 2003б, В.В. Красных 2002, 2003, С.И. Сметанина 2002; Е.А. Земская 1996; О.С. Боярских 2007), в смеховых жанрах (Г.Г. Слышкин 2000), в рекламе (М.Ю. Илюшкина 2004

С.Л. Кушнерук 2004, 2007), в политическом дискурсе (Д.Б. Гудков 2003а, Н.В. Немирова 2003; Е.А. Нахимова 2003, 2004, 2007; О.А. Солопова 2004), в научном дискурсе (Е.В. Михайлова 1999) и в ряде других областей. Такой широкий масштаб исследований и разнообразный материал для анализа говорит об универсальности понятия “интертекстуальность”.

Термин “интертекстуальность” был введён в научный обиход в 1967 теоретиком постструктурализма Юлией Кристевой для обозначения “общего свойства текстов, выражающегося в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга” [Кристева 1995 : 102]. Будучи изначально введённым для анализа художественных произведений постмодернизма, этот термин в дальнейшем употребляется не только как средство анализа литературного текста или описания специфики существования литературы, но и становится доминантной составляющей постмодернизма [Сметанина 2002 : 87], структурным принципом, определяющим не только постмодернистский характер текста, но и современное состояние культуры в целом.

Ю.А. Кристева сформулировала свою концепцию интертекстуальности на основе переосмысления работы М. Бахтина «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве», где автор, описывая диалектику существования литературы, отметил, что помимо данной художнику действительности он имеет дело также с предшествующей и современной ему литературой, с которой он находится в постоянном «диалоге», понимаемом как борьба писателя с существующими литературными формами. [Бахтин 1975 : 35–36]

Ряд авторов указывает несколько других возможных источников концепции интертекстуальности помимо идей М.М. Бахтина. С.Л. Кушнерук в своем диссертационном исследовании (С.Л. Кушнерук 2006) представляет краткий обзор возможных источников теории интертекстуальности как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике.

Интерес к теории интертекстуальности настолько велик, что, при сохранении основного компонента определения Ю.А. Кристевой “присутствие в текстах элементов других текстов”, термин “интертекстуальность” получил множество пониманий, интерпретаций и уточнений, которые вырабатываются учёными при решении прикладных исследовательских задач.

Роланд Барт разработал наиболее широкий подход к трактовке понятия “интертекстуальность”, который был назван деконструктивистским, согласно которому “всякий текст есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту, он представляет собой новую ткань, сотканную из цитат, отсылок, отзвуков, но эту интертекстуальность не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение «...» текст образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем *уже читанных* цитат – из цитат без кавычек”. [Барт 1989 : 417]

Данная точка зрения, когда любой текст рассматривается как “раскавыченная цитата” разделяется Д. Чендлером, который указывает, что: “Никто сегодня, даже в первый раз, не может прочитать известный роман или стихотворение, посмотреть на известную картину, рисунок или скульптуру, прослушать известное музыкальное произведение или просмотреть известную пьесу или фильм, не зная о контексте, в котором этот текст был создан, о том, откуда этот текст взят, о том, когда на него делаются аллюзии, и пародии и т.д. Такие контексты создают основу, к которой читатель не может не обращаться, интерпретируя текст” [<http://www.aber.ac.uk/media/Documents/S4B/>].

Теория интертекстуальности в таком её понимании находит поддержку в психологии, где интертекстуальность приравнивается к архетипу и понимается как “своего рода коллективное бессознательное, существующее до конкретного нового текста, в свою очередь, существующего вне личностной воли автора, который является скорее проводником образов из бессознательного уровня объективно-психологического бытия в сферу художественной реальности” [Леонтьев 2001 : 100]. То есть, текст самим фактом своего существования обязан интертекстуальности.

Такой широкий подход к трактовке термина “интертекстуальность” неизбежно поднимает ряд сложных вопросов, таких как авторство текста и границы текста: где “начинается” и “заканчивается” текст.

Автору текста отказывают в оригинальности и независимости, его рассматривают не как создателя, а, скорее, как оркестратора того, что уже написано, или скриптора – “вечного переписчика”, “который может лишь вечно подражать тому, что написано прежде и само писалось не впервые; в его власти только смешивать разные виды письма, сталкивать их друг с другом, не опираясь всецело ни на один из них” [Барт 1989 : 387]. Так философия постмодернизма приходит к важнейшему теоретическому постулату о “смерти автора”, а также “смерти индивидуального текста”, растворенного в явных или неявных цитатах. “Границы книги никогда не могут быть ясно очерчены: за пределами заголовка, первых строк и последней точки, за пределами его внутренней структуры и независимой формы, книга оказывается в системе ссылок на другие книги, другие тексты, другие предложения: книга – точка пересечения внутри сети...” [Фуко 1996 : 23]. Это породило картину “универсума текстов”, в котором отдельные безличные тексты до бесконечности ссылаются друг на друга и на все сразу, поскольку все вместе они являются лишь частью “всеобщего текста”, который в свою очередь совпадает со всегда уже “текстуализированными” действительностью и историей.

Эта интерпретация теории интертекстуальности нашла свое отражение в максиме постмодернизма “нет текста, кроме интертекста” сформулированной Шарлем Гривелем [цит. по Н.А. Кузьмина 2004 : 12], но она не позволяет произвести анализ разнообразных видов связей существующих между текстами, так как объект исследования представляется размытым, аморфным, требующим более чёткого определения.

Определённый интерес представляет здесь точка зрения Ю.М. Лотмана, который, указывает что, “созданный автором текст оказывается включённым в сложную систему внетекстовых связей, которые своей иерархией нехудожественных и художественных норм разных уровней, обобщённых опы-

том предшествующего художественного творчества, создают сложный код, позволяющий дешифровать информацию, заключённую в тексте” [Лотман 1970 : 357]. Также отмечается что, “внетекстовые связи имеют много субъективного, вплоть до индивидуально-личного, почти не поддающегося анализу современными средствами литературоведения. Но эти связи имеют и свое закономерное, исторически и социально обусловленное, и в своей структурной совокупности вполне могут уже сейчас быть предметом рассмотрения” [Лотман 1996 : 42]. Таким образом, текст изначально оказывается включённым в систему связей и ссылок вне зависимости от воли автора.

Однако говоря об интертекстуальных связях, Ю.М. Лотман определяет “текст в тексте” как “специфическое риторическое построение, при котором различие в закодированности разных частей текста делается выявленным фактором авторского построения и читательского восприятия текста. «...» Такое построение, прежде всего, обостряет момент игры в тексте: с позиции другого способа кодирования, текст приобретает черты повышенной условности, подчеркивается его игровой характер — иронический, пародийный, театрализованный и т. п. смысл” [Лотман 2000 : 66]. То есть, включение в текст фрагментов из другого текста является одним из стилистических приёмов, которым пользуются авторы произведений.

Некоторая противоречивость данного подхода несколько не умаляет его значимости. Несомненным достоинством является последовательное разграничение двух видов интертекстуальных связей: внутритекстовые и вне-текстовые.

Большой структурностью и систематичностью обладает подход Ж. Жетт. Соглашаясь со всеобъемлющим характером связей между текстами, учёный предложил пятичленную классификацию разных типов взаимодействия текстов:

- интертекстуальность: цитирование, плагиат, аллюзии;
- паратекстуальность: отношения между текстом и его ‘паратекстом’ – то есть тем, что окружает основную часть текста: название, заголовки, пре-

дисловия, эпиграфы, посвящения, выражение признательности, сноски, иллюстрации, суперобложка и т.д.;

– архитекстуальность: обозначение текста как представителя жанра или жанров (Женнетт говорит о принадлежности текста к жанру самого по себе, но это также можно отнести и к тому, как читатели рассматривают этот текст, к какому жанру они его относят);

– метатекстуальность: словесно выраженный или подразумеваемый критический комментарий одного текста в рамках другого (метатекстуальность очень сложно отличить от следующей категории);

– гипертекстуальность: отношения между текстом и предшествующим ему ‘гипотекстом’ – текстом или жанром, на котором он основан, но который изменяется, модифицируется, усложняется или расширяется (включая пародию, продолжение, перевод) [цит. по Ильин 1996 : 227].

Основные классы интертекстуальности исследователь делит на многочисленные подклассы и типы и прослеживает их взаимосвязи, что создает внушительную, но трудно реализуемую на практике анализа структуру.

Впоследствии, в приведённый перечень различных типов взаимоотношений между текстами и частями текстов были внесены значимые изменения, обусловленные стремительным развитием компьютерной техники. Появилась новая интерпретация термина “гипертекстуальность”, которая на настоящий момент является доминирующей, а то, что называлось “гипертекстуальностью” в трактовке Ж. Женетт, во избежание терминологической путаницы, приобрело название “гипотекстуальность” (Д. Чендлер).

Под «гипертекстом» стали понимать текст, фрагменты которого снабжены определенной системой выявленных связей с другими текстами и предлагают читателю различные «пути» прочтения. Таким образом, каждый текст оказывается включенным во всю систему созданных до него или параллельно с ним текстов, приобретает визуальное многомерное представление и становится «мультисеквенциальным», т.е. читается в любой последовательности. Более того, новый текст и исходные, к которым даны отсылки,

могут одновременно сосуществовать на экране компьютера [Электронная энциклопедия “Кругосвет”]. Такое представление текста уже самой своей структурой рушит традиционную линейность текстов. Прочтение таких текстов – это не следование стандартной последовательности, predetermined авторами.

Таким образом, несмотря на предложенную тщательно продуманную типологию взаимосвязей между текстами и фрагментами текстов, проблемы авторства текста и границ текста все же не снимаются, и очертания объекта исследования остаются нечёткими.

Альтернативой перечисленным выше подходам является такая трактовка термина “интертекстуальность” где, отдавая должное её универсальности и повсеместности, интертекстуальность причисляют к основным категориям текста, наряду с *категориями автора, персонажа, читателя, пространства, времени, начала и конца* (Дэвид Лодж). Отечественные лингвисты (Н.Н. Белозёрова, И.Е. Дементьева, Л.Е. Чуфистова) разделяют данную точку зрения, но они пошли дальше, указав, что данные категории, включая интертекстуальность, присущи не только каждому художественному произведению, но и публицистическому тексту. [Дементьева : www.utmn.ru/frgf/No9/text16.htm]. Будучи включённой в список постоянно присутствующих в тексте категории, интертекстуальность, таким образом, приобретает свойство обеспечивать связность, устойчивость, целостность текста, что, кажется, противоречит самому определению интертекстуальности. Но авторы этого подхода объясняют, что любой новый текст, несмотря на его интертекстуальную насыщенность, всегда остается новым текстом, так как он создан автором, живущим в иной системе координат, нежели создатели интертекста, а воссоздается читателем, чья система координат может совпадать или не совпадать с авторской.

Данная модель интертекстуальности основана на положении о том, что при образовании интертекстуальных связей происходит смещение по оси отношения к категории времени. А поскольку в тексте категория времени пред-

стает в неразрывном единстве с категорией пространства (хронотоп), то, отталкиваясь от теории Л.Н. Гумилева об этно-ландшафтных соответствиях, авторы модели приходят к выводу, что в тексте сознательно или подсознательно проявляется отличная пространственно-временная модель мира, характерная для определённого этноса, или даже уже, определённого писателя. В силу этого один и тот же текст в разные исторические периоды в различных ареалах воспринимается по-разному. “Именно поэтому “Гамлет” Шекспира – новый текст по отношению к ранним “гамлетам”, а “Гамлеты” многочисленных театральных постановок и киноверсий являются новыми текстами по отношению к тексту Шекспира” [Белозерова : www.utmn.ru/frgf/No3/text10.htm].

Таким образом, текст сохраняет свой первоначальный вид, несмотря на свою интертекстуальность, вовлеченность других текстов в нем и его в другие тексты.

Но многие исследователи не разделяют мнения о том, что интертекстуальность является необходимой и неотъемлемой характеристикой самого текста. Они рассматривают её как один из литературных приемов, который всегда существовал наряду с другими приёмами, но в эпоху постмодернизма стал лидирующим.

Интересной здесь является точка зрения Н.А. Фатеевой, которая при исследовании художественной литературы рассматривает интертекстуальность не как априорно присущее тексту свойство, а как универсальное средство выражения глубинных смыслов за счёт установления разнообразных связей между текстами. Исследователь предлагает различать две стороны интертекстуальности – читательскую и авторскую [Фатеева 2006 : 16].

С точки зрения читателя интертекстуальность понимается как установка на более углубленное понимание текста или разрешение непонимания текста за счет установления многомерных связей с другими текстами.

С точки зрения автора интертекстуальность представляет собой способ генезиса собственного текста и постулирования собственного поэтиче-

ского «Я» через сложную систему отношений оппозиций, идентификаций и маскировки с текстами других авторов (то есть других поэтических «Я») [Фатеева 2006 : 20].

Параллельно с понятием интертекстуальности исследователь рассматривает понятие “автотекстуальность”, которая с читательской точки зрения определяется как разрешение непониманий в тексте за счет установления многомерных связей, порождаемых циркулирующей интертекстуальными элементами внутри одного и того же текста. С авторской точки зрения, автотекстуальность рассматривается как способ порождения собственного текста и утверждения своей творческой индивидуальности через сложную систему отношений оппозиций, идентификаций и маркировки, которая уже действует в структуре идиолекта определенного автора, создавая многомерность его «Я». Автотекстуальность в таком понимании близко подходит к понятию автопрецедентов В.В. Красных [Красных 2003 : 173], к которому мы обратимся чуть позже.

Анализируя тексты художественных произведений, Н.А. Фатеева отмечает, что правомерно говорить не только о собственно межтекстовых связях, но и о более глубинных интеридиостилевых влияниях [Фатеева 2006 : 21], что пересекается с понятиями Ж. Женетт “архитекстуальность” и “гипотекстуальность”, которые были описаны выше, а также с понятием “интерстилевое тонирование изложения”, предложенным С.И. Сметаниной применительно к медиа-текстам [Сметанина 2002 : 108], которое будет рассмотрено далее.

При анализе конкретных проявлений интертекстуальных связей внутри художественного текста Н.А. Фатеева выделяет следующие их виды: цитаты с атрибуцией, цитаты без атрибуции, аллюзии с атрибуцией, неатрибутированная аллюзия, центонные тексты и на примерах показывает, каким именно образом каждый из выделенных типов проявляется в тексте в чистом виде и в трансформациях.

Здесь необходимо отметить два момента. Во-первых, рассматривая неатрибутированные аллюзии, исследователь выделяет их особый тип – именную аллюзию, которая понимается как реминисценция, то есть отсылка не к тексту, а к событию из жизни другого автора, которое, безусловно, узнаваемо [Фатеева 2006 : 133]. То есть исследователь выходит за пределы художественной реальности и даже языка в экстралингвистическую действительность.

И во-вторых, среди малоизученных типов межтекстовых отношений выделяются поэтика даты, топографическая поэтика, поэтика имени героя и автора, поэтика цвета и растения [Фатеева 2006 : 262]. Но не указывается, как эти типы межтекстовых отношений вписываются в разработанную классификацию.

Схожим образом интертекстуальность рассматривает С.И. Сметанина при анализе медиа-текстов. Но если Н.А. Фатеева лишь отмечает возможность более глубинных интердиостилевых влияний текстов друг на друга, то С.И. Сметанина, опираясь на точку зрения И.В. Арнольд, последовательно выделяет текстовые и языковые проявления интертекстуальности [Сметанина 2002 : 108].

Языковые проявления интертекстуальности определяются как присутствие в тексте определенного функционального стиля элементов разных стилистических потенциалов, в результате чего образуются контаминированные высказывания, преодолевающие границы одного стиля – интерстилевое тонирование изложения [Сметанина 2002 : 108]. Подобная расплывчатость границ стиля, а также взаимопроникновение стилей и их функций отражается в таких недавних словообразованиях в английском языке, как ‘сращение рекламы и колонки редактора’ – ‘advertorials’, ‘сращение информации и рекламы’ – ‘infomercials’, ‘сращение образования и развлечения’ – ‘edutainment’, ‘сращение документального кино и драмы’ – ‘docudrama’, ‘сращение фактической информации и вымысла’ – ‘faction’. В отношении публицистики конца XX века подобное преодоление границ характеризуется как взрыв.

Для текстовых проявлений интертекстуальности в медиа-тексте вводится термин “цитатное письмо”, который определяется как наличие цитат (ведение чужих слов или целых фрагментов высказывания), реминисценций (напоминание фразы из другого текста), аллюзий (создание историко-культурного контекста через топоним, антропоним, значимую дату и др). Суть этого приёма в интеллектуальной, эмоционально-оценочной, формальной переработке «чужого» текста-цитаты, осмысленного и освоенного в системе культуры, и повторное использование его в качестве средства номинации по отношению к реальным ситуациям (лицам) при создании медиа-текста.

С.И. Сметанина подчёркивает, что цитатное письмо рассматривается как прием, имеющий отношение к способу изложения (к языку), а не к способу организации всего текста (композиции), таким образом, интертекстуальные связи не являются необходимым условием существования текста. “Не претендуя на сообщение новой информации, цитаты отсылают читателя к уже известному с целью развить мысль, подкрепить свою мысль, выразить несогласие. Цитатное письмо участвует в организации нового смысла, опираясь на фоновые знания, но не обязывает по-особому компоновать авторскую концепцию, образ героя, событие в тексте” [Сметанина 2002 : 110].

Однако сам термин “цитатное письмо” нельзя назвать удачным, так как в нём уже заложено, что основа этого приёма – цитата, которая, на самом деле, охватывает лишь часть явлений, относящихся к этому термину. Но исследователь считает обоснованным введённый термин для объединения таких разнообразных явлений, так как механизм их работы в целом одинаковый: эксплицитный фрагмент в тексте и имплицитно связанные с ним ассоциации [Сметанина 2002 : 108].

Для описания вкраплений в новом тексте из предшествующих текстов, цель которых – улучшить способ передачи мысли, сделать новый текст более эффективным и способствовать его адекватному пониманию, А.Е. Супрун использует иную терминологию. Исследователь предлагает термин “тексто-

вая реминисценция” для обозначения “осознанных vs. неосознанных, точных vs. преобразованных цитат или иного рода отсылок к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста” [Супрун 1995 : 17].

Важно отметить, что А.Е. Супрун распространяет понятие текстовой реминисценции не только на художественные и публицистические тексты, как делали авторы, описанных выше подходов, но указывает на неотъемлемость текстовых реминисценций в деловых текстах, где необходимы отсылки к предшествующим документам, общим инструкциям, постановлениям. Текстовые реминисценции также необходимы в научных сочинениях, где цитаты или ссылки на предшественников указывают на связь данной работы с развитием науки, на использование чужих результатов, на эрудицию автора, подкрепляют его тезисы и доказательства; или наоборот, предшествующие работы могут упоминаться или цитироваться, чтобы полностью или частично опровергнуть их результаты или интерпретацию.

Кроме этого, значительно увеличивается набор функций элементов предшествующих текстов в структуре нового текста. Во-первых, текстовые реминисценции значительно повышают степень интерпретируемости, «мягкости» текста. Во-вторых, способствуют оптимальному выражению субъективного отражения действительности в эмотивно-образной форме. Являясь важной составной частью прагматической подструктуры газетного текста, текстовые реминисценции способствуют реализации основной функции этого текста – социально-воздействующей. Текстовые реминисценции используются также как эстетическое, текстообразующее средство, они «лаконизируют» изложение, способствуют образованию подтекстов, они также служат четкому, емкому изложению сообщения с опорой на предшествующий словесный опыт, что избавляет автора от необходимости заново придумывать уже найденные кем-то когда-то удачные словесные формулы. Большинство реминисценций коммуникативного характера выполняют эвристическую

функцию, кумулируя и передавая современникам опыт и знания предшествующих поколений [Алексеенко 2003 : 232].

Отдавая должное данному подходу, всё же необходимо указать, что при анализе конкретных проявлений текстовых реминисценций не разрабатывается система или классификация типов взаимосвязей между текстами. К текстовым реминисценциям исследователи относят широкий круг разных по своей природе явлений: цитаты (от целых фрагментов до отдельных словосочетаний), "крылатые слова", отдельные определенным образом окрашенные слова, включая индивидуальные неологизмы, имена персонажей, названия произведений, имена их авторов, особые коннотации слов и выражений, прямые или косвенные напоминания о ситуациях, среди которых могут быть и топонимы [Супрун 1995 : 17, 20]. Причем основной термин, которым оперируют в этой теории "цитата" используется в максимально широком смысле. Цитатой называется и точное воспроизведение однажды произнесённых или записанных слов, так и их преобразованное воспроизведение, с наличием или отсутствием отсылочной части.

Таким образом, не предлагается четкой типологии единиц, подвергающихся анализу, а также единого терминологического аппарата, который бы послужил основой универсальной схемы анализа различных видов взаимоотношений между текстами и частями текстов, что ограничивает возможности применения данной теории.

Каждый из описанных выше подходов внес свой вклад в развитие теории интертекстуальности. Хотя исследователи используют различную терминологию (интертекстуальность, цитатное письмо, текстовые реминисценции) и подвергают анализу различный языковой материал (художественная литература, публицистические и научные тексты), в сделанных ими выводах и обобщениях чётко прослеживаются точки пересечения и схожие идеи, что говорит об универсальности описываемых механизмов.

Кроме этого, исследователи в большей или меньшей степени обращают внимание на то, что в текстах присутствуют ссылки не только на явления

собственно лингвистической природы (цитаты, аллюзии, крылатые выражения и т.д.), но и на экстралингвистические факторы (события из жизни автора, значимые даты, важные географические названия). Но о них либо упоминается вскользь и говорится о поэтике даты, значимых топонимах или антропонимах (Н.А. Фатеева 2006); либо проводятся отдельные исследования этих явлений, как правило, в творчестве какого-либо писателя или поэта (П. Тамми 1999, М.А. Соловьева 2004), где подобные явления рассматриваются обособлено, хотя, по сути, они функционируют в тексте, так же как и явления лингвистической природы.

С точки зрения преодоления этой двойственности, а также создания единого терминологического аппарата и целостной универсальной системы анализа интертекстуальных связей между текстами, особый интерес представляет подход к готовым знакам из “чужих” текстов как к прецедентным феноменам.

1.1.2. Критерии выделения прецедентных феноменов

Теория прецедентных феноменов появилась в лингвистике на основе теории о прецедентных текстах, разработанной Ю.Н. Карауловым для анализа роли прецедентных текстов в структуре языковой личности. Иллюстрируя выдвигаемые положения примерами из художественных произведений, Ю.Н. Караулов определяет прецедентные тексты как “значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности” [Караулов 1997 : 216]. Текст понимается Ю.Н. Карауловым широко, как объединённая смысловой связью последовательность любых знаковых единиц (в том числе произведения изобразительного искусства, музыкальные сочинения, обряд, танец, сновидение, ритуал). В рамках лингвистических исследований такое понимание термина “текст”, в некоторой сте-

пени, затрудняет создание типологии анализируемых единиц, так как под определение текста попадают явления разной природы.

Эта сложность снимается в теории, разработанной московскими учеными Д.Б. Гудковым, В.В. Красных, И.В. Захаренко, которые экстраполировали определение прецедентного текста, данное Ю.Н. Карауловым, на прецедентные феномены в целом (при этом термин “текст” понимается в гораздо более узком смысле, чем у Ю.Н. Караулова).

Д.Б. Гудков определяет прецедентные феномены как известные любому среднему представителю того или иного лингвокультурного сообщества и входящие в когнитивную базу этого сообщества [Гудков 2003б : 104].

В.В. Красных немного уточняет это определение и относит к числу прецедентных феномены:

1) хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»);

2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане;

3) обращение (апелляция), к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества [Красных 2003 : 170].

В каждом из этих определений заложены критерии отнесения того или иного феномена к прецедентным, которые требуют уточнения.

Е.А. Нахимова отметила, что авторы, занимающиеся вопросами прецедентности, по-разному определяют, прежде всего, тот круг людей, которым должен быть знаком прецедентный феномен.

Например, В.В. Красных указывает, что прецедентные феномены “известны всем представителям национально-лингвокультурного сообщества”. Но выдвижение данного критерия делает невозможным само понятие прецедентных феноменов. Это утверждение основано на результатах эксперимента по восприятию студентами прецедентных феноменов, взятых из

курса школьной программы по литературе (Н.С. Бирюкова 2005), данные исследования показывают, что выбранные феномены оказались знакомы далеко не всем анкетированным. Е.А. Нахимова указывает, что выдвижение критерия общеизвестности при выявлении прецедентных феноменов представляется весьма неосторожным, так как интеллектуальный и культурный уровень граждан, сферы их интересов различны [Нахимова 2004а : 169].

Этот же критерий в формулировке Д.Б. Гудкова более аккуратен, но даже “известность прецедентных феноменов любому среднему представителю того или иного лингвокультурного сообщества”, выводит за пределы рассматриваемой категории множество фактов, которые В.В. Красных и Д.Б. Гудков рассматривают в качестве прецедентных феноменов.

Поэтому Е.А. Нахимова, проведя собственное исследование восприятия прецедентных феноменов студентами, посчитала целесообразным внести небольшое изменение в определение и предлагает использовать выражение “значительная часть” лингвокультурного сообщества [Нахимова 2004а : 170].

Здесь требует уточнения еще один момент, а именно, единицы какого уровня прецедентности относятся к прецедентным феноменам. Д.Б. Гудков и В.В. Красных выделяют четыре уровня прецедентности: автопрецедентные, социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные феномены [Гудков 2003б : 103], [Красных 2003 : 173].

Автопрецеденты представляют собой отражение в сознании индивида некоторых феноменов окружающего мира, обладающих особым познавательным, эмоциональным, аксиологическим значением для данной личности, связанных с особыми индивидуальными представлениями, включенными в неповторимые ассоциативные ряды.

Социумно-прецедентные – феномены, известные любому среднему представителю того или иного социума (генерационного, социального, конфессионального, профессионального и т. д.) и входящие в коллективное когнитивное пространство. Эти феномены могут не зависеть от националь-

ной культуры. Например, феномены, общие для всех мусульман (конфессиональный социум) или для врачей (профессиональный социум).

Национально-прецедентные – феномены, известные любому среднему представителю того или иного национально-лингвокультурного сообщества и входящие в национальную когнитивную базу.

Универсально-прецедентные – феномены, известные любому среднему современному *homo sapiens* и входящие в «универсальное» когнитивное пространство.

Д.Б. Гудков при этом сосредотачивает внимание на национально-прецедентных феноменах [Гудков 2003б : 104]. В.В. Красных принципиально не рассматривает автопрецеденты, так как они либо не отвечают определению прецедентных феноменов, либо входят в число (как минимум) социумно-прецедентных [Красных 2003: 173]. Г.Г. Слышкин привлекает внимание к текстам прецедентных для узкого круга людей (семейный прецедентный текст, прецедентный текст студенческой группы и т.д.) [Слышкин 2000 : 28]. Е.А. Нахимова же отмечает, что “даже одного случая фиксации “чужого слова” в тексте достаточно для того, чтобы квалифицировать этот случай как использование прецедентного феномена” [Нахимова 2004а : 172].

Безусловно, такие феномены являются прецедентными, но принимая во внимание тот факт, что в данной работе прецедентные феномены будут рассматриваться при анализе политического дискурса, а именно, дискурса президентских избирательных кампаний, рассчитанного на массового адресата, правомерно ограничить круг прецедентных феноменов, как минимум, до национального уровня прецедентности.

Следующий критерий, заложенный в определении, – это “хорошее знакомство” с прецедентными феноменами. Е.А. Нахимова считает корректным исключить упоминание именно о *хорошем* знакомстве, так как результаты проведённого ею эксперимента показывают, что “значительная часть информантов обнаруживает степень знакомства с некоторыми предложенными для объяснения феноменами, которую можно сформулировать при-

близительно так: “Где-то об этом что-то слышал” или “Кажется знакомым”. Очень часто информанты допускали серьезные ошибки при определении названий прототекстов и их авторов” [Нахимова 2004а : 171]. Результаты данного эксперимента подтверждаются данными подобных экспериментов, проведенных другими исследователями (О.С. Боярских 2007), что позволяет согласиться с предлагаемым уточнением.

Важной дифференцирующей характеристикой прецедентных феноменов является их способность:

- 1) выполнять роль эталона культуры, выступая в качестве “порождающей модели” для целого класса объектов;
- 2) функционировать как свернутая метафора, выражая не рациональную, но эмоциональную оценку;
- 3) выступать как символ такого феномена или ситуации (взятых как совокупность некоторого набора дифференциальных признаков), которые не могут быть адекватно вербализованы, либо их вербализация оказывается чрезвычайно громоздкой.

Последний критерий выделения прецедентных феноменов – это частота их употребления. В.В. Красных говорит о “постоянном возобновлении прецедентных феноменов в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества”. Однако Г.Г. Слышкин при анализе смеховых жанров приходит к выводу о том, что существуют тексты (автор придерживается широкого понимания термина “текст”), становящиеся прецедентными на относительно короткий срок и не только неизвестные предшественникам данной языковой личности, но и выходящие из употребления раньше, чем сменится поколение носителей языка (например, рекламный ролик, анекдот). Тем не менее, в период своей прецедентности эти тексты обладают ценностной значимостью, а основанные на них реминисценции часто используются в дискурсе этого отрезка времени [Слышкин 2000 : 28]. Таким образом, “возобновляемость” обращения к тому или иному прецедентному феномену может быть “потенциальной”, т. е. апелляции к нему могут и не быть частотными, но

они обязательно понятны собеседнику без дополнительной расшифровки и комментария.

С учётом высказанных уточнений прецедентные феномены можно определить как феномены:

- 1) известные значительной части представителей национально-лингвокультурного сообщества;
- 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане;
- 3) обращение к которым обнаруживается в речи представителей соответствующего национально-лингвокультурного сообщества.

Это определение прецедентных феноменов и взято за основу в данном исследовании.

1.1.3. Виды прецедентных феноменов

Приведённое определение охватывает широкий круг прецедентных феноменов как вербальных, так и невербальных по своей природе. К вербальным феноменам относятся разнообразные тексты как продукты речемыслительной деятельности, к невербальным – произведения живописи, скульптуры, архитектуры, музыкальные произведения и т. д. В своих исследованиях Д.Б. Гудков, В.В. Красных рассматривают в первую очередь вербальные прецедентные феномены, к которым относят прецедентное имя и прецедентное высказывание, и вербализуемые прецедентные феномены: прецедентная ситуация и прецедентный текст.

Авторы особо оговаривают, почему прецедентный текст и прецедентная ситуация относятся к вербализуемым феноменам. “Сам текст, имеющий статус прецедентного, – феномен, безусловно, вербальный, однако в сознании такой текст хранится, как правило, все-таки не от первого до последнего слова, но как некий «концепт» на национальном, так сказать, уровне, т. е. как очень сжатый «образ», максимально «уплотненное» представление об этом тексте (включая сюжет, основные коллизии, персонажей, какие-то детали и т.

д.)” [Красных 2002 : 47]. В речи, как указывают исследователи, апелляция происходит не к самому тексту, а именно к этому представлению о тексте, которое может быть вербализовано, например, через краткий пересказ или рассказ. Что касается прецедентных ситуаций, то эти феномены вообще не имеют одного зафиксированного в языке способа актуализации. Прецедентная ситуация может быть актуализирована посредством вербальных средств через активизацию инварианта восприятия этого события, закреплённого в народном сознании с соответствующей эмоциональной окраской, или через какую-то деталь, атрибут или символ этого прецедентного феномена. Таким образом, прецедентный текст и прецедентная ситуация “хранятся” в когнитивной базе в виде инвариантов восприятия и могут быть при необходимости вербализованы.

Рассмотрим выделенные типы прецедентных феноменов, описав их отличительные признаки.

Прецедентное имя – вербальный прецедентный феномен, который определяется как индивидуальное имя, связанное: 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных; 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная; 3) имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств [Гудков 2003а : 147].

Прецедентное имя обладает структурой, его ядро составляют дифференциальные признаки, а периферию – атрибуты.

Дифференциальные признаки образуют систему характеристик, отличающих данный предмет от ему подобных. Система дифференциальных признаков прецедентного имени не является собой лишь совокупность некоторых признаков, а обладает многоуровневой структурой. Но представляется невозможным определить и привести точный и полный «набор» элементов, составляющих дифференциальные признаки того или иного прецедентного имени, прежде всего в силу их разнообразия, а также в силу тенденции к изменению состава дифференциальных признаков, как исчезновения старых,

так и появления новых. Но выделяется, по крайней мере, три группы дифференциальных признаков прецедентного имени, которые могут включать характеристику предмета: по внешности, или по чертам характера, или актуализироваться через прецедентную ситуацию.

Атрибуты прецедентного имени – это «элементы», тесно связанные с означаемым прецедентного имени, являющиеся достаточными, но не необходимыми для его сигнификации. В качестве атрибутов могут выступать некоторые детали одежды или внешности, которые принадлежат денотату и по которым его можно «узнать» [Красных 2002 : 198–202].

Структурное устройство прецедентного имени определяет особенности его функционирования в речи. Прежде всего, прецедентное имя может, как и любое другое индивидуальное имя, именовать предмет, то есть функционировать как имя собственное, указывая непосредственно на денотат, следовательно, дифференциальные признаки прецедентного имени оказываются не релевантны.

В этом случае, по мнению В.В. Красных, нельзя говорить о прецедентности, так как отличительной особенностью функционирования прецедентного имени является его способность употребляться в качестве «сложного знака», который используется не столько для идентификации или называния предмета, сколько для его характеристики, то есть, когда имеет место апелляция к дифференциальным признакам прецедентного имени, составляющим ядро инварианта его восприятия.

Таким образом, В.В. Красных говорит о двойном функционировании прецедентного имени, а именно, либо как имени собственного, либо как имени прецедентного.

Отличным является здесь подход Д.Б. Гудкова, который, имея в виду то же самое, на что указывает В.В. Красных, говорит о денотативном (интенциональном) и коннотативном (экстенциональном) употреблении прецедентного имени [Гудков 2003а : 154].

Подход Д.Б. Гудкова кажется более последовательным, так как употребление в тексте имени, которое связано либо с широко известным текстом, либо широко известной ситуацией (что заложено в определении), безусловно, вызывает определённую совокупность смыслов, выполняющих характеризующую функцию.

Прецедентные имена, будучи единицами, отражающими категории культуры того или иного национально-лингвокультурного сообщества, выражают ценностные ориентации, поскольку именно они образуют «набор «героев» и «злодеев», предлагая первых в качестве примера для подражания, а поступки вторых – образца того, чего делать ни в коем случае нельзя» [Гудков 2003б : 123–124]. Таким образом, выделяется ещё два аспекта функционирования прецедентных имён: с одной стороны, прецедентные имена отражают ценностные ориентации национально-лингвокультурного сообщества, с другой – формируют и определяют их, влияя на модели социального поведения членов этого сообщества [Гудков 2003б : 183].

Второй вид вербальных прецедентных феноменов – **прецедентное высказывание** – репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной, сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу, последний всегда «шире» простой суммы значений. За прецедентным высказыванием всегда стоит прецедентный феномен – прецедентный текст и/или прецедентная ситуация [Красных 2002 : 172].

Причем, В.В. Красных подчёркивает, что прецедентные высказывания *обязательно* неоднократно воспроизводятся в речи, и в этом заключается их специфика и отличие от других прецедентных феноменов, которые могут быть потенциально частотными. Мы позволяем себе не согласиться с этим мнением, поскольку прецедентные высказывания представляют собой подвижный вид прецедентных феноменов, которые могут появляться на короткий промежуток времени и быстро исчезать, например, фразы из рекламных

роликов, анекдоты. Но в период своей активности они обладают сильным воздействующим потенциалом.

Среди авторов, занимающихся вопросами прецедентности, нет единства по поводу того, какие именно единицы относятся к прецедентным высказываниям.

Например, Ю.Н. Караулов (Ю.Н. Караулов 1997) и Е.А. Земская (Е.А. Земская 1996) относят к ним цитацию и квазицитацию; С.И. Сметанина (С.И. Сметанина 2002) и В.В. Красных (В.В. Красных 2002) говорят о цитатах и пословицах; А.Е. Супрун (А.Е. Супрун 1995) выделяет цитаты, крылатые слова, неологизмы; Г.Г. Слышкин (Г.Г. Слышкин 2000) относит к прецедентным также афоризмы; Д. Чендлер (Д. Чендлер 2000) рассматривает цитирование, плагиат и аллюзии; М.Ю. Илюшкина (М.Ю. Илюшкина 2004) среди прецедентных высказываний выделяет: цитаты, фразеологизмы, пословицы, поговорки, крылатые слова и другие устойчивые речевые формулы.

Правомерность отнесения всех единиц, перечисленных выше, к прецедентным высказываниям можно определить, проанализировав каждое из них, с точки зрения соответствия критериям, обозначенным в определении. Таким образом, цитаты, квазицитаты, афоризмы, крылатые слова, аллюзии, плагиат и устойчивые речевые формулы (например, выражения эпохи социализма) определенно являются прецедентными высказываниями. Спорным является отнесение к прецедентным высказываниям пословиц, поговорок и фразеологизмов, так как довольно сложно определить какой именно текст или ситуация стоят за ними. Но в силу того, что их этимологию отследить все же возможно, то есть основания говорить о прецедентном характере этих единиц. Неологизмы, на наш взгляд, нельзя отнести к прецедентным высказываниям, так как они не отвечают требованиям, предъявляемым к прецедентным феноменам в целом. Неологизмы, во-первых, не соответствуют требованию частотности, они либо относятся к разряду авто- или социумно-прецедентных феноменов, либо, наоборот, настолько часто употребляются в речи, что стирается связь с породившим текстом или ситуацией. И, во-

вторых, неологизмы являются лишь наименованием, названием новых реалий, но не являются инструментом оценки и познания, не выражают ценностных ориентаций общества, что является необходимой характеристикой прецедентных феноменов.

Теперь для более четкого представления природы единиц, относящихся к прецедентным высказываниям, необходимо внести терминологическую ясность, определив основные понятия, а именно: цитата, квазичитата, аллюзия. Мы не считаем целесообразным приводить определения других единиц, относящихся к прецедентным высказываниям, так как мнения различных исследователей здесь совпадают и являются традиционно устоявшимися. Указанные же понятия, благодаря развитию теории интертекстуальности, получили множество толкований и интерпретаций, что обуславливает необходимость их чёткого определения.

Прежде всего, следует отметить некоторую небрежность в употреблении терминов “цитата” и “цитация”. Они используются разными исследователями либо как дублиеты, в этом случае одно и то же явление называется и цитатой, и цитацией; либо разные авторы предпочитают один из этих терминов при описании одного и того же явления. Все же это два разных термина. Как указывает Н. Д. Арутюнова, цитация – это коммуникативный бумеранг. Она выражает реакцию на реплику говорящего и прямо связана с диалогическими модальностями – согласием и несогласием, а также с различной диалогической тактикой. “В классическом случае цитация – это ход в игре на две руки. Этим она отличается от цитирования – введения в текст фрагментов других текстов. Прагматическая ситуация цитирования вовлекает по крайней мере трех участников: говорящего (автора текста), адресата и автора цитаты” [Арутюнова 1986 : 50]. Таким образом, применительно к теории интертекстуальности правомерно говорить о цитировании как процессе включения в текст элементов других текстов, и цитате, как фиксированном результате этого процесса.

Термин “цитата” является, по мнению ряда учёных, ведущим в теории интертекстуальности. В рамках узкого подхода “цитата” определяется как “дословное воспроизведение фрагмента какого-либо текста, сопровождаемое ссылкой на источник” [Москвин 2002 : 63]. Согласно этой дефиниции цитата характеризуется наличием трёх компонентов: “воспроизведение фрагмента какого-либо текста”, “дословность”, “ссылка на источник”. Но цитаты, отвечающие выдвинутым требованиям, характерны скорее для научного или официально-делового, а не политического дискурса, в той его разновидности, которая рассматривается в данной работе. Поэтому более широкий подход к определению этого понятия вполне обоснован.

Однако, например, определение, предложенное Н.А. Кузьминой, где цитата понимается как “фрагмент текста, принадлежащий Другому” [Кузьмина 2004 : 100] слишком абстрактно описывает объект исследования. Н.А. Фатеева, определяя цитирование как “воспроизведение двух или более компонентов текста-донора с собственной предикацией” [Фатеева 2000 : 122], несколько сужает рамки цитаты. Но данная дефиниция допускает любые лексические трансформации первоначального высказывания, сохраняя при этом за ним статус цитаты. Это нам кажется не совсем последовательным, так как подобные изменения могут значительно изменять смысл первоначального высказывания вплоть до противоположного.

В данном исследовании мы придерживаемся определения цитаты и квазицитаты (или трансформированной цитаты), предложенного Е.А. Земской, согласно которому цитата – это включение в текст чужого текста в неизменённом виде, а квазицитата (трансформированная цитата) – это включение в текст чужого текста в трансформированном, переименованном виде [Земская 1996 : 157] с наличием или отсутствием отсылочной части. Кроме этого, вслед за Д.Б. Гудковым, к цитатам мы также будем относить названия произведений и полное воспроизведение текста, представленного одним или несколькими высказываниями [Гудков 2003б : 107].

Необходимо отметить, что применительно к квазицитате (трансформированной цитате) существует множество терминов для того, чтобы назвать различные виды трансформации исходной цитаты, например, “коммемораты”, “текстовая аппликация”, “фрактата”, “парафраза”, “травестирование”. Соглашаясь с обоснованностью выделения данных терминов, мы отдаём предпочтение описательному способу указания изменений, представленных в квазицитате.

Цитаты и квазицитаты в тексте могут быть либо маркированными, либо немаркированными. К маркерам цитаты относятся кавычки, курсив, синтаксические конструкции прямой и косвенной речи, а также ссылки на автора и/или на название произведения.

Аллюзия определяется как прием, состоящий в ассоциативной отсылке к известному для адресата факту виртуальной либо реальной действительности [Москвин 2002 : 65]. Данная дефиниция представляется наиболее удачной, так как указывает на то, что в тексте могут находиться элементы, отсылающие не только к другим текстам (как к вербальным текстам, так и текстам других видов искусств), но и к определенным историческим, культурным и биографическим фактам.

От цитирования аллюзия отличается тем, что элементы претекста (то есть предшествующего текста, к которому в данном тексте содержится отсылка) в рассматриваемом тексте оказываются рассредоточенными; заимствование элементов происходит выборочно, а целое высказывание или строка исходного текста присутствуют в новом только имплицитно.

Как было сказано выше, за прецедентным высказыванием всегда стоит либо прецедентный текст, либо прецедентная ситуация. Но связи с породившим текстом у различных прецедентных высказываний выражены в разной степени, на основании чего прецедентные высказывания можно классифицировать следующим образом:

1. Прецедентные высказывания, которые сохранили связь с текстом-источником или прецедентной ситуацией (*Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел*).

2. Прецедентные высказывания, которые (1) утратили связь с породившим их источником и приобрели (приобретают) статус автономных (*Я умываю руки; Он славно пишет, переводит* и др.), (2) никогда не имели такой связи (в ряде случаев потому, что сами являлись полноценным текстом) (*Нельзя объять необъятное*) [Красных 2002 : 205].

Первая из выделенных групп также позволяет более мелкое дробление. Несмотря на то, что прецедентные высказывания, отнесённые к этой группе, не утратили связь с породившим их текстом или ситуацией, при их функционировании в речи не всегда есть необходимость соотносить эти высказывания с источником происхождения для того, чтобы понять смысл того, что имеется в виду. На основании этого прецедентные высказывания подразделяются на:

1) прецедентные высказывания, для расшифровки которых соположение с прецедентным текстом-источником или прецедентной ситуацией не обязательно, и если оно имеет место, то служит только одному – созданию комического эффекта. В подобных случаях В.В. Красных говорит о прецедентном высказывании с поверхностным значением либо с глубинным значением [Красных 2002 : 209].

2) прецедентные высказывания, полное понимание функционального смысла которых возможно именно при соположении реальной ситуации, в которой используется прецедентное высказывание, с прецедентной ситуацией или прецедентным текстом, содержащим таковую. В терминах В.В. Красных в подобных случаях происходит актуализация системного смысла высказывания [Красных 2002 : 213]. При этом смысл может присутствовать имплицитно и проявляться лишь в виде коннотаций и эксплицитно, то есть оказывать важнейшее и первоочередное значение в формировании функционального смысла высказывания.

Прецедентные высказывания и прецедентные имена часто употребляются в тексте именно для актуализации вербализуемых прецедентных феноменов (прецедентной ситуации и прецедентного текста), выступая в роли их символов. Сами прецедентный текст и прецедентная ситуация являются феноменами скорее собственно когнитивного, нежели лингвистического плана, поскольку хранятся в сознании носителей языка в виде инвариантов восприятия. Реальная ситуация речи может сопоставляться автором с некоей прецедентной ситуацией, выступающей как эталон для ситуаций такого типа вообще. Чтобы актуализировать в сознании собеседника инвариант восприятия данной прецедентной ситуации, говорящий употребляет прецедентное высказывание или прецедентное имя [Гудков 2003а : 151].

Перейдём, таким образом, к рассмотрению прецедентной ситуации и прецедентного текста.

Прецедентная ситуация – это некая «идеальная» ситуация, когда-либо бывшая в реальной действительности или принадлежащая виртуальной реальности созданного человеком искусства [Красных 2002 : 183]. Яркие признаки данной ситуации запечатлены в народном сознании с той или иной эмоциональной оценкой [Чудинов 2003 : 137].

Прецедентная ситуация, будучи феноменом скорее когнитивного, а не лингвистического плана, хранится в когнитивной базе в качестве инварианта восприятия, в который входят определенные минимизированные и национально-детерминированные знания и представления о самой ситуации, включающие в себя, в том числе, и коннотации, с данной ситуацией связанные [Красных 2002 : 183]. Инвариант восприятия прецедентной ситуации, является своеобразной квинтэссенцией представлений о “добре и зле”. Будучи воспринятой (рассмотренной и оцененной) сквозь призму когнитивной базы и став ее частью, прецедентная ситуация сама начинает задавать систему оценок. Таким образом, приобретя статус прецедентной, ситуация не только олицетворяет сформировавшиеся в языковом и культурном сообществе типовые представ-

ления о некоторой ситуации, но и начинает выступать как «эталон» ситуаций данного, определенного типа вообще.

Апелляция к прецедентной ситуации может осуществляться в тексте через её дифференциальные признаки (атрибуты), которые входят в когнитивную базу. К дифференциальным признакам прецедентной ситуации относят прецедентные имена и высказывания, тесно связанные с данной ситуацией и ее эксплицирующие. В случае с прецедентным именем бывает трудно определить, что является атрибутом чего, прецедентное имя – атрибут прецедентной ситуации, или наоборот. Чаще всего, как указывает В.В. Красных, это абсолютно равнозначные и обоюдозависимые феномены [Красных 2002 : 188].

Но актуализировать прецедентную ситуацию также возможно через непрецедентный феномен путем указания на место событий, их время, яркие признаки. Знаком прецедентной ситуации нередко оказываются предметы быта, иные артефакты, природные объекты [Чудинов 2003 : 137].

Кроме этого, прецедентная ситуация актуализируется в дискурсе посредством краткого “описания” самой ситуации или путем её “именования”. Вербализация в подобных случаях может быть достаточно неожиданной, так как не ограничена никакими формальными рамками, но всегда «прочитываемой».

Прецедентный текст – законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу [Гудков 2003б : 172].

Хотя сам прецедентный текст как таковой – феномен вербальный, в когнитивной базе он хранится в виде инварианта своего восприятия в силу того, что, литературное произведение содержится в памяти, как правило, не от первого до последнего слова, а в виде общего представления о сюжете, характере главных героев, морали данного произведения и т.д. Прецедентный текст хранится в памяти как структурированная совокупность минимизиро-

ванных и национально-детерминированных представлений о данном тексте (включая коннотации, с текстом связанные).

Текст является прецедентным именно в силу наличия инварианта его восприятия. Интересно отметить, что знание инварианта восприятия прецедентного текста представителем национально-лингвокультурного сообщества не предполагает обязательного знакомства с самим прецедентным текстом (именно как с текстом) – оно желательно, но не обязательно. Для инофонов знание прецедентного текста как вербального продукта недостаточно, чтобы иметь инвариант восприятия какого-либо текста, понимать апелляции к нему и самостоятельно обращаться к прецедентному тексту в своей речи [Красных 2002: 190]. Это объясняется тем, что инвариант восприятия прецедентного текста является частью когнитивной базы, которая у каждого национально-лингвокультурного сообщества своя, своя система эталонов и свой алгоритм восприятия текстов.

Так как прецедентный текст относится к числу вербализуемых прецедентных феноменов, апелляции к нему могут осуществляться:

- 1) через связанные с этим текстом прецедентные высказывания, а также прецедентные ситуации описанные в тексте;
- 2) через прецедентное имя: либо имя персонажа, либо через имя автора этого текста;
- 3) описательно.

Последний способ актуализации применяется в тех случаях, когда прецедентный текст не имеет названия, если это, например, текст рекламы или анекдота, однако апелляция к нему не становится от этого менее прочитываемой. Неназывание текста также возможно и в тех случаях, когда определить один источник невозможно, например, в ситуации один и тот же персонаж является главным героем нескольких литературных произведений.

Апелляция может происходить не ко всему тексту, а только к какой-то его части, возможно, также обращение к целому ряду прецедентных феноменов, сконцентрированных в одном прецедентном тексте, то есть к самому

инварианту восприятия прецедентного текста, к прецедентной ситуации, к прецедентному высказыванию и к прецедентным именам, связанных с данным текстом. Такого рода случаи апелляции к “комплексу” прецедентных феноменов не уникальны и, более того, достаточно частотны. Ряд учёных (Д.Б. Гудков 2003; Е. А. Немирова 2003а, Р.Л. Смулаковская 2003) исследуют механизмы построения и развертывания таких прецедентных цепочек.

Рассмотренные виды прецедентных феноменов, с одной стороны, являются трансляторами культурно значимой информации, выражающими систему оценок и ориентаций национально-лингвокультурного сообщества. С другой стороны, они задают определённую систему ценностей, регулируя, таким образом, социальное поведение представителей данного национально-лингвокультурного сообщества, осуждая одни образцы поведения, поощряя другие и побуждая к определённым действиям. Эта особенность прецедентных феноменов активно используется в политическом дискурсе, задачей которого является наиболее лаконично и ярко воздействовать на избирателя, сформировать необходимое отношение к какой-либо личности или какому-либо событию и побудить избирателя к принятию определённого решения.

Эта и другие особенности политического дискурса будут рассмотрены в следующем параграфе.

1.2. Прецедентные феномены в предвыборном дискурсе

Политика, являясь важной частью общественной жизни людей, неизбежно оказывает влияние на жизнь любого рядового гражданина. В повседневной жизни это влияние, как правило, не замечается, но всё же все представители общества должны жить в соответствии с законодательством страны, таким образом, политика задаёт механизмы взаимодействия внутри общества. Но вторжение политики в жизнь каждого становится особенно заметно в период проведения предвыборной агитации, который характеризуется, в большинстве случаев, повышенным вниманием электората к политическим деятелям, партиям и их программам. Представители политической

элиты в свою очередь стараются разнообразными средствами привлечь это внимание к себе и удержать его, вызвать к себе интерес, убедить в своей правоте и побудить избирателей к принятию определённого выборного решения. Будучи ориентированным на массовый адресат, политический дискурс должен легко перевариваться и быстро производить свой эффект, позволяя по возможности незаметно манипулировать сознанием аудитории [Демьянков 2003 : 116]. Этим и обуславливается тот факт, что исследование политического дискурса лежит на пересечении разных дисциплин: политологии, филологии, психолингвистики, герменевтики и т.д. В рамках филологии политический дискурс рассматривается в связи с языковыми особенностями поведения говорящих и интерпретации их речи.

1.2.1. Предвыборный дискурс как вид политического дискурса

Термин “дискурс” и дискурсивные исследования появились во второй половине XX века в целом ряде гуманитарных наук, предмет которых прямо или опосредованно предполагает изучение функционирования языка, – лингвистики, литературоведения, семиотики, социологии, философии, этнологии и антропологии. Как отмечает М.Ю. Лотман “развитие науки в разные моменты выбрасывает на поверхность такие слова; лавинообразный рост их частотности в научных текстах сопровождается утратой необходимой однозначности. Они не столько терминологически точно обозначают научное понятие, сколько сигнализируют об актуальности проблемы, указывают на область, в которой рождаются новые научные идеи” [Лотман 1992 : 148]. Причём полисемия сохраняется в рамках каждой из наук по отдельности. Но данный факт не свидетельствует об ограниченности существующих подходов, а лишь говорит о принципиальной невозможности существования одного определения этого понятия в силу его сложности и многомерности. Важно отметить, что предлагаемые дефиниции вряд ли возможно рассматривать с диахронической точки зрения, так как в ходе исторического развития одно понимание термина не сменяет другое, а сосуществует с ним, описывая но-

вую грань исследуемого явления. Также представляется невозможным выстроить иерархию предлагаемых определений, установив родовидовые отношения между ними, поскольку разные понимания термина отражают разные представления о самом феномене и его функционировании.

В данном исследовании мы придерживаемся культурно-ситуативной трактовки этого термина, предложенной Н.Д. Арутюновой, которая определяет дискурс как “речь, погружённую в жизнь” [Арутюнова 1990 : 136]. Из определения следует, что по своей природе дискурс – это не только лингвистическое, но и социо-культурное явление, которое, интерпретируя окружающую действительность, отражает при этом особый способ видения мира, способ упорядочивания действительности, заданный определённой коммуникативной ситуацией и присущий определённому социуму. Кроме этого, на дискурс неизбежно оказывают влияние психологические условия и обстоятельства общения. Таким образом, структура дискурса состоит из двух компонентов: лингвистический, который составляют системные языковые единицы, и экстралингвистический, который составляет ситуация, прагматический, социо-культурный, психологический и другие факторы [Прохоров 2004 : 31].

Одним из направлений изучения дискурса является выделение и описание его типов. В.В. Карасик на основании критерия статусно-ролевых характеристик участников общения противопоставляет личностно-ориентированное и статусно-ориентированное общение и выделяет два основных социолингвистических типа дискурса: личностный и институциональный [Карасик 2004 : 241]. О личностном дискурсе можно говорить, если участники коммуникации хорошо знают друг друга и стремятся не только передать некоторую информацию или оказать определенное воздействие друг на друга, но и раскрыть душу и попытаться понять внутренний мир адресата. Участники личностного дискурса выступают во всей полноте своих характеристик, в отличие от участников институционального дискурса, системообразующим признаком которого является статусная, представительская функция человека институцио-

нальный дискурс есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума, реализуя себя только в ограниченном наборе ролевых характеристик, выступая в качестве представителей определенных групп людей [Карасик 2004 : 243, 245].

Институциональное общение, в отличие от личностно-ориентированного, использует определенную систему профессионально-ориентированных знаков, то есть обладает собственным подязыком (лексикой, фразеологией и паремиологией). Нормы институционального дискурса отражают этнические ценности социума в целом и ценности определенной общественной группы, образующей институт.

К институциональному виду общения, в котором участники выступают как представители определённого института, чье поведение, как вербальное, так и невербальное ограничено конкретными социо-культурными условиями наряду с педагогическим, медицинским, религиозным, деловым и рекламным дискурсами, а также медиа-дискурсом, относят политический дискурс.

Здесь необходимо отметить, что ряд исследователей (В.И. Карасик 2004; Е.И. Шейгал 2000а) указывают, что вряд ли существуют «чистые» виды дискурсов. В конкретных условиях общения различные виды дискурса могут сближаться и приобретать характеристики друг друга. Это обусловлено, прежде всего, активной экспансией массово-информационного общения в повседневную жизнь людей. Телевидение и компьютерная коммуникативная среда стремительно стирают грань между обыденным и институциональным общением, игровой компонент общения доминирует в рекламном дискурсе, в результате возникают транспонированные разновидности дискурса.

Политический дискурс активно рассматривается в различных лингвистических исследованиях (Попова 1995; А.Н. Баранов 1997; Базылев 2005; Е.И. Шейгал 2000, 2001, 2002; Д.Б. Гудков 2003; А.П. Чудинов 2001, 2003, 2006; Демьянков 2002, 2003; М.Ю. Кочкин 2003). Причем рассматриваются как характеристики политического дискурса в целом, как вида институцио-

нального общения, так и его подвиды, например, автобиографический политический дискурс (В.А. Даулетова 2004), дискурс предвыборных кампаний (А.А. Филинский 2002; А.А. Федосеев 2003), официально-деловой политический дискурс (Т.В. Гуляева 2007), а также жанровые разновидности политического дискурса, например, лозунги (А. Алтунян 1994), политическая реклама (Е.В. Егорова-Гантман, К.В. Плешаков 1999), инаугурационные обращения (Е.И. Шейгал 2002) и т.д.

В лингвистической литературе существует узкое и широкое понимание политического дискурса. Согласно первому подходу, разделяемому голландским лингвистом Т. ван Дейком, политический дискурс – это класс жанров, ограниченный социальной сферой, а именно политикой [<http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>]. То есть к жанрам политического дискурса относятся правительственные обсуждения, парламентские дебаты, партийные программы, речи политиков, которые производятся в такой институциональной окружающей обстановке, как заседание правительства, сессия парламента, съезд политической партии. Таким образом, высказывание относится к политическому дискурсу, если оно произнесено говорящим в его профессиональной роли политика и сопровождает политический акт в политической обстановке.

Но данная трактовка принимает во внимание лишь один тип участников этого вида институционального общения – агента, то есть представителя социального института, а необходимым элементом статусно-ролевой структуры институционального дискурса является также клиент, то есть человек, не являющийся представителем этого института [Карасик 2004 : 245]. В политическом дискурсе клиент представлен народом, электоратом, на которого и направлен, ради которого и создается политический дискурс избирательных кампаний, исследуемый в данной работе. Поэтому представляется целесообразным опираться на широкое понимание политического дискурса как “системы коммуникации, имеющей реальное и потенциальное (виртуальное) измерение” [Шейгал 2000а: 11]. В реальном измерении – это дискурсные со-

бытия, текущая речевая деятельность в определенном социальном пространстве, обладающая признаком процессности и связанная с реальной жизнью и реальным временем, а также возникающие в результате этой деятельности речевые произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов [Базылев 2005 : 14]. В потенциальном измерении – семиотическое пространство, включающее: 1) вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание этой коммуникативной сферы, 2) тезаурус прецедентных текстов, 3) типичные модели речевого поведения, а также 4) система речевых актов и жанров политического дискурса [Карасик 2004 : 281].

Взяв это определение за основу, и принимая во внимание тот факт, что анализу будут подвергаться тексты как материальные воплощения дискурса, дадим рабочее определение политическому дискурсу как текстам (в широком понимании этого термина) политической тематики во всем их жанровом разнообразии. Такой подход позволяет исследовать в рамках политического дискурса широкий круг материалов, включая выступления политиков, политических обозревателей и комментаторов, публикации в СМИ, материалы специализированных изданий на различные темы, касающиеся аспектов политики, а также все семиотические системы искусства, задействованные в этом виде институционального общения.

Чтобы получить полное представление о политическом дискурсе во всем разнообразии проявлений, необходимо изучить каждый из его видов. Это предполагает выявление функциональных, семантических, экстралингвистических критериев, позволяющих вычленивать из всей совокупности текстов политического дискурса корпус текстов, представляющих конкретный вид политического дискурса; а также выявление и изучение тех лингвистических особенностей конкретного вида политического дискурса, которые отличают его от остальных, и благодаря которым оказывается влияние на формирование картины мира в целом.

Интересующий нас в данной работе предвыборный дискурс был рас-

смотрен ранее А.А. Федосеевым. В своём диссертационном исследовании автор выделяет предвыборный агитационный дискурс в отдельный вид и определяет его как “вид политического дискурса, представляющий собой совокупность текстов, содержащих агитационные материалы, имеющие отношение к конкретной избирательной кампании и распространяемые в период проведения предвыборной агитации” [Федосеев 2003 : 43]. Высоко оценивая проведённое исследование, необходимо отметить некоторую избыточность предлагаемого термина “предвыборный агитационный дискурс”, наличие слова “агитационный” позволяет прийти к выводу о том, что предвыборный дискурс может быть и не агитационным и не содержать агитационных материалов, но предлагаемые автором выводы свидетельствуют о том, что данный вид дискурса всегда направлен на агитацию. В силу этого, думается, целесообразно ограничиться термином “предвыборный дискурс”.

Предвыборный дискурс обладает признаками, свойственными политическому дискурсу в целом. К ним относят институциональность, экспрессивность, смысловую неопределённость, фантомность, фидеистичность, эзотеричность, дистанционность, авторитарность, театральность, идеологичность и аксиологичность.

Отличительными признаками предвыборного дискурса, наряду с ограниченностью во времени и тематической детерминированностью (выделенным А.А. Федосеевым [Федосеев 2003 : 42]), являются также агональность, обособленность в пространстве и общая событийная канва.

Рассмотрим каждую из этих характеристик более подробно.

Наиболее важная характеристика предвыборного дискурса, позволяющая выделить его в отдельный вид, – это **ограниченность во времени**. В отличие от политического дискурса в целом, который имеет процессуальный характер, предвыборный дискурс имеет четкие временные рамки, установленные Законодательством Российской Федерации, который определяет сроки проведения предвыборной агитации. Проведение предвыборной кампании вне указанных временных рамок не только бессмысленно (в случае если аги-

тация начинается до официальной регистрации кандидата), но и преследуется по закону (если агитация не прекращена за сутки до дня голосования).

Фактор ограниченности во времени неразрывно связан с **пространственной обособленностью**. Та или иная предвыборная кампания всегда протекает на определённой ограниченной территории (страна, округ, город), за пределами которой предвыборная агитация не целесообразна, за исключением тех случаев, когда, например, граждане России проживают за пределами Российской Федерации, но сохраняют гражданство и, таким образом, имеют право принимать участие в Федеральных выборах.

Фиксированные временные границы и ограниченность в пространстве накладывают определённую специфику на предвыборный дискурс, лишая его смысла вне установленных временных и пространственных рамок, а также обуславливают другую его характерную черту – **тематическую детерминированность**.

Несмотря на то, что темы, освещаемые в избирательных кампаниях, никак не регламентированы, их набор оказывается достаточно ограничен. Все темы связаны с деятельностью баллотирующихся кандидатов и/или партий, которые они представляют. Американский ученый В.Л. Бенуа на основе изучения с позиций функциональной теории избирательных кампаний в США и странах Европы и Азии в период с 1948-2004 годы, пришёл к выводу о том, что в предвыборном дискурсе с разных точек зрения (подчас даже с противоположных) освещаются всего две основные темы: либо личные качества кандидата, либо его политическая деятельность. Предпочтения в выборе той или иной темы обусловлены рядом факторов, перечисленных и проиллюстрированных на примерах в его работе. [Бенуа 2006 : 20–21]. Но, как указывает автор, встречаются также случаи сочетания обеих тем “although some commercials are just about policy (issues), or only about character (image), many spots contain a mixture of these two topics ” [Бенуа 2006 : 20]. Мы разделяем данную точку зрения и считаем правомерным выделение указанных тем предвыборного дискурса, даже если речь идёт о парламентских выборах по

партийным спискам. Так как уже не раз отмечалось, российский народ, как правило, голосует не за партию, в значении за предлагаемую ей программу действий, её идеалы и убеждения, а за партию в лице её представителей.

Отличительной особенностью предвыборного дискурса также является то, что события, происходящие в рамках каждой конкретной избирательной кампании, развиваются в **общей канве**. Здесь имеется в виду, что каждый из участников должен выполнить ряд обязательных, ожидаемых от него, ритуальных действий: выдвижение кандидатуры, сбор подписей, официальная регистрация, выступление по телевидению и так далее. Но, более важным является то, что действия разных кандидатов в рамках одной избирательной кампании взаимосвязаны и взаимообусловлены в силу временных ограничений предвыборного дискурса и общности цели участников. В частности, подъём рейтинга одного из кандидатов или одной из партий неизбежно активизирует работу избирательных штабов оппонентов.

Что касается системообразующих признаков политического дискурса, свойственных всем его разновидностям, в том числе предвыборному дискурсу, кратко их можно раскрыть следующим образом.

Предвыборный дискурс **институционален**. Это определяет деперсонифицированный характер общения между представителями и клиентами института (в нашем случае между политиками и народом), который характеризуется социальными правилами и ритуализованными рамками функционирования [Попова 1995 : 14]. Для коммуникации в подобных условиях важными оказываются вербальные сигналы, при получении которых в сознании реципиента сразу актуализируется стереотипная картинка, связанная со стереотипным содержанием. А стереотипное содержание требует стандартизированной формы. Стандартизация высказываний ведет к стандартизации дискурса, в который они включены, и речевого поведения в целом [Гудков 2003а : 143]. Различные проявления предвыборного дискурса характеризуются разной степенью институциональности. Большая или меньшая степень институциональности зависит от внешних условий общения и соци-

альных ролей коммуникантов. Например, программное выступление кандидата отличается высокой степенью институциональности, для него характерны фиксированность формы и «стертость» содержания, обязательная последовательность жестко определенных действий, а речь того же кандидата на встрече с избирателями или в политическом рекламном ролике менее стандартизирована, следовательно, степень институциональности снижается.

Кроме этого, предвыборный дискурс представляет собой особый вид общения, в котором доминирует один из собеседников, общение происходит по схеме «вождь – толпа». В подобном диалоге эффективной является апелляция не логически выстроенным доказательствам, а к эмоциям. Это ведет к тому, что тексты политического дискурса в целом, а предвыборного, в частности, отличаются **экспрессивностью** и образностью, проявляющимися в сведении абстрактных понятий и логических построений к конкретным ментальным образам, «картинкам», призванным вызывать прогнозируемые эмоции. Для предвыборного дискурса, по причине его ограниченности во времени, это особенно важно, так как, известно, что большинство зрителей забывает половину или даже больше увиденного в течение 24 часов. Любой детальный ответ на вопрос или выступление по конкретному вопросу с приведением логически выстроенных аргументов могут легко быть забытыми. Но ответ на вопрос или сюжет рекламного ролика, связанные с более общей идеей, позволяет создавать запланированные образы, вероятность запоминания которых выше по сравнению с развернутым аргументированием. Таким образом, здесь находит отражение ещё одна характеристика предвыборного дискурса – **фидеистичность**, то есть превосходство веры над разумом.

Но при этом необходимо учитывать, что высказывание, принадлежащее к рассматриваемому виду дискурса, направленно не к отдельной личности, а к массам. Следовательно, политик, планируя своё речевое поведение, ориентируется не на создание нового никому неизвестного образа, а на использование уже готовых образцов, как вербального, так и невербального поведения. Подобный выбор приоритет оправдан, так как суггестивная цен-

ность нового образа сомнительна, тогда как эффективность образов, уже существующих в когнитивной базе целого народа или определённой группы населения, известна.

Смысловая неопределённость реализуется в предвыборном дискурсе как превалирование коннотативности над денотативностью. Это является следствием того, что в основе любого коммуникативного акта в рамках предвыборного дискурса лежит стремление воздействовать на собеседника, изменить его взгляды, побудить к принятии определённого выборного решения, чем и определяется суггестивность предвыборного дискурса (имплицированная или эксплицированная), доминирующая над информативностью [Гудков 2003а : 142]. С данным системообразующим признаком политического дискурса связаны ещё две характеристики, **фантомность** (использование слов, в значении которых отсутствует денотативный компонент) и **эзотеричность** (наличие тайного смысла). Как отмечает А.Н. Баранов, подобное словоупотребление более характерно для тоталитарных режимов, где оно выполняет функцию схожую с функцией заклинания в первобытном обществе, а именно, “обозначение того, что положение дел остается прежним, что все «играют в одну игру» и вполне удовлетворены ею” [Баранов 1997 : 109].

Дистанцированность / дистанционность также является важной характеристикой. В предвыборном дискурсе, за исключением такой его разновидности как дебаты (и в них не всегда), нет возможности быстро оценивать результаты речевого поведения политика, в силу того, что общение между политическим деятелем и массами, как правило, опосредованно СМИ, а, следовательно, весьма затруднительно скорректировать эффект произведённый выступлением кандидата, в том случае, если это необходимо. А это бывает довольно часто, действительно, необходимо. Показательным примером является тот факт, что в ходе дебатов между кандидатами на пост президента США спичрайтеры каждого из избирательных штабов фиксируют те высказывания их кандидата, которые были истолкованы его оппонентом в невыгодном свете и создали неблагоприятный образ. Эти “недопонимания” или

“неверные интерпретации” прояснятся на следующий день после дебатов или в сам день дебатов представителями каждого из избирательных штабов на специально созванных пресс-конференциях. Таким образом, дистанционность требует повышенного внимания не столько к содержанию, сколько к форме выражения.

Кроме этого, опосредованность средствами массовой информации дает предвыборному дискурсу огромный манипулятивный потенциал. Основной функцией СМИ является извещение общества о каком-либо событии, но материалы на страницах газет и журналов, а также на телевидении отражают не только точку зрения их авторов, но и заказчиков, и являются, таким образом, средством навязывания определённой, нужной точки зрения под маской бесстрастного описания произошедшего факта. Подобный способ преподнесения информации способен оказать значительное влияние на сознание и поведение тех, кому он адресован.

Предвыборный дискурс, безусловно, **авторитарен**. Как было сказано выше, общение происходит по схеме «вождь – толпа». Речевые произведения в рамках предвыборного дискурса создаются для народа и в некоторой степени определяются им, но направление коммуникации все же идет от представителя института к клиенту. И выбор стиливых параметров политического дискурса связан с целями и интересами его автора, но при этом «стилевое решение» также зависит от когнитивных возможностей той аудитории, для которой дискурс предназначен [Базылев 2005 : 20].

Такая характеристика предвыборного дискурса, как **театральность** обусловлена тем, что “политики, общаясь друг с другом и журналистами, постоянно помнят о «зрительской аудитории» и намеренно или непроизвольно лицедействуют, «работают на публику», стараются произвести впечатление и «сорвать аплодисменты»”. Как справедливо отмечает Е. И. Шейгал “ для обывателя, не читающего политические документы, не знакомого с оригинальными текстами речей и выступлений, воспринимающего политику преимущественно в препарированном виде через СМИ, политика предстает как

набор сюжетов” [Шейгал 2000б : 55] То есть, политический дискурс и его разновидность предвыборный дискурс строятся на сюжетах, образах, на производимом впечатлении, значение имеет то, что воспринимает избиратель, а не то, что есть на самом деле. Чтобы произвести необходимое впечатление и завоевать симпатии разных групп избирателей участникам предвыборной кампании необходимо владение определенным политическим артистизмом, а именно, умением вести полемику, подать себя аудитории и, конечно, ораторским искусством.

Ещё одна характеристика предвыборного дискурса – **идеологичность**. Данный параметр означает, что предвыборный дискурс – это групповой дискурс, так как под идеологией понимается система принципов, лежащая в основе групповых знаний, верований и мнений, и основанная на групповых ценностях. “В политических дискурсах идет борьба за власть номинаций, за власть в сфере обозначения и, тем самым, борьба за фундаментальные групповые ценности” [Базылев 2005 : 13]. Эти ценности и верования определяют вербальное поведение участников избирательной кампании и влияют на выбор стратегии, риторических приёмов, импликаций, речевых ходов и т.д. Кандидаты, являющиеся членами определённой группы, в процессе пропагандистского воздействия склонны фокусировать внимание на пропозициях, преувеличивающих различие между группами, идентифицируя, таким образом, “своих”, консолидируя определённую социальную группу, и выделяя “чужих”, указывая, что их цели, нормы и ценности отличны или даже враждебны. Это ведет к тому, что дискурс стремится стать оценочным, а не фактологическим.

Таким образом, **аксиологичность** является ещё одной значимой характеристикой предвыборного дискурса, что определяется конфликтностью и агональностью текстов политического дискурса.

В оценочную сферу политического дискурса входят в основном три типа объектов: 1) сам говорящий и его сторонники (последователи), 2) его оппоненты, их поведение, реальные и прогнозируемые поступки и личност-

ные черты и 3) объекты и факты, которые на первый взгляд не находятся в эксплицитных связях с двумя перечисленными выше параметрами. Оценочная деятельность в дискурсе дифференцируется по следующей шкале: положительная оценка и ее степень, нейтральная оценка и отрицательная оценка и ее степень [Базылев 2005 : 17].

Чаще всего встречаются следующие варианты положительной оценки, которые представляют одну из сторон в привлекательных, социально-желательных красках:

– неаргументированные утверждения (по схеме: "Он – хороший", "Он – нужный");

– позитивно аргументированные суждения с указанием: 1) высоких моральных качеств, 2) служению интересам народа или общепринятым идеалам, 3) высокой компетентности (под компетентностью может пониматься как политическая, так и профессиональная деятельность объекта оценки), 4) миролюбивых и общепользительных (в системе ориентационных ценностей сообщества) инициатив; указание на сходство и тождественность объекта апологизации с литературными и историческими персонажами (образами), чья позитивная деятельность мифологизирована в массовом сознании, а также распространение их оценочных характеристик на объект описания.

Варианты негативных оценок реализуются с использованием:

– неаргументированных утверждений (по типу "Он – плохой");

– аргументированных оценочных суждений, обвиняющих оппонента: 1) в некомпетентности вообще или в незнании каких-либо сугубо профессиональных вопросов; 2) в нанесении ущерба большой Родине или конкретному региону и реальным жителям; 3) в психическом нездоровье; 4) в моральной неполноценности.

Необходимо обратить внимание на то, что оценки при этом отличаются ярко выраженной полярностью [Гудков 2003а : 142].

Подобные характеристики предвыборного дискурса определяют выбор языковых средств, используемых участниками избирательной кампании. Со-

гласно описанным выше критериям эти средства должны скорее неосознанно, чем напрямую оказывать воздействие на избирателя, создавая в его сознании стереотипные, но яркие эмоциональные образы, с закреплённой за ними либо позитивной, либо негативной оценкой. Фиксированная оценка позволяет представителям того или иного социума расположить созданные образы в отрицательном или положительном полюсе шкалы ценностей данной социальной группы и в соответствии с этим принять определённое выборное решение. Кроме этого, вербальное поведение кандидатов должно отвечать конвенциональным ожиданиям избирателей, которые формируются на основе представления о стереотипном поведении участников избирательной кампании. То есть, оно должно быть в определённой мере стандартизировано и соответствовать нормам поведения в конкретных условиях, принятым в данном национально-лингвокультурном сообществе. Одним из таких средств, наряду с метафорой и тропами, является использование в текстах политического дискурса прецедентных феноменов. Функционирование прецедентных феноменов в текстах предвыборного дискурса будет рассмотрено в следующем параграфе.

1.2.2. Функционирование прецедентных феноменов в предвыборном дискурсе

Прежде всего, следует отметить, что, хотя в настоящее время существует большое количество работ, исследующих прецедентные феномены, они, как правило, посвящены изучению их формы, а не функций. Авторы зачастую только описывают, в каких именно целях употребляются прецедентные феномены в данном конкретном тексте. Вследствие этого, различные авторы предлагают разный перечень функций. В.Н. Базылев описательно говорит об экспрессивной, оценочной, идеологической и консолидирующей функциях [Базылев 2005 : 14–16], Д.Б. Гудков указывает на наличие экспрессивной, оценочной и парольной функций [Гудков 2003а : 157–158], А.А. Филинский в своём диссертационном исследовании выделяет опознавательную, поэтиче-

скую и референтивную функции [Филинский 2002 : 53]. Е.В. Михайлова при исследовании интертекстуальности научного дискурса выделяет следующие функции: референционная, оценочная, этикетная и декоративная [Михайлова 1999 : 11]. Н.А. Фатеева, анализируя художественный дискурс, говорит, что функционирование интертекста заключается во введении в свой текст некоторой мысли или конкретной формы представления мысли; введение данного текста в более широкий культурно-литературный контекст; создание подобия тропеических отношений на уровне текста, а также выделяет конструктивную, текстопорождающую функцию [Фатеева 2006 : 37–39]. Ю.А. Гунько, исследуя функционирование прецедентных феноменов в разговорной речи, выделяет оценочную, характеризующую, коммуникативную, конативную и экспрессивную функции [Гунько 2002 : 18]. Г.Г. Слышкин, занимаясь изучением смеховых жанров, рассматривает номинативную, персуазивную, людическую и парольную функции прецедентных феноменов [Слышкин 2000 : 85–104]. Даже этот краткий обзор показывает, насколько отличны существующие подходы к анализу функций прецедентных феноменов.

С нашей точки зрения, для рассмотрения функций прецедентных феноменов, в том числе и в предвыборном дискурсе, необходимо обратиться к природе этих явлений. Когнитивный механизм воздействия прецедентных феноменов обнаруживает определенное сходство с механизмом воздействия такой связывающей различные понятийные сферы операции, как метафора. В рамках когнитивного подхода метафора определяется как “основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы” [Чудинов 2001 : 36]. То есть метафора позволяет представить одну понятийную область в терминах другой в силу неизвестности или плохой структурированности первой и полностью перенести характеристики сферы-источника на сферу-мишень. Когнитивный механизм функционирования прецедентных феноменов подобен. Отличие заключается в том, что в процессе познания новой аналогии проводятся со знаками “на-

груженными” культурно-значимой информацией, каковыми являются прецедентные феномены. Именно поэтому некоторые специалисты называют прецедентные феномены интертекстуальной метафорой.

В силу общности когнитивного механизма прецедентных феноменов и метафоры, представляется возможным перенести существующую классификацию функций политической метафоры, предложенную А.П. Чудиновым [Чудинов 2003 : 59–67] на функционирование прецедентных феноменов в политическом дискурсе.

Таким образом, прецедентные феномены могут выполнять в предвыборном дискурсе следующие функции: когнитивную (которая представлена номинативной, оценочной, моделирующей, инструментальной, гипотетической функциями), коммуникативную, прагматическую и эстетическую (изобразительную и экспрессивную). Применительно к политическому дискурсу также отдельно выделяется имиджевая функция, направленная на создание социально одобряемого образа политика. Но данная функция нами отдельно не рассматривается, так как она представляет собой синтез номинативной, оценочной, коммуникативной и эстетической функций.

Номинативная функция – функция фиксации знаний. Прецедентные феномены дают наименование реалии, создавая и вместе с тем осознавая существенные свойства реалии, предоставляя, таким образом, ключ к её пониманию. В политическом дискурсе эта функция проявляется наиболее ярко, так как “ в политических дискурсах идет борьба за власть номинаций, за власть в сфере обозначения” [Базылев 2005 : 13].

С номинативной функцией неразрывно связана **функция оценки**. Прецедентные феномены участвуют в выражении не рациональной, но эмоциональной оценки. Высказывания, содержащие ее, претендуют не столько на выражение объективных свойств того или иного феномена, сколько на выражение субъективного отношения автора к указанному свойству (комплексу свойств). Оценка, выраженная с помощью прецедентных феноменов,

не претендует на объективность, она подчеркнута эмотивна и субъективна [Гудков 2003а : 157].

Моделирующая функция – функция формирования представлений о мире в виде модели. Данная функция хорошо просматривается на примере прецедентных имён. С помощью прецедентного имени тому или иному реальному лицу не только приписывается определенный комплекс характеристик, эталонным носителем которого выступает образ, означенный прецедентным именем, данное лицо также включается в определенный сюжет, находящий свое воплощение в прецедентном тексте и / или в прецедентной ситуации. Указанному лицу приписываются действия, заданные той позицией, которая представлена в сюжете, той моделью поведения, которая характерна для соответствующего персонажа. Причём сюжет может быть не развёрнут и представлен имплицитно, но без труда может быть эксплицирован представителями данного национально-лингвокультурного сообщества [Гудков 2003а : 158–159].

Инструментальная и гипотетическая функции очень близки друг к другу, это функции осмысления действительности говорящим. Прецедентные феномены в таком употреблении позволяют либо найти более точную формулировку для описания какого-либо объекта действительности, например, в том случае если вербализация другим способом оказывается невозможной или громоздкой; либо позволяет в образной форме выразить суждения, предположения о сущности сложного для понимания объекта.

Коммуникативная функция позволяет передавать информацию посредством прецедентных феноменов в более удобной для адресата форме. В эвфемистической разновидности этой функции прецедентные феномены передают информацию, которую автор по тем или иным причинам не считает целесообразным обозначить прямо, при помощи непосредственных номинаций. Это является характерным признаком политического дискурса, а прецедентные феномены, в силу своей природы называя и характеризуя объект не прямо, а косвенно, через его признаки или атрибуты, активно употребляются

в этих целях. Популяризаторская разновидность данной функции позволяет посредством прецедентным феноменов представлять сложные конструкты в виде лёгких для понимания и восприятия образах, что является жизненно необходимым в предвыборном дискурсе, нацеленном на широкие массы. Прецедентные феномены в этой функции (особенно прецедентные имена и высказывания) часто используются, для подтверждения выражаемой точки зрения авторитетом известной личности, чей образ имеет позитивные коннотации в сознании представителей национально-лингвокультурного сообщества.

Прагматическая функция – функция воздействия на адресата. Прецедентные феномены используются для формирования необходимого отношения к факту действительности или восприятия действительности адресатом, посредством создания эмоционального отношения (позитивного или негативного) к описываемым явлениям действительности. Кроме этого, прецедентные феномены задают определенную систему ценностных ориентаций, регулирующую социальное поведение представителей национально-лингвокультурного сообщества, консолидируя “своих” и противопоставляя “своих” и “чужих”. Именно этим объясняется серьезное различие в составе и употреблении прецедентных феноменов в тезаурусе газет, являющихся политическими оппонентами.

Эстетическая функция реализуется через изобразительную и экспрессивную разновидности. Так как политический дискурс – это, в некоторой мере, театрализованное действо, для его участников необходимо артистичное владение речью для привлечения и удержания внимания. Эффект экспрессивности, практически всегда возникающий при употреблении прецедентных феноменов, а также их образность как нельзя лучше справляются с этой задачей.

Перечисленные функции прецедентных феноменов реализуются в предвыборном дискурсе в комплексе, так как невозможно говорить о номинации отдельно от оценочности, а, говоря об оценочности, не упоминать экспрессивность. Но, так как ведущей функцией предвыборного дискурса явля-

ется воздействие на сознание, отмечается приоритет прагматической функции.

1.3. Методика исследования прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов

В любом научном исследовании методы, методика и приёмы анализа определяются выбранной научной школой, целями исследования, материалом, подвергающимся анализу, и, конечно, они отбираются с учётом опыта, накопленного в науке в сфере подобных исследований. Поэтому, чтобы выбрать алгоритм анализа, который наиболее полно соответствует целям нашей работы, а также учитывает специфику рассматриваемого материала, необходимо остановиться на методиках, которые уже применяются для анализа прецедентных феноменов.

Наиболее распространённым является анализ прецедентных феноменов с точки зрения определения сфер культурного знания, к которым они принадлежат (Е.А. Земская 1996; Г.Г. Слышкин 2000; А.Е. Супрун 1995; Р.Л. Смулаковская 2004; Е.А.Нахимова 2004а; С.Л. Кушнерук 2006и др.). Каждый из названных авторов предлагает свою классификацию сфер-источников прецедентных феноменов. Приведём для примера некоторые из них.

Е.А. Земская (Е.А. Земская 1996), анализируя заголовки газетных статей, говорит о следующих источниках прецедентных феноменов: стихотворные произведения, прозаические художественные произведения, известные песни, названия кинофильмов, пословицы, поговорки, крылатые выражения, выражения эпохи социализма, Священное Писание.

А.Е. Супрун (Супрун 1995) указывает, что источником прецедентных феноменов могут быть фольклор, Библия, произведения античной мифологии и литературы, произведения древнерусской, русской и мировой литературы, популярные (в разные годы – разные) песни, кинофильмы, политические тексты, детская литература.

Следующим распространённым аспектом анализа является фиксирование трансформаций, представленных в прецедентных феноменах, если таковые имеются (Е.А. Земская 1996; А. Е. Супрун 1995; О.А. Солопова 2004а; М.Ю. Илюшкина 2004; О.С. Боярских 2007 и др.). Здесь, как правило, выделяются два вида трансформаций: лексические и синтаксические, которые рассматриваются в разнообразных проявлениях.

Некоторые исследователи анализируют связи прецедентных феноменов (как правило, прецедентных высказываний и прецедентных имён) с породившими их текстами или ситуациями (В.В. Красных 2002; О.С. Боярских 2007). Здесь выделяются прецедентные высказывания, которые утратили связь с породившим их текстом или ситуацией и приобрели статус автономных, и прецедентные высказывания, полное понимание которых возможно только при апелляции к породившему их источнику (прецедентному тексту) или при соположении с прецедентной ситуацией. Среди прецедентных имён выделяют прецедентные имена, которые связаны с конкретным текстом или ситуацией, и те, происхождение которых сложно ограничить одним текстом, так как тот или иной персонаж является героем нескольких произведений, данное явление особенно характерно для фольклора.

Кроме этого, в своих работах учёные обращают внимание на маркированность / немаркированность прецедентных феноменов в текстах и приводят типологии маркеров (Н.С. Бирюкова 2005; Е.В. Михайлова 1999 и др.). Например, Н.С. Бирюкова приводит следующую классификацию: библиографическая ссылка, ссылка на автора, расширенная ссылка на автора, ссылка на название произведения, двойные ссылки, неопределённые ссылки, другие виды ссылок на источник, использование лексических и грамматических показателей не вполне традиционного смысла имени и графическое указание на прецедентность [Бирюкова 2005 : 35–41].

Д.Б. Гудков (Д.Б. Гудков 2003а), С.Л. Кушнерук (С.Л. Кушнерук 2004) рассматривают денотативный (экстенциональный) и денотативный (интенциональный) аспекты употребления прецедентных феноменов. В результате

такого анализа выделяются низкоконтекстные и высококонтекстные культуры. Для первых характерно использование прецедентных феноменов с целью называния объекта, личности или ситуации. Отличительным признаком высококонтекстных культур является использование прецедентных феноменов для характеристики предмета, человека или события, выражение оценки и личностного отношения.

Исследованию подвергаются также взаимодействия прецедентных феноменов друг с другом.

Ряд учёных (Д.Б. Гудков 2003а; Н.В. Немирова 2003; Р.Л. Смулаковская 2003) исследуют механизмы построения и развертывания прецедентных цепочек, в которых один прецедентный феномен актуализирует другой. Подобный способ актуализации прецедентных феноменов создает яркий сложный образ, который развёртывается постепенно, но его расшифровка требует от читателя хорошего знакомства как с дифференциальными признаками, так и с атрибутами конечного феномена этой цепочки: прецедентного текста или прецедентной ситуации. Исследование прецедентных цепочек создает представление о структуре когнитивной базы национально-лингвокультурного сообщества посредством установления связей между её элементами – прецедентными феноменами.

В.В. Красных (В.В. Красных 2002) и Е.А. Нахимова (Е.А. Нахимова 2004б) разрабатывают полевую структуру прецедентных феноменов, в которой выделяют свой центр и периферию. Центр составляют прецедентные феномены, апелляции к которым наиболее частотны в дискурсе определённого периода времени, то есть те, которые выражают наиболее актуальные ценности определённого лингвокультурного сообщества на конкретном этапе исторического развития. К периферии относятся те прецедентные феномены, которые потенциально существуют в когнитивной базе народа, но обращение к ним не является частотным. При этом В.В. Красных указывает, что с течением времени под влиянием происходящих социальных изменений прецедентные феномены могут перемещаться из центра на периферию и наоборот

или вообще терять прецедентность. Е.А. Попова (Е.А. Попова 1995), анализируя то, что в нашем понимании является прецедентными высказываниями, а в терминах автора это интертекстуализмы, предлагает другой подход к полевой структуре. Согласно её трактовке ядро поля составляет маркированная цитата, периферию – косвенная речь и аллюзия.

Производятся также сопоставительные исследования особенностей использования прецедентных феноменов в разных лингвокультурах. Например, С.Л. Кушнерук (С.Л. Кушнерук 2006) исследовала употребление прецедентных феноменов в российской и американской рекламе, акцентируя при этом внимание на содержательно-семантических и функциональных свойствах прецедентных имён. В работе исследуются связи прецедентных имён с широко известными текстами и ситуациями, выделяются однополюсные и многополюсные прецедентные имена. При анализе функциональных свойств прецедентных имён в российской и американской рекламе рассматриваются особенности актуализации дифференциальных признаков прецедентных имён и соотносённость прецедентных имён с первичным денотатом. Исследование приводит автора к выводу о том, что использование прецедентных имён в рекламном дискурсе различных лингвокультур соответствует особенностям механизмов речевого воздействия, свойственным каждой из национальных культур.

С.К. Павликова (С.К. Павликова 2005), проводя сопоставительный анализ прецедентных высказываний на материале русской и американской публицистики, рассматривает этот тип прецедентных феноменов как текстовую самостоятельную репрезентативную единицу в лексиконе индивида, выявляя структуру психологических связей стоящих за прецедентным высказыванием. В результате эксперимента по свободной классификации прецедентных высказываний автор приходит к выводу о том, что значение прецедентного высказывания строится не только на понятийно существенных признаках, но преимущественно на “сильных” признаках, которые связаны с наиболее сильными аффективными переживаниями индивида. Указывая на зависи-

мость между прецедентными высказываниями и культурно-историческими условиями общения, С.К. Павликова говорит о тенденции к изменению контекста употребления прецедентных высказываний в рамках одной культуры и о наличии лакун в тезаурусе прецедентных высказываний различных лингвокультур, а также предлагает пути преодоления подобных трудностей при переводе прецедентных высказываний.

О.В. Спиридовский (О.В. Спиридовский 2006), анализируя то, на какие тексты делаются ссылки в президентском дискурсе США, Германии и Австрии, указывает, что типология авторства в президентском дискурсе США, Германии и Австрии обнаруживает много общих характеристик. Во всех исследованных лингвокультурах присутствуют ссылки на президентов-предшественников, других политических деятелей, людей науки, искусства, литературы и библейские тексты. Преобладание одного из указанных видов ссылок в президентском дискурсе каждой из стран автор объясняет национально-культурной спецификой.

Приведённые данные позволяют сделать вывод о том, что исследователи предпочитают комплексный подход к анализу прецедентных феноменов, рассматривая несколько аспектов одновременно для получения полноценной картины.

На основании представленного обзора, а также с учётом целей данного сопоставительного исследования прецедентных феноменов в предвыборном дискурсе России и США, представляется возможным определить следующую методику исследования:

- отбор политических текстов разных жанров, имеющих отношение к избирательным кампаниям 2004 года на пост президентов России и США;
- обнаружение прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов с указанием маркированности / немаркированности прецедентности и наличия / отсутствия трансформаций;

- определение сфер-источников культурного знания, к которым принадлежат прецедентные феномены, используемые в дискурсе российских и американских президентских выборов;
- установление иерархии сфер-источников прецедентных феноменов в президентском предвыборном дискурсе в США и России на основе частотности их актуализации;
- определение национально-культурных основ происхождения прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов;
- определение аспекта функционирования прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов;
- анализ тезаурусов прецедентных феноменов различных кандидатов на пост президента внутри каждой из рассматриваемых стран;
- сопоставление особенностей употребления прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских выборов 2004года.

В последующих главах такой алгоритм сопоставительного исследования, во-первых, позволит определить частотные для каждой из стран сферы-источники прецедентных феноменов, что даст материал для выводов о наиболее актуальных для народа каждой из стран ценностях и приоритетах; во-вторых, даст возможность проверить предположение о национально детерминированном характере отбора и употребления прецедентных феноменов в президентском предвыборном дискурсе России и США; в-третьих, позволит установить, есть ли зависимость между политическими взглядами противостоящих кандидатов (внутри каждой из стран по отдельности) и теми прецедентными феноменами, которые они используют.

Выводы по первой главе

Проведённое исследование теоретических основ изучения прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов позволяет сделать следующие выводы:

1. На современном этапе развития культуры теория интертекстуальности имеет большой потенциал для развития как в лингвистических науках, так и в ряде других областей, среди которых кинематограф, изобразительное искусство. Это объясняется постмодернистским мышлением, постмодернистским характером восприятия действительности, когда все новое – это, прежде всего, отзвук, отсылка к чему-то уже созданному, существующему в мировой культуре. Крайние проявления данной точки зрения приводят к тезису о “смерти автора” и “смерти конкретного текста”. Более умеренные взгляды рассматривают создание интертекстуальных связей наравне с другими стилистическими приёмами, которые всегда сосуществовали, но на настоящей ступени развития литературы и искусства интертекстуальность вышла на первый план.

2. Одним из подходов к анализу интертекстуальных связей в тексте является теория прецедентных феноменов, разработанная московскими учёными Д.Б. Гудковым, В.В. Красных и И.В. Захаренко. Данная теория предлагает последовательный механизм описания связей анализируемого текста не только с другими текстами, в смысле, письменными источниками, но и с явлениями экстралингвистической действительности, что является её несомненным достоинством. В рамках данной теории выделяются прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные тексты и прецедентные ситуации. Каждый из перечисленных видов прецедентных феноменов имеет свои критерии и характеристики.

3. Предвыборный дискурс, будучи видовой разновидностью политического дискурса, обладает всеми системообразующими характеристиками этого вида институционального общения, а также рядом отличительных черт, к которым относятся временная и пространственная ограниченность, тематическая детерминированность и общая канва развития событий. Эти особенности предвыборного дискурса определяют выбор языковых средств участниками избирательных кампаний, которые позволяют ярко, эмоционально и лаконично воздействовать на сознание избирателей, убеждая в необходимости

сти принять то или иное выборное решение. Но, в тоже время, эти языковые средства должны укладываться в рамки ограничений, накладываемых необходимостью стандартизации и стереотипизации данного вида дискурса. Одним из таких средств являются прецедентные феномены, которые с одной стороны отражают национальные стереотипы в восприятии и оценке людей и событий, а с другой стороны, будучи эмоционально окрашенными, обладают мощным манипулятивным потенциалом.

4. Прецедентные феномены в предвыборном дискурсе выполняют множество функций. На основании схожести когнитивного механизма воздействия прецедентных феноменов и метафоры возможно перенести существующую типологию функций метафоры на функционирование прецедентных феноменов в политическом дискурсе. Таким образом, прецедентные феномены в предвыборном дискурсе выполняют следующие функции: когнитивную, которая представлена номинативной, оценочной, моделирующей, инструментальной и гипотетической разновидностями; коммуникативную, прагматическую и эстетическую (изобразительную и экспрессивную). Эти функции прецедентных феноменов в предвыборном дискурсе реализуются одновременно, с небольшим приоритетом прагматической функции, что объясняется манипулятивным характером рассматриваемого вида институционального дискурса.

5. Обзор публикаций по вопросам исследования прецедентных феноменов в различных видах дискурса показал, что наиболее эффективным является комплексный анализ прецедентных феноменов, включающий изучение как формы, так и функционирования с учётом специфики конкретного вида дискурса. Выбранная методика анализа предоставит материал для выявления механизмов употребления прецедентных феноменов в предвыборном дискурсе России и США, сопоставление которых позволит обнаружить как общие закономерности функционирования прецедентных феноменов в предвыборном дискурсе, так и национально детерминированные отличия.

Глава 2. Прецедентные феномены, используемые в дискурсе российских президентских выборов 2004 года

Данная глава диссертации посвящена выявлению механизмов использования прецедентных феноменов в дискурсе российских президентских выборов 2004 года, включая описание особенностей употребления прецедентных феноменов в дискурсе кандидатов от “левых”, “правых” и центристских политических партий.

Для достижения указанной цели необходимо последовательное решение следующих задач:

– выбрать основу для классификации прецедентных феноменов по сфере-источнику культурного знания и проанализировать прецедентные феномены, обнаруженные в дискурсе российских президентских выборов 2004 года, по данному критерию;

– определить параметры анализа национальных основ происхождения прецедентных феноменов и применить их при исследовании прецедентных феноменов, используемых в дискурсе российских президентских выборов 2004 года;

– проанализировать прецедентные феномены, употребляющиеся в дискурсе российских президентских выборов 2004 года на наличие / отсутствие маркированности и трансформации;

– установить критерии денотативного и коннотативного функционирования прецедентных феноменов, проиллюстрировав их, используя материалы российских президентских выборов 2004 года.

Полученные на основе такого анализа данные предоставят, на наш взгляд, материал для выявления закономерностей употребления прецедентных феноменов в дискурсе российских президентских выборов 2004 года и базу для последующего сопоставительного исследования механизмов использования прецедентных феноменов в дискурсе президентских выборов в России и США в 2004 году.

2.1. Дискурсивные основы исследования прецедентных феноменов в избирательной кампании на пост президента России 2004 года

Выборы президента России 2004 года уникальны по своей природе, у основного кандидата на пост президента В.В. Путина не было соперников, способных реально с ним конкурировать. Это во многом связано с проводившимися тремя месяцами ранее выборами в Государственную Думу Российской Федерации, результаты которых не только шокировали представителей политических партий и широкую общественность, но во многом предопределили характер президентских выборов. В Государственную Думу не прошли традиционные оппозиционные правительству “правые” партии – “Яблоко” и “СПС”, что заставило их лидеров Г. Явлинского и Б. Немцова бойкотировать президентские выборы. В качестве главной причины своего отказа баллотироваться на пост президента они назвали невозможность участия в нечестных выборах с заранее предрешенным результатом. Провал думских выборов КПРФ, под руководством Г. Зюганова, которая едва преодолела пятипроцентный барьер, набрав лишь 7% голосов избирателей, говорил о кризисе в руководстве партии, что могло привести к отсутствию кандидата от “левой” оппозиционной партии в избирательном бюллетене. Кроме этого, В. Жириновский, традиционный участник президентских выборов, заявил, что без Г. Зюганова сам баллотироваться не будет. В подобной ситуации существовал реальный шанс срыва президентских выборов, так как основные оппозиционные партии не могли выставить конкурентноспособные кандидатуры действующему президенту, а “кандидаты-маломерки” (И.П. Рыбкин, С.Ю. Глазьев), как их называла пресса, не имели политического веса. К счастью, ничего подобного не произошло, и выборы состоялись, победу одержал действующий президент России. Представителем “правых” стала самовыдвиженка И. Хакамада, “левая” оппозиция была представлена Н. Харитоновым. Причем, как отмечала пресса, кандидаты от “левой” и “правой” оппозиций приняли участие в президентских выборах, чтобы указанные политические силы не прослыли “политическими трупами”.

Всего на пост президента России в 2004 году баллотировались семь кандидатов (в порядке регистрации): Малышкин О.А. (ЛДПР), Харитонов Н.М. (КПРФ), Путин В.А. (выдвинут инициативной группой избирателей), Миронов С.М. (Российская Партия Жизни), Рыбкин И.П. (выдвинут инициативной группой избирателей), Хакамада И.М. (выдвинута инициативной группой избирателей), Глазьев С.Ю. (выдвинут инициативной группой избирателей). В ходе данной избирательной кампании произошли события, которые заставили одного из кандидатов И.П. Рыбкина снять свою кандидатуру за девять дней до выборов уже после начала досрочного голосования. И.П. Рыбкин исчез на несколько дней, появившись, он не смог дать вразумительного объяснения, что на самом деле произошло. Журналисты предлагали множество версий: похищение, спланированное Б.А. Березовским с целью дискредитировать действующего президента, любовный роман в Киеве (появился даже особый термин “девушка Рыбкина”), похищение инопланетянами. Загадочное исчезновение привело к потере И.П. Рыбкиным "политического лица", подорвало доверие избирателей, что, вероятно, и заставило его отказаться от участия в выборах. Это экстраординарное событие на время отвлекло внимание прессы от предвыборной гонки и других кандидатов.

Описанные экстралингвистические факторы оказали сильное влияние на предвыборный дискурс кампании. Во-первых, по данным мониторинга, проведённого Союзом журналистов России в рамках проекта, финансируемого Делегацией Европейской Комиссии в России, президентские выборы 2004 года впервые в истории постсоветской России прошли при таком низком внимании со стороны общества и СМИ. Низкий интерес СМИ к президентским выборам 2004 года обусловлен тем, что ещё до начала предвыборной кампании результат был предрешён, ни у прессы, ни у кандидатов, ни у избирателей не было сомнений по поводу кандидатуры будущего президента России. В выборах не стояло задачи – победить, главное было обеспечить явку избирателей. В результате ни печатная пресса, ни телевидение не посчи-

тали необходимым отвести больше эфирного времени и печатных площадей для освещения рассматриваемой избирательной кампании.

Во-вторых, так как президентские выборы проходили сразу после выборов в Думу аналитики и журналисты на протяжении декабря 2003 – января 2004 продолжали анализировать думские выборы, рассуждая о кризисе оппозиции в России. Исчезновение господина Рыбкина также стало известной помехой для освещения СМИ предвыборной кампании.

И в-третьих, сравнительно небольшой объем материалов СМИ, посвященный президентским выборам 2004 года, неравноценно представлял кандидатов на пост президента России. На долю В.В. Путина приходилось 47% освещения деятельности кандидатов на федеральных телеканалах, 69% объемов публикаций в общероссийских газетах, 70% материалов в региональной прессе. В наиболее рейтинговых новостных программах В.В. Путин занимал 69% эфира, уделяемого всем кандидатам.

Перечисленные факторы, безусловно определили характер и особенности употребления прецедентных феноменов в дискурсе российских президентских выборов 2004 года, анализ которых представлен в последующих параграфах.

2.2. Сферы-источники прецедентных феноменов, используемых в дискурсе российских президентских выборов 2004 года

Такой аспект анализа прецедентных феноменов, как выявление сфер-источников культурного знания, уже стал традиционным в исследованиях интертекстуальных связей. Это можно объяснить тем, что данные, полученные в результате такого анализа, предоставляют важную информацию о преобладающих ценностях и наиболее актуальных проблемах данного национально-лингвокультурного сообщества на конкретном этапе исторического развития. Это даёт ключ к пониманию образа мысли национально-лингвокультурного сообщества, и, следовательно, приводит к выводам о наиболее эффективных механизмах воздействия на сознание его представи-

телей, что является основной целью рассматриваемого в данной работе вида дискурса.

В нашем сопоставительном исследовании прецедентных феноменов, используемых в предвыборном дискурсе, будет использоваться следующая классификация сфер-источников:

1. Социальная область, в составе которой можно выделить такие сферы, как политика, экономика, образование, религия, медицина, криминал, спорт.

2. Область искусств, в которую входят такие сферы, как литература, театр и кино, изобразительные искусства, музыка, архитектура, мифология.

3. Область науки, которая включает, в частности, следующие сферы: физика, математика, биология, химия, история, география, филология [Нахимова 2005 : 104].

Данная классификация представляется наиболее подходящей, так как она достаточно гибкая, и предложенный список может быть уточнен, а выделенные сферы позволяют более мелкое дробление.

Обобщённые данные по частотности употребления прецедентных феноменов, принадлежащих к выделенным сферам-источникам, представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Сферы-источники прецедентных феноменов, обнаруженных в дискурсе российских президентских выборов 2004 года

Сфера-источник	Количество прецедентных феноменов, %
Литература	55,31
Политика	26,72
Развлечение	7,37
Наука	3,92
Религия	2,76
Экономика	1,61
Криминал	1,38
Изобразит.иск.	0,93
Всего	100

Описание сфер-источников прецедентных феноменов, выявленных в

дискурсе российских президентских выборов 2004 года осуществляется нами по принципу уменьшения их частотности.

Сфера “Литература”

Проведённый анализ показал, что наиболее частотной, а следовательно, наиболее актуальной сферой-источником прецедентных феноменов в дискурсе российских президентских выборов 2004 года является сфера “Литература”, на её долю приходится **55,31%** прецедентных феноменов.

Наиболее частотным типом прецедентных феноменов в данной сфере оказались прецедентные высказывания (**77,97%**), которые представляют собой единицы, относящиеся к фразеологии (**74,46%**), авторские цитаты (**16,3%**), советизмы (**6,52%**) и высказывания, заимствованные из фольклора (**2,72%**).

Начнём с рассмотрения группы “Фразеология”(74,46%), к которой мы, придерживаясь широкого подхода, относим фразеологизмы, крылатые выражения, пословицы, поговорки.

В.В. Путин, говоря об инфраструктуре России, употребляет фразеологизм, который лаконично и ясно характеризует её состояние на текущий момент.

Прежде всего это изношенность национальной инфраструктуры: нам пока удастся лишь латать тришкин кафтан. Каждый новый отопительный сезон выявляет целые микрорайоны и некрупные города, внезапно оставшиеся без тепла и света. (В.Путин, Российская газета, 12.02.2004).

Фразеологизм “латать Тришкин кафтан” означает непродуманное и небрежное, поспешное устранение одних недостатков, которое влечет за собой возникновение новых. Таким образом, имеется в виду, что в России нет достаточного количества мощностей, которые являются залогом стабильного развития, российская экономика – это экономика экстренного реагирования. Но использование перед этим фразеологизмом наречия времени “пока” показывает, что такое положение дел временно, и в будущем обязательно будут улучшения. Данное прецедентное высказывание нацелено на максимально

широкую аудиторию, в силу хорошей известности этого фразеологизма, кроме этого, оно позволяет в емкой яркой форме донести до адресата суть довольно сложного явления.

Приведём пример из дискурса “правых” партий.

*Если бы нас, оппозиционных кандидатов, не боялись, то давали бы говорить свободно. Нам не было бы так трудно вести кампанию... Рейтинги – дутые. Поддержка народом Кремля – дутая. Это **колосс на глиняных ногах** (И. Хакамада, НГ, 10.03.2004)*

Данный фразеологизм означает что-либо величественное, могущественное с виду, но слабое, легко разрушающееся по существу. Используя это прецедентное высказывание, чтобы сказать о притеснении оппозиционных кандидатов СМИ, И. Хакамада выражает мнение о том, что на самом деле всеобщая поддержка народом Кремля – это фикция, создаваемая правящими кругами. Но этим смысл данного высказывания не ограничивается. Колоссом на глиняных ногах часто называли СССР, то есть в данном примере проводится параллель между режимом современной России и режимом советского времени, времени тотального контроля. Такое уравнивание указанных политических режимов характерно для дискурса “правых” партий в ходе этой предвыборной кампании.

Наряду с обращением к фразеологизмам для дискурса российских президентских выборов характерны апелляции к пословицам и поговоркам.

*Ирину, конечно, можно всячески ругать, но она единственная из демократов решила сделать хоть что-то конкретное. Но все изменилось после заявления Хакамады по “Норд-Осту”. Почему она его сделала? Одна из наиболее убедительных версий состоит в том, что кандидат в президенты Хакамада не вполне самостоятельна. Мол, **кто платит, тот и заказывает музыку** (М. Ростовский, МК, 03.02.2004).*

Используя данное прецедентное высказывание, автор статьи показывает, что И. Хакамада является всего лишь проводником мыслей других людей, марионеткой в чужих руках, а не самобытным политиком с собственной точ-

кой зрения. В этих словах также содержится намёк на слухи о том, что спонсором этого кандидата является Б.А. Березовский, связь с которым портит политический имидж любого политика.

Второе место по частотности среди прецедентных высказываний этой сферы занимают **“Авторские цитаты” (16,3%)**.

Например, журналист, описывая политическую ситуацию в России на момент выборов, использует следующую цитату из “Мертвых душ”.

Тройка, куда несешься ты? – кричал Гоголь. Не дала ответа. Унеслась. И теперь мы знаем, куда понесло птицу-тройку в 1917-м... . И теперь не она несется, наводя ужас на соседей, а другие народы и государства несутся мимо нас, и многие уже далеко впереди, не догонишь; несутся, с ужасом поглядывая на стоящую в грязи на обочине ржавую, ревущую, на глазах дичающую махину (А. Минкин, МК, 10.03.2004).

С помощью расширения цитаты Н.В. Гоголя и использования транспортной метафоры автор статьи отмечает, что президентские выборы 2004 года – это такой же знаковый момент истории, как и переворот 1917 года, с последствиями которого страна справлялась семьдесят лет. Но если в 1917 году произошли кардинальные перемены, то в 2004, по мнению журналиста, изменений не предстоит: выбор очевиден. Россия остаётся на тех же позициях, сохраняется политический строй, который автор в статье называет “контролируемой демократией”, строй, в котором другие страны видят диктатуру, шаг назад в тоталитарное прошлое. Тот факт, что эта цитата принадлежит Н.В. Гоголю, великому человеку и выдающемуся писателю, творчество которого пронизано стремлением служить обществу, придаёт данному высказыванию весомость и авторитетность.

Следующей по частотности группой прецедентных высказываний в сфере “Литература” являются **“Советизмы” (6,52%)**, которые определяются как слова, сокращения, фразы, лозунги, сформировавшиеся в советскую эпоху (В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина 1998). Советизмы, хотя и не частотны, но употребляются в дискурсе всех рассматриваемых партий. Обратимся к при-

мерам.

*В «...» Кремле явно занервничали. Недаром президентские помощники стали упрашивать Геннадия Зюганова, чтобы тот не снимал с выборов Николая Харитонов – последнего из оппонировавших Путину кандидатов. И недаром в регионы идут такие забавные **разнарядки**, как требование не класть в больницы пациентов, если те не взяли заблаговременно открепительные талоны (М. Гликин, НГ, 25.02.2004).*

Советизм “разнарядка” имеет значение “распоряжение о производстве спешных или специальных работ или приказ об исполнении служебных обязанностей (с указанием срока, порядка и перечнем исполнителей работы)”. В данном контексте он употребляется, чтобы ещё раз обратить внимание на то, как власть использует “административный ресурс” с целью обеспечить явку на выборах, что очень похоже на то, как это делалось в советское время, от чего Россия недавно ушла, но, похоже, опять возвращается. Прилагательное “забавные” перед этим прецедентным высказыванием представляет в комическом свете кремлёвскую администрацию, которая готова пойти на всё, лишь бы выборы состоялись.

Ещё один пример. Комментируя программные выступления кандидатов от ЛДПР и КПРФ, репортёр “Независимой газеты” обращается к лозунгу советского времени.

*Харитонов и Малышкин всюду эксплуатировали лозунг «**отнять и поделить**». По мнению этих кандидатов, лучшим способом решения социальных проблем была бы национализация большинства предприятий в России (С. Варшавчик, НГ, 13.02.2004).*

Использование этого лозунга похоже на функционирование советизма в предыдущем примере и отражает основную цель использования данных единиц в предвыборном дискурсе в целом. Эта цель заключается в указании на то, что описываемые явления уже были в российской истории, российский народ извлёк из всего этого горький урок и не желает повторения подобного, даже если это преподносится другим образом, под другим именем.

Наименее частотной группой прецедентных высказываний в сфере “Литература” является **“Фольклор” (2,72%)**, под которым понимается “народное творчество, чаще именно устное; художественная коллективная творческая деятельность народа, отражающая его жизнь, воззрения, идеалы; создаваемые народом и бытующие в народных массах поэзия (предания, песни, частушки, анекдоты, сказки, эпос)...” (БСЭ). Прецедентные высказывания данной группы употребляются либо для того, чтобы подкрепить свою точку зрения народной мудростью, либо для создания комического эффекта.

Например, журналист, освещающий съезд КПРФ по поводу назревшего кризиса партии и выдвижения кандидатуры для участия в президентских выборах, использует следующую цитату.

Геннадий Семигин (член президиума КПРФ) не на шутку рассердился на лидера своей партии Геннадия Зюганова (В. Калабугин, НГ, 16.01.2004).

Данная цитата, взятая из детской считалочки “Я садовником родился, не на шутку рассердился ...”, высмеивает руководителей коммунистической партии, показывая, что для них главное – найти виноватого, не важно кого именно, и принять против него меры, не разбираясь с истинными причинами неудач, разрешение которых, возможно, придали бы их кандидату на президентских выборах политического веса.

В целом, прецедентные высказывания сферы “Литература” активно используются всеми кандидатами на пост президента в ходе предвыборной агитации, а также журналистами и политологами, освещающими президентские выборы в России 2004 года.

Следующим по частотности типом прецедентных феноменов сферы “Литература” являются **прецедентные имена (14,4%)**. Они представлены двумя группами **“Герои произведений” (76,47%)**, **“Авторы произведений” (23,53%)**.

Популярным в дискурсе российских президентских выборов 2004 года оказалось прецедентное имя “Данко”, героя рассказа А.М. Горького “Старуха Изергиль”. Данко – герой-одиночка, его философия – жить с людьми и для

людей. Силой собственного самопожертвования ему удаётся заставить людей поверить в него и пойти за ним. Это прецедентное имя употребляется применительно к кандидату И. Хакамаде.

Наконец-то высветился Данко, который выведет заблудшую Россию из тьмы. Вернее – “высветилась”. Ради торжества справедливости Ирина Муцуовна Хакамада готова вырвать сердце из груди (Е. Баюн, Н. Галимова, МК, 15.01.2004).

В данном примере прецедентное имя в совокупности с прецедентной ситуацией (самопожертвование на благо других) выражает мнение журналистов о том, что поступок И. Хакамады благороден и достоин уважения. Но, зная развязку рассказа, можно продолжить высказанную мысль и придти к выводу, что, несмотря на это, поставленная ею цель достигнута не будет и люди не оценят, то, что она сделала, хотя сама кандидат может заплатить за это высокую цену.

В дискурсе российских президентских выборов 2004 года используются также имена героев зарубежной литературы. Описывая уникальную ситуацию, сложившуюся на президентских выборах 2004 года, корреспондент “Московского Комсомольца” следующим образом озаглавливает свою статью.

Лилипуты в стране Гулливера (А. Гудберг, МК, 25.02.2004)

Прецедентные имена “лилипуты” и “Гулливер” взяты из хорошо известного произведения Джонатана Свифта “Приключения Гулливера”, в одном из эпизодов которого главный герой Гулливер попадает в страну очень маленьких людей – лилипутов. Отличительная черта этих персонажей, значительная разница в росте, при переносе на политическую действительность России означает огромную разницу в политической силе между действующим президентом России и остальными кандидатами, у которых практически нет шансов победить в предстоящих выборах.

Кроме имён героев авторских произведений в предвыборном дискурсе также широко употребляются прецедентные имена из фольклорных сказок и

мифологии.

*Вся история, связанная с пропажей Ивана Рыбкина, за развитием которой с волнением и интересом следили российские граждане весь минувший месяц, на проверку оказалась интригой, состряпанной главным интриганом современности Борисом Березовским. «...» Видимо, ностальгируя в туманах Альбиона, он придумал сюжет вполне в духе русских народных сказок. С хрестоматийными персонажами - простодушно-хитроватым **Иванушкой-дурачком**, коварным **БАБой-ягой**, **соловьями-разбойниками** украинско-чеченской национальности (Ю.Сергеев, КП, 03.03.2004).*

Использование фольклорных аллюзий в данном примере нацелено на создание комического эффекта. Прецедентное имя “Иванушка-дурачок” употребляется применительно к кандидату в президенты И.П. Рыбкину, подчёркивая его простодушность и отсутствие в его действиях злого умысла, так как отличительными признаками этого фольклорного героя являются открытость и наивность. Но, несмотря на эти, казалось бы, положительные характеристики, не создаётся позитивного образа данного кандидата, скорее наоборот, ставится под сомнение пригодность кандидатуры Ивана Петровича на самый высокий пост в стране, так как он не сумел разобраться в сложившейся ситуации, поддался обману, что чуть не стоило ему жизни. Подобная неосмотрительность и недальновидность в важные моменты не приемлемы для лидера нации. Кроме этого, политический имидж И.П. Рыбкина дискредитирован связью с Б.А. Березовским, который выступает здесь в роли “Бабы-Яги” (графическая трансформация имени будет рассмотрена далее в соответствующем параграфе), представителя злых сил, происки которого, несмотря на все его старания, не увенчаются успехом, и в конце сказки он всё равно будут разоблачён. Прецедентное имя “Соловей-разбойник”, представленное здесь в трансформированном виде, описывает официальную причину исчезновения И.П. Рыбкина – переговоры с чеченскими боевиками на Украине с целью разрешения чеченского конфликта, что при иных обстоятельствах придало бы этому кандидату больше шансов на выборах, так как пред-

ставило бы его в выгодном свете. Но так как встреча не состоялось, она была всего лишь предлогом для того, чтобы вывезти кандидата из страны, автор публикации с помощью этого прецедентного имени осмеивает политика со стажем, имеющего опыт работы в Совбезе, за то, что он поверил в такую возможность. Данные прецедентные имена создают яркие эмоционально окрашенные образы, рассчитанные на широкую аудиторию, так как понятны любому представителю национально-лигвокультурного сообщества.

Группа **“Авторы произведений”** представлена именами как российских, так и зарубежных авторов.

*Пожалуй, лишь перо **Максима Горького** могло бы с должной романтичностью живописать весь пафос подвига Ирины Муцуовны (Е. Баян, Н. Галимова, МК, 15.01.2004).*

Апелляция к имени М. Горького в данном примере не случайна. Публицистика и общественно-литературная деятельность этого писателя была пронизана идеей отстаивания и защиты нерасторжимого единства политики и нравственности, разъединение которых, по его убеждению, скажется самым пагубным образом на жизни народа и страны в настоящем и грозит тяжёлыми и кровавыми последствиями в будущем. Это созвучно с положениями предвыборной программы кандидата на пост президента И. Хакамады, которая выступает, прежде всего, за защиту демократии в стране, которая, по её мнению, попирается за права и свободы рядовых граждан. Таким образом, подчёркивается схожесть идей И. Хакамады с мыслями писателя-революционера, что с одной стороны придает им больший авторитет. Но с другой стороны, такая параллель позволяет спрогнозировать возможный ход событий. Если вспомнить историю, М. Горький после продолжительной критики его точки зрения, признал свои позиции ошибочными. То есть, созданный с помощью данного прецедентного имени образ неоднозначен и даже противоречив.

Приведём пример использования имени зарубежного автора. Заведующий отделом культуры “Независимой Газеты”, освещая такое культурное со-

бытие, как новая постановка спектакля “Ричард III” в театре “Сатирикон”, отмечает, что вопреки воле создателей, спектакль входит во внутривнутриполитический контекст, так как выходит за две недели до президентских выборов.

Ну, разве что при большом желании и фантазии можно вообразить, что «Ричард III» пытается предупредить своих зрителей от неверного шага: все-таки наша сегодняшняя жизнь не так страшна, как вот, судя по Шекспиру, складывается порою. Так что от добра добра не ищите, голосуйте за нынешнего президента России (Г. Заславский, НГ, 01.03.2004).

Прецедентное имя “Шекспир” в сочетании с прецедентным текстом «Ричард III» и пословицей “от добра добра не ищут” создают сложный образ. Сюжет пьесы рассказывает историю о том, как «выбирали» короля Англии, как обманом, подкупом и другими доступными средствами герцог Глостер добивается английской короны. Шекспир в ярких красках описывает бесчестие, подлость и интриги, царящие в стране. Так как Уильям Шекспир – это классик мировой литературы, его работы, как и любого другого выдающего писателя, показывают грехи общества и рассматриваются как предостережение будущим поколениям от повторения ошибок прошлого. Именно к этому дифференциальному признаку апеллирует автор данной публикации. Смысл его высказывания звучит примерно так: чтобы не допустить злодейств, описанных драматургом, чей авторитет непоколебим, голосуйте за действующего президента”. Но делается это с определённой долей иронии, о чём говорит использование указанного прецедентного высказывания, создающего впечатление вынужденности такого выбора.

Прецедентные имена сферы “Литература” активно употребляются в дискурсе российских президентских выборов 2004 года. Это связано с тем, что прецедентные имена в свёрнутом виде выражают большой объем значимой информации, не только располагая определённую личность на одном из полюсов шкалы ценностей данного национально-лингвокультурного сообщества, но и задавая модель его поведения, включая его в известный сюжет. Кроме этого, прецедентные имена данной сферы рассчитаны на привлечение

внимания и оказание воздействия на рядового представителя нации, в силу того, что круг авторов и героев произведений, к которым делается апелляция, ограничен школьной программой по литературе, то есть, известен подавляющему большинству населения страны.

Прецедентные тексты составляют **4,24%** прецедентных феноменов сферы “Литература”.

Специфика использования прецедентных текстов в дискурсе российских президентских выборов 2004 года состоит в следующем: для того чтобы понять, что означают включённые в текст аллюзии, необходимо достаточно хорошо знать содержание упомянутых произведений.

Например, суммируя итоги пресс-конференции кандидатов на пост президента от “правых” партий, журналист обращается к следующему прецедентному тексту.

Кстати, Хакамада была единственной, кто внятно ответил на вопрос, откуда взять деньги для униженных и оскорбленных. Из закров Центробанка, который накопил неплохой запас валюты и драгметаллов на «черный день» ... (С. Варшавчик, НГ, 13.02.2004).

Немаркированная ссылка на роман Ф.М. Достоевского в данном примере предполагает хорошее знакомство с фабулой произведения. Чтобы понять о ком идёт речь, необходимо знать, кого автор называет униженными и оскорблёнными. Только после такого соположения с прецедентным текстом, ясно, что имеются в виду простые смертные, подавляющее большинство населения, которое подвергается давлению, угнетению со стороны правящих элит. Данный пример также иллюстрирует тенденцию, проявляющуюся при вхождении прецедентного феномена в когнитивную базу народа, а именно: редукцию признаков, которые оказываются нерелевантными. Согласно роману Ф.М. Достоевского, несмотря на то, что народ унижен и оскорблён, именно ему уготовано спасение, а не правящим классам. Но эти характеристики не представляют важности и ценности в данном контексте, поэтому элиминируются.

Некоторые прецедентные тексты в дискурсе российских президентских выборов 2004 года представлены целиком. Здесь речь идёт, в первую очередь, об анекдотах, которые используются аналитиками и журналистами для ёмкой, эмоциональной характеристики какого-либо явления или человека, в форме, которая легко воспринимается массами.

Например, журналист “Московского Комсомольца” комментируя, тот факт, что предвыборный штаб В.В. Путина отрицал, что для агитации за действующего президента России интенсивно использовался “административный ресурс”, привёл следующий анекдот.

Как-то раз Никита Хрущев, Джон Кеннеди и де Голль поспорили, кто кота горчицей накормит. Американский президент попробовал коту в рот горчицу запихать — кот ему все руки исцарапал; ничего не вышло. Француз попытался — кот ему чуть глаза не выдрал. А Никита Сергеевич взял кота за шкурку, другой рукой горчицу зачерпнул и мазнул коту причинное место. Кот мяукает, воеет — горчицу вылизывает; невкусно. А Хрущев с гордостью: — У нас всё так! Добровольно и с песнями! (А. Минкин, МК, 10.03.2004).

Приведённый пример вновь проводит параллель между существующим режимом и режимом советского времени, когда причиной многих действий называлась инициатива трудящихся, а не директива сверху, хотя все понимали, что это не так. Как уже отмечалось выше, подобное уравнивание двух указных режимов характерно для дискурса российских президентских выборов 2004 года.

Актуализация прецедентных текстов через обращение к названию, которая была описана выше, не очень характерна для рассматриваемого предвыборного дискурса. Более частотным оказывается апелляция через имя героя или автора произведения (что было рассмотрено ранее) или через прецедентные ситуации, описанные в художественных произведениях или с ними связанные. Прецедентные ситуации составляют **3,39%** прецедентных феноменов сферы “Литература”. Часто встречаются комбинации двух способов

описанных выше. Обратимся к примеру.

В Киеве вам правда давали психотропные препараты? - не обращая внимания на злобное бормотание идущей сзади Пономаревой, продолжали мы интервью на ходу.

- А что это такое - психотропные препараты? - изобразил удивление Рыбкин. - Это разновидность кислого молока?

Видимо, кислое молоко сыграло не последнюю роль в киевской эпопее Рыбкина. Может, у него было просто расстройство желудка? И потому он, как шолоховский дед Щукарь, несколько дней маялся животом и не мог далеко отойти от своего дома? (О.Вандышева, КП, 05.03.2004).

Имя автора произведения, дополненное именем персонажа, а также описанием прецедентной ситуации, представленной в известном романе “Поднятая целина”, создают комический эффект. Прочитавшим этот роман, известно, что дед Щукарь несколько дней “болел животом” по своей собственной глупости и жадности, из-за чего над ним смеялась вся деревня. Перенос признаков этой ситуации на отговорки И.П. Рыбкина по поводу своего исчезновения представляет этого кандидата на пост президента недалёким человеком, поведение которого комично. Однако употребление данной прецедентной ситуации рассчитано, скорее, на представителей среднего и старшего возраста, так как данный текст больше не подлежит обязательному изучению в школе.

Таким образом, полученные данные подтвердили тезис, на наш взгляд, о литературоцентричности российской нации, так как больше половины прецедентных феноменов, обнаруженных в дискурсе российских президентских выборов 2004 года, относятся к сфере “Литература”. Обращения к данной сфере частотны, так как прецедентные феномены, принадлежащие к ней, создают яркие эмоциональные образы, что вызывает интерес читателя, и, следовательно, формируют основу для оказания воздействия на потенциального избирателя.

Сфера “Политика”

Второй по частотности является сфера “Политика”, к ней относится **26,72%** прецедентных феноменов. Эта сфера также представлена всеми типами прецедентных феноменов, наиболее частотным из которых являются прецедентные имена (**49,56%**).

Прецедентные имена этой сферы можно объединить в две группы “Российские политические деятели” (**66,67%**) и “Иностранные политические деятели” (**33,33%**).

В группе “Российские политические деятели” частоты обращения к именам генеральных секретарей СССР.

*Один вопрос его только смущает: пошто остальные кандидаты-маломерки свои кандидатуры не снимают? Зачем деньги тратят? Нервы, силы, бумагу, эфир зазря жгут? «...» Но люди умственного склада прояснили Дормидонту: это они героически спасают президенту реноме! А реноме у президентов - наиглавнейшая вещь после рейтинга! Путин же не **Брежнев** какой, чтоб стопроцентно побеждать, это недемократично. (Д. Народный, КП, 05.02.2004)*

Одним из дифференциальных признаков прецедентного имени “Л.И. Брежнев” является “всеобщая” любовь к этому лидеру, которая приводила к тому, что этот политический деятель избирался на пост главного человека в стране единогласно, даже в те моменты, когда он уже по объективным причинам не мог должным образом руководить страной. Это говорило об искусственности созданной атмосферы единодушного почитания. Чтобы избежать подобных инсинуаций и чтобы не создавать похожую ситуацию, в выборах президента России 2004 года должны принимать участие и другие кандидаты, которые обеспечивают легитимность выборов, так как избирателям есть из кого выбирать, хотя результат все же заранее известен.

Помимо апелляции к коннотативному значению прецедентного имени, представленной в предыдущем примере, встречается также актуализация прецедентного имени через его атрибуты, при этом само имя не называется.

Рассмотрим пример.

*Народ не будет против увеличения срока (президентских полномочий). Он, может, и не за. Но протестов не будет. Точнее, протесты будут выглядеть, как все кем-то оплаченные пикеты: аккуратные плакаты, два-три десятка людей (студентов или стариков — в зависимости от того, где снимали: в институте или в собесе), **очередная протестующая рыбка**, закинутая на длинной — **аж из Лондона** — удочке. (А.Минкин, МК, 10.03.2004)*

В этом примере представлено взаимодействие зооморфной метафоры и указания на прецедентные имена через атрибуты имени, а именно: фамилию и место проживания. Интерпретация высказывания предполагает следующее понимание последнего: протесты против правящей власти в России могут быть организованы лишь Б.А. Березовским, который находится в постоянной оппозиции. Делать он это будет через своих представителей на территории страны, одним из которых является И.П. Рыбкин. Такое заявление отнюдь не способствует созданию социально одобряемого образа данного участника избирательной кампании.

В функционировании прецедентных имён данной сферы в дискурсе российских президентских выборов 2004 года заслуживает внимания ещё один момент. В ходе рассматриваемой предвыборной кампании было создано прецедентное имя, которое интенсивно использовалось на протяжении некоторого времени, но вышло из употребления вскоре после окончания выборов. После исчезновения И.П. Рыбкина, сначала иностранная пресса, а потом и российская стали называть этого кандидата «Иван-невидимый».

«Иван-невидимый» сходит со сцены. (О.Вандышева, КП, 05.03.2004)

Следом за «Комсомолкой» к расследованию таинственного исчезновения в Киеве «Ивана-невидимого» подключилась и итальянская газета «Ла Stampa». (В.Ворсобин, КП, 12.03.2004)

Несмотря на короткую жизнь данного прецедентного имени, обращения к нему в дискурсе данного периода частотны, а создаваемый образ, основанный на экстраординарности произошедшего с этим кандидатом, красоч-

ный и запоминающийся.

Прецедентные имена группы “Иностранные политические деятели” употребляются в основном, чтобы показать, что кандидаты, принимающие участие в президентских выборах, не являются образцовыми политиками, какими видятся представители политической элиты других стран.

Как говорят, Черчилль обладал своеобразным юмором, негромким голосом и не любил сниматься. Жаль, что нашим правителям благодаря нашему ТВ это не угрожает. (С. Одоевцева, МК, 27.01.2004)

У. Черчилль является эталоном мудрого политика, который может провести страну через самые тяжёлые ситуации. Хотя в приведённом примере говорится лишь о различиях в вербальном поведении выдающегося английского политического деятеля и кандидатов на пост президента России, сделанное противопоставление позволяет сделать вывод о том, что у российских политиков, принимающих участие в выборах, помимо указанных, отсутствуют и другие качества необходимые для лидера нации.

Прецедентные имена лидеров стран, входящих в СНГ, используются, чтобы показать, что действующий президент отходит от демократических идеалов в управлении страной

Вместо экспорта свободы и демократии в страны СНГ «...» Россия импортирует диктатуру а-ля Лукашенко, Назарбаев и, не дай бог, Туркменбаши. «...» это курс в третий мир, курс на окончательное превращение России в сырьевой придаток. Это тупик. (Б. Немцов, В. Кара-Мурза, МК, 22.01.2004).

Перечисленные лидеры представлены в открытом обращении лидеров союза “Свободные выборы 2008” как диктаторы, создатели тоталитарного режима в своих странах, по стопам которых, по мнению лидеров этого союза, идёт В.В. Путин. Таким образом, сделана попытка дискредитировать положительный образ данного кандидата, так как под его руководством страна вернётся к тому режиму, от которого сравнительно недавно избавилась.

Суммируя сказанное, отметим, что прецедентные имена сферы “Политика” выступают либо в качестве эталона грамотного мудрого демократического политика, либо как ярлыки диктатора. Наличие качеств первого положительно повлияло бы на политический имидж кандидатов, уподобление второму подрывает авторитет претендентов на главный пост в стране.

Второе место по частотности в сфере “Политика” занимают прецедентные ситуации (30,43%).

Прецедентные ситуации данной сферы сложно объединить в какие-либо группы с точным указанием процентного соотношения, в силу разнообразия имеющегося материала, однако возможно описать круг прецедентных ситуаций, которые оказались актуальными в дискурсе российских президентских выборов 2004 года.

К таким прецедентным ситуациям относятся чрезвычайные происшествия, которые имели место на территории России за срок президентства В.В. Путина. Использование этих прецедентных ситуаций характерно для дискурса кандидатов от “правых” партий, особенно И. Хакамады.

За 4 года многократно выросла коррупция, предельно упала исполнительная дисциплина бюрократии, пожары в школах, вымирание детей в роддомах, замерзающие призывники, тонущие подводные лодки, взрывы домов. И всё это наша сильная власть, возглавляемая верхушкой бюрократии и спецслужб, которые начали заниматься совсем не своим делом. (Е. Хакамада МК28.01.2004).

Обращаясь к данным прецедентным ситуациям, которые имеют ярко выраженную негативную окраску, Ирина Муцуевна безапелляционно возлагает ответственность за них на действующего президента.

Интересный материал для анализа предоставили прецедентные ситуации, связанные со сложностями проведения выборов или подсчёта голосов в других странах. Приведём ряд примеров.

Братская Сербия трижды не смогла выбрать президента. Ни 13 декабря 2002 года, ни 8 декабря 2002 года, ни 16 ноября 2003 года сербам не

удалось добиться 50-процентной явки. И хотя два раза на этих выборах побеждал Воислав Коштуница, это не обеспечило ему президентского кресла. С этой точки зрения Россия отличается от Сербии лишь тем, что участники несостоявшихся выборов, по нашему законодательству, не имеют права баллотироваться вновь. Причем это касается даже Путина. (Е. Любарская, Lenta.ru 22.12.2003)

«Будет один тур, победит действующий президент, без повторения результатов Туркменбаши и Саакашвили, – твердо заявил Валерий Федоров, гендиректор ВЦИОМа. – Цифры будут более рациональные». (К. Латухина, НГ, 13.02.2004)

Использование данных прецедентных ситуаций в дискурсе российских президентских выборов 2004 года выражает опасения не только журналистов, но и всей страны, во-первых, по поводу того, состоятся ли президентские выборы вообще, так как избиратели не видят смысла в голосовании, когда результат заранее известен. Во-вторых, будет ли выдержан легитимный характер выборов, и не дискредитирует ли себя президент нереально высоким процентом голосов избирателей в свою поддержку.

Прецедентные ситуации, используемые в дискурсе российских президентских выборов 2004 года, довольно молоды, они относятся ко второй половине XX века и началу XXI. Это возможно связано с тем, что участники описываемых событий, сами журналисты и читатели являются современниками тех ситуаций, на которые делаются ссылки, это позволяет им с большей степенью достоверности судить о произошедшем, а также апеллировать к личным чувствам, вызванным описываемыми ситуациями.

Третьим по частотности типом прецедентных феноменов сферы “Политика” являются прецедентные высказывания (19,14%). Причем, за исключением единичных случаев, они представляют собой либо точное, либо трансформированное воспроизведение цитаты В.В. Путина “мочить в сортире”.

Нам в руки попало руководство, разосланное по многим пиар-

агентствам. Там четко, по пунктам, расписано, как «мочить» Глазьева. Очевидно, что руководство этой кампанией централизовано. Не обо всем, что мне известно, я могу говорить в интервью. (С. Батчиков, НГ, 25.02.2004)

Этот пример взят из интервью с главой избирательного штаба С.Ю. Глазьева, который комментирует репортажи по телевидению, сообщающие информацию о том, что сборщики подписей в поддержку этого кандидата подделывают подписные листы и покупают подписи. Использование данного прецедентного высказывания, авторство которого очень известно, наводит на мысль о том, что упомянутые телерепортажи заказаны Кремлём, так как Сергей Юрьевич может составить значительную конкуренцию действующему президенту на выборах, что нежелательно.

Приведём ещё один пример, иллюстрирующий уже другой аспект употребления этого же прецедентного высказывания.

В чем-то Харитонов мог бы затмить самого Черномырдина. Даже путинское «мочить в сортире» меркнет перед харитоновской звукописью. (М. Ростовский, МК, 03.02.2004)

Данное высказывание В.В. Путина рассматривается специалистами как не самый удачный пример политической риторики. В совокупности с прецедентным именем «Черномырдин», который заслужил известность, в том числе, из-за запутанного способа выражения своих мыслей, это прецедентное высказывания наглядно и лаконично характеризуют вербальное поведение кандидата от коммунистической партии.

Приведём примеры других прецедентных высказываний.

«...» необходима такая политическая система, которая будет воспроизводить не монопольную власть, а власть, подконтрольную обществу. Только такая власть будет не властью чиновников, которые могут творить всё, что захотят, а властью, зависящей от народа, и потому вынужденной выполнять главный принцип, заложенный в Конституции: "Человек является высшей ценностью". (Е. Хакамада, МК, 28.01.2004)

Ирина Муцуевна, обосновывая одно из основных положений своей предвыборной программы – борьбу за демократию против бюрократизированной власти, которая враждебна простому человеку, использует цитату из Основного Закона Российской Федерации и призывает, таким образом, к его авторитету, показывая, что своими действиями она лишь выполняет то, что обещано каждому гражданину Конституцией.

В целом прецедентные высказывания данной сферы используются в различных целях по причине гибкости данного типа прецедентных феноменов.

Наименее частотным типом прецедентных феноменов сферы “Политика” являются прецедентные тексты (**0,87%**).

Такая низкая частотность не позволяет объединить прецедентные тексты, используемые в дискурсе российских президентских выборов 2004 года, в какие-либо группы, поэтому ограничимся анализом примера.

Статья, рассказывающая о программном выступлении В.В. Путина перед своими представителями, озаглавлена следующим образом.

Февральские тезисы. (Н. Меликова, НГ, 13.02.2004)

Этот заголовок представляет собой трансформированное название одного из ключевых произведений В.И. Ленина “Апрельские тезисы”, которые давали ориентировку по внутрипартийным задачам, экономическим преобразованиям и легли в основу политической линии партии большевиков. Таким образом, выступлению В.В. Путина придаётся такой же монументальный характер, каким обладала работа, на которую сделана ссылка. Но коннотации этого прецедентного текста опять связывают имя действующего президента с советским прошлым.

Итак, сфера “Политика”, являясь второй по частотности в дискурсе российских президентских выборов 2004 года, представлена всеми типами прецедентных феноменов. Последние рассчитаны на самый широкий круг читателей, по причине общеизвестности политических деятелей, которые служат образцом для подражания, или, наоборот, эталоном недемократично-

го политика. О факторе массового адресата говорит и сравнительная молодость прецедентных ситуаций, ссылки на которые частотны, а также гибкость прецедентных высказываний, которые, несмотря на значительные трансформации, остаются узнаваемыми.

Сфера “Развлечение”

Данная сфера-источник прецедентных феноменов не представлена в классификации, которая взята за основу в нашем исследовании. Мы посчитали целесообразным выделить такую сферу, так как предлагаемое Е.А. Нахимовой разграничение сфер “Кино”, “Музыка”, “Телевидение”, и “Спорт” не оправдывает себя в из-за низкой частотности каждой из указанных сфер по отдельности **3,34%**, **1,85%**, **1,62%** и **0,56%** прецедентных феноменов соответственно. Таким образом, сфера “Развлечение” занимает третье по частотности место среди сфер-источников прецедентных феноменов, на её долю приходится **7,37%** прецедентных феноменов.

Наиболее частотным типом прецедентных феноменов в сфере “Развлечение” являются прецедентные высказывания (**67,74%**).

Приведём пример спортивного прецедентного высказывания.

При этом большинство, если не все соискатели идут на выборы под олимпийским лозунгом - главное не победа, а участие. (А. Корня, НГ, 12.01.2004)

Олимпийский девиз, применительно к спортивным состязаниям, символ того, что главное – это дух борьбы, принять участие в таких соревнованиях уже почётно, вне зависимости от результата. При переносе на политическую действительность России периода президентских выборов это прецедентное высказывание производит лишь комический эффект, так как в нормальной ситуации, участвуя в выборах, кандидаты стремятся победить. В президентских выборах 2004 года главной целью было – просто принять участие, не оставить действующего президента одного, что противоречит сущности института выборов.

Рассмотрим пример из музыки.

"Три лучше, чем один" (А. Храмов, НГ, 21.01.2004)

Данный заголовок статьи представляет собой трансформированную строчку из песни "Если б я был султан" из кинофильма "Кавказская пленница". Но единственное, что связывает текст статьи и текст песни, это числительные, так как сама публикация рассказывает о том, что помимо кандидата № 1 регистрацию в ЦИК получили ещё два человека. Использование этого узнаваемого прецедентного высказывания в заголовке статьи нацелено лишь на привлечение внимания читателей к данному тексту и в праве на него рассчитывать, так как указанный фильм считается народным, и фразы и песни из него хорошо знакомы широким слоям населения.

Вторым по частотности типом прецедентных феноменов сферы "Развлечение" являются прецедентные имена (29,03%).

Несмотря на некоторую тягу к военной атрибутике — бушлаты, фуражки, шлемы, куртки военного образца, — он (Путин) вовсе не претендует на роль супермена, российского «шварценеггера». (В. Костиков, АиФ, 17.03.2004)

Прецедентные имена из американского кинематографа Супермен и Шварценеггер, несмотря на то, что один из них персонаж фильма, обладающий сверхъестественными способностями, а другой актёр, сыгравший роли, в которых его герой неуязвим, создают общий образ человека, который не знает поражения, может справиться с любыми сложностями и спасти мир. Указывая, что В.В. Путин не претендует ни на что подобное, автор статьи ставит это ему в заслугу, описывая его как обычного человека, который работает в меру своих способностей.

Наименее частотным типом прецедентных феноменов в данной сфере оказались прецедентные ситуации (3,23%). Рассмотрим следующий пример.

Титаник подходит к айсбергу. Раскол КПРФ возможен. Но не по кремлевскому. (М. Виноградов Известия, 26.12.2003)

Это заголовок публикации, посвящённой описанию кризиса в КПРФ

накануне выдвижения кандидатуры от своей партии для участия в президентских выборах.

Прецедентная ситуация крушения Титаника очень удачно описывает возможное разрушение коммунистической партии. Корабль “Титаник” был крупнейшим судном своего времени и славился как непотопляемый, но неожиданно для всех потерпел крушение в своем первом плавании. Коммунистическая партия РФ, подобно неуязвимому “Титанику”, представляла собой на протяжении десяти лет мощнейшую оппозиционную силу, которая пользовалась значительной поддержкой масс. Но незаметно для самих себя партия растратила кредит доверия населения и неожиданно оказалась не в состоянии уверенно противостоять правящей партии, что, возможно, приведёт к исчезновению этой политической силы. Отнесение описанной прецедентной ситуации к кинематографу, а, следовательно, к сфере “Развлечение” можно оспорить, так как данное событие имело место в реальности. Но в силу того, что эта ситуация стала известна всему миру благодаря фильму Дж. Камерона “Титаник”, принадлежность данной прецедентной ситуации к сфере “Развлечение” вполне обоснована.

В дискурсе российских президентских выборов 2004 года не было обнаружено прецедентных текстов, относящихся к данной сфере.

Анализ имеющегося материала показал, что прецедентные феномены сферы “Развлечение” используются по большей части в заголовках газетных статей. Это связано с яркой эмоциональной окраской этих прецедентных феноменов, а также с их известностью массам, эти факторы обеспечивают привлечение внимания читателей к текстам публикаций, что является главной целью заголовка статьи.

Сфера “Наука”

Сфера “Наука” относится к низкочастотным сферам-источникам прецедентных феноменов, к ней относятся **3,92%** прецедентных феноменов. В сфере “Наука” мы объединили прецедентные феномены из истории, философии и физики, так как разделить их на отдельные сферы не представляется

возможным из-за низкой частотности. Сфера “Наука” представлена тремя типами прецедентных феноменов: прецедентными именами (62,5%), прецедентными высказываниями (31,25%) и прецедентными ситуациями (6,25%).

Приведём пример использования прецедентного имени из истории.

Четыре года напролет Владимир Владимирович спрашивал себя: тот ли я, за кого меня принимают? хозяин Кремля или случайный постоялец? вольный государь или невольный Лжедмитрий? представитель клана, посредством безобразной ельцинской смелости получившего на разграбление экс-сверхдержаву, или водитель нации, избавитель ее от эпохи безвременья? «...» Чтобы снять этот – центральный - вопрос со своей личной повестки дня, Путин должен был избавиться от Кабинета Касьянова. (С. Белковский, КП, 01.03.2004)

Прецедентное имя “Лжедмитрий” хорошо известно всем изучавшим историю в школе. Это реальная историческая персона, самозванец, выдававший себя за царевича Дмитрия Ивановича, который, обретя покровительство знатных вельмож, взошёл на царство и был русским царём в течение 1605 – 1606 годов. Кризис внутренней и внешней политики, возникший во время его царствования, создал условия для организации боярского заговора, в котором царь был убит. Возможное сравнение В.В. Путина с Лжедмитрием основано на том факте, что его кандидатура в качестве и.о. президента России была выдвинута Б.Н. Ельциным. То есть он появился на политическом небосклоне страны благодаря высокопоставленному политическому деятелю, о влиянии окружения которого во время первого срока его президентских полномочий очень много писали в прессе. Но, уволив правительство за три недели до выборов, действующий президент показал, что он самостоятельный политик, который может принимать ответственные решения.

Рассмотрим пример употребления прецедентного высказывания.

Сборщики подписей за Хакамаду вдвое превысили 'кандидатский минимум'. (И. Романчева, НГ, 27.01.2004)

Прецедентное высказывание “кандидатский минимум” означает вы-

полнение аспирантами и соискателями учёной степени кандидата наук необходимых требований (сдачи экзаменов), для получения права на защиту кандидатской диссертации. В предвыборном президентском дискурсе это прецедентное высказывание сохранило компонент “выполнение необходимых требований”, только в данном случае эти требования заключаются в сборе двух миллионов подписей в поддержку кандидата. Целью выполнения этого требования является получение официальной регистрации в ЦИК как кандидата, что даёт право на участие в президентских выборах.

Хотя прецедентные ситуации сферы “Наука” обладают очень низкой частотностью, все же они заслуживают внимания.

Описывая давку, которая происходила перед входом в зал, где проходила встреча В.В. Путина с доверенными лицами, журналистка апеллирует к следующей прецедентной ситуации.

«Осторожно, пропустите женщин», – кричала одна из сотрудниц президентской пресс-службы, пытаясь хоть как-то снять натиск напавшей на узкую дверь толпы. Перспектива провести два часа на морозе никого из собравшихся журналистов обрадовать не могла. Казалось, еще немного, и начнется настоящая «ходынка». (Н.Меликова, НГ, 13.02.2004)

Ходынка – название трагических событий на Ходынском поле 18 мая 1896, где во время "народного гулянья" в дни коронации Николая II в давке, по официальным данным, погибли 1389 человек и 1300 получили тяжёлые увечья. Эта прецедентная ситуация стала эталоном подобного поведения людей, которое приводит к большим жертвам.

Несмотря на низкую частотность прецедентных феноменов сферы “Наука”, они обладают сильным воздействующим потенциалом и позволяют представить сложное для объяснения явление или ситуацию в лаконичной, доступной для понимания форме.

Сфера “Религия”

Сфера “Религия” также является низкочастотной, на её долю приходится **2,76%** прецедентных феноменов. Данная сфера представлена лишь

прецедентными именами (**54,56%**) и прецедентными высказываниями (**45,45%**).

Обратимся к примерам.

- *Михаил Сергеевич, а в Питере у Путина сколько доверенных лиц?*

- *Нас - 12 апостолов. (А. Гамов, КП, 13.02.2004)*

Михаил Боярский – доверенное лицо В.В. Путина в Санкт-Петербурге, отвечая на вопрос журналиста, использует прецедентное имя “двенадцать апостолов”, которое восходит к Библии и обозначает ближайших учеников Иисуса Христа, избранных Им для того, чтобы нести Его учение и весть о Его воскресении людям. Таким образом, в данном примере агитация за действующего президента России рассматривается наравне с таким благим делом, как распространение христианства.

Приведём пример прецедентного высказывания.

И наша цель как либералов, на самом деле, оградить граждан от любого посягательства власти на собственность людей, защищать. «...» В отношении прав граждан не должно быть первого класса и нижней палубы. Достоинство – это то, что Бог дал человеку, создав его по своему образу и подобию. И никто не вправе посягнуть на достоинство безнаказанно. (Е. Хакамада, НГ, 28.01.2004)

Немного перефразированное библейское высказывание используется здесь И. Хакамадой для подкрепления своих программных заявлений авторитетом книги, которая занимает особое положение и чья мощь незыблема.

Низкая частотность прецедентных феноменов сферы “Религия” говорит о неактуальности данных ценностей на этом этапе развития российского лингвокультурного сообщества, несмотря на растущую религиозность.

Сфера “Экономика”

Сфера “Экономика” близка по частотности к сфере “Религия”, к ней относятся **1,61%** прецедентных феноменов. Причём данная сфера-источник представлена лишь прецедентными ситуациями.

*Если мы будем продолжать такую же экономическую политику, то никаких **дефолтов** не будет. (В. Путин, Российская газета, 13.02.2004)*

Прецедентная ситуация “Дефолт 1998 года” стала символом экономического краха, который пережила российская экономика, находясь на переходном этапе развития. Заверения в том, что данная прецедентная ситуация, которая оказала влияние на всё население России и запечатлелась в народном сознании с резкой отрицательной оценкой, не повторится в том случае, если продолжать двигаться в выбранном направлении, поощряют избирателей голосовать за действующего президента России, который выступает гарантом выполнения данного обещания.

Прецедентные феномены сферы “Экономика” обладают низкой частотностью, так как они не актуальны, благодаря тому, что экономическая обстановка в стране на момент выборов была более менее стабилизирована: отмечался рост ВВП, медленно снижались темпы инфляции.

Сфера “Криминал”

Прецедентные феномены сферы “Криминал” обладают очень низкой частотностью (**1,38%**) и представлены только прецедентными высказываниями.

Прецедентные высказывания данной сферы употребляются для критики власти через указание на её коррумпированность.

Проиллюстрируем это положение примером.

*«...» основываясь на опыте последних четырех лет, можно констатировать факт появления и укрепления новой общественно-политической формации – путинизма. Его формула такова: **однопартийная система, цензура, марионеточный парламент, прекращение независимого правосудия, жесткая централизация власти и финансов, гипертрофированная роль спецслужб и бюрократии, в том числе в отношении бизнеса. Одним словом, путинизм – это жизнь по кремлевским "понятиям"**. (Б. Немцов, В. Карамурза, МК, 22.01.2004).*

Прецедентное высказывание “жить по понятиям” означает вести себя согласно неписанным законам, принятым в преступном мире. Расширение этого высказывания прилагательным “кремлёвским” говорит о том, что Б. Немцов обвиняет правящую власть в нарушении закона, что, таким образом, ставит её в оппозицию народу страны.

Низкую частотность данной сферы-источника прецедентных феноменов можно объяснить следующим образом. Анализируя политическую метафору, А.П. Чудинов отмечает, что сферы-источники “Криминал” и “Война” оказываются востребованными в переломные моменты истории, когда страна оказывается в кризисном положении [Чудинов 20001 : 116]. Так как выше уже отмечалась общность когнитивных механизмов метафоры и прецедентных феноменов, то можно сделать вывод о том, что Россия на момент президентских выборов 2004 года находилась в стабильном устойчивом состоянии, в котором апелляция к сферам с высоким агрессивным потенциалом, коей является сфера “Криминал”, не востребованы.

Сфера “Изобразительное искусство”

Самой низкочастотной сферой-источником прецедентных феноменов является сфера “Изобразительное искусство”, к ней относится **0,93%** прецедентных феноменов. Эта сфера представлена только прецедентными высказываниями, которые представляют собой названия картин. Проанализируем пример.

В минувший вторник доверенные лица Рыбкина сдали в Центризбирком подписи, необходимые для его регистрации. По его словам, собрать более трех миллионов подписей оказалось легче, чем убедить Центризбирком их принять. Реакцию ЦИК можно обозначить одной фразой – “не ждали”. Нам несколько раз меняли день и час сдачи”, - сказал Рыбкин. (Е. Любарская Lenta.ru 28.01.2004)

Название полотна русского художника-передвижника И.Е. Репина, на котором изображено нежданное возвращение в семью юноши, стало этало-

ном неожиданного появления кого-либо. Использование кандидатом данного прецедентного высказывания говорит о неподдельном удивлении членов ЦИК тому, что И.П. Рыбкин сумел собрать необходимое количество подписей, так как в прессе появлялись заметки по поводу того, что собрать два миллиона подписей за такое ограниченное время кандидатам самовыдвиженцам непросто.

Вопреки тому, что частотность прецедентных феноменов сферы “Изобразительное искусство” незначительна, имеющиеся примеры представляют интересный материал для анализа, так в этом случае идёт речь о создании не интертекстуальных связей, а интермедиальных, преодолевающих границы разных способов хранения и передачи информации.

Изучение соотношения типов прецедентных феноменов в выявленных сферах-источниках позволило выделить закономерность представленную в Таблице 2.

Таблица 2. Типы прецедентных феноменов, относящихся к сферам-источникам, обнаруженным в дискурсе российских президентских выборов 2004 года, %

Сфера-источник	Тип прецедентных феноменов				Всего
	Прецедентное имя	Прецедентная ситуация	Прецедентный текст	Прецедентное высказывание	
Литература	14,4	3,39	4,24	77,97	100
Политика	49,56	30,43	0,87	19,14	100
Развлечение	29,03	3,23	0	67,74	100
Наука	62,5	6,25	0	31,25	100
Религия	54,56	0	0	45,45	100
Экономика	0	100	0	0	100
Криминал	0	0	0	100	100
Изобразит.иск.	0	0	0	100	100
% от общего количества прецедентных феноменов	28,35	11,98	2,53	57,14	100

Проведённый анализ сфер-источников культурного знания прецедентных феноменов, обнаруженных в дискурсе российских президентских выборов 2004 года позволяет сделать следующие выводы.

Сфера “Литература” оказалась самой актуальной в дискурсе российских президентских выборов 2004 года, что подтверждает положение о литературоцентричности российской нации. Герои и авторы произведений как российской, так и зарубежной литературы выступают эталонами, относительно которых сравниваются участники предвыборной кампании. На кандидатов переносятся характерные признаки указанных персонажей и писателей и связанные с ними оценки и коннотации. Прецедентные высказывания данной сферы способствуют увеличению экспрессивности речи и поддерживают высказанное положение либо авторитетом известного автора, либо мудростью народа. Прецедентные тексты и прецедентные ситуации обладают низкой частотностью в сфере “Литература”, так как для российского политического дискурса характерными оказались имплицитные указания на данные виды прецедентных феноменов. Несмотря на это, не составляет труда проследить, к какому именно тексту восходит то или иное имя или высказывание, так как используемые прецедентные феномены не выходят за рамки произведений школьной программы по литературе.

Сфера “Политика”, занимая второе место по частотности, представлена всеми типами прецедентных феноменов. Основной целью употребления прецедентных имён данной сферы является критика современных политиков за то, что они совсем не похожи на европейских политических деятелей, которые выступают образцом грамотной политической линии, и слишком похожи на политических лидеров стран СНГ, которые представлены как воплощение тирании и авторитарности. Частотность прецедентных ситуаций, связанных со срывом выборов в странах Европы и СНГ, связана с тем, что в России были реальные опасения по поводу повторения такой ситуации.

Прецедентные феномены сферы “Развлечение”, будучи достаточно частотными, употребляются в основном для привлечения внимания читате-

лей к публикации и удержания этого внимания за счёт экспрессивности, возникающей при их использовании. Создание с помощью прецедентных феноменов читательской заинтересованности образует основу для воздействия на электорат.

Сферы “Наука”, “Религия” и “Экономика” относятся к низкочастотными, что говорит о меньшей актуальности данных ценностей для российского лингвокультурного сообщества на данном этапе исторического развития.

Сфера “Криминал”, обладающая высоким агрессивным потенциалом, также оказалась неактуальной в дискурсе российских президентских выборов 2004 года, что говорит об определённой стабильности в государстве.

Прецедентные феномены сферы “Изобразительное искусство” обладают очень низкой частотностью, так как они входят в интермедиальное пространство, связи в котором сформировались далеко не так устойчиво, как в пространстве интертекстуальном.

Установление сфер-источников культурного знания прецедентных феноменов, выявленных в дискурсе российских президентских выборов 2004 года, является не единственным аспектом анализа. Для более детального определения механизмов использования прецедентных феноменов необходимо установить национальные основы происхождения прецедентных феноменов, охарактеризовать их структурные особенности и сделать обобщения о способах их функционирования.

2.3. Национальная, структурная и функциональная характеристика прецедентных феноменов, используемых в дискурсе российских президентских выборов 2004 года

2.3.1. Национальные основы происхождения прецедентных феноменов, употребляемых в дискурсе российских президентских выборов 2004 года

Критерии, на основании которых нами устанавливается национальная принадлежность прецедентных феноменов, обнаруженных в дискурсе российских президентских выборов 2004 года, можно свести к следующим. При

анализе прецедентных имёна, ситуаций и текстов, критерием, определяющим этимологию этих типов прецедентных феноменов, будет являться страна, где родился данный человек, произошло событие или был написан текст. Ситуация немного сложнее с прецедентными высказываниями, так как в российском предвыборном дискурсе были обнаружены ссылки на высказывания, которые изначально были произнесены на международных конференциях и именно после них приобрели статус прецедентных. В таких случаях не представляется возможным определить национальные основы происхождения, поэтому оказалось необходимым выделить международные прецедентные феномены.

Обобщённые данные анализа национальных основ происхождения прецедентных феноменов, используемых в дискурсе российских президентских выборов 2004 года, представлены в Таблице 3.

Таблица 3. Национальные основы происхождения прецедентных феноменов, обнаруженных в дискурсе российских президентских выборов 2004 года

Страна происхождения прецедентных феноменов	Количество прецедентных феноменов, %
Россия	79,49
Европа	10,6
США	2,54
СНГ	2,3
Азия	0,69
Африка	0,23
Ю.Америка	0,23
Ср.Восток	0,23
Международные	3,69
Всего	100

Анализ имеющегося материала показал, что подавляющее большинство прецедентных феноменов всех типов (**79,49%**) относится к русской культуре, что подтверждает высказанное предположение о национально детерминированном отборе прецедентных феноменов.

Второе место по частотности (**10,6%**) занимают прецедентные феномены европейского происхождения. Они в основном относятся к сферам “Литература” и “Политика”. Актуальность европейских прецедентных феноменов сферы “Литература” можно объяснить тесными культурными связями России и стран Европы, существующих на протяжении столетий. Востребованность прецедентных феноменов европейского происхождения в сфере “Политика” можно связать с тем, что страны Европы по объективным историческим причинам имеют больший опыт демократии, которая в России появилась сравнительно недавно. Поэтому имена европейских политических деятелей и политические события, произошедшие на территории Европы, являются своеобразными ориентирами демократии для России.

Низкочастотными являются прецедентные феномены, относящиеся к США (**2,54%**) и к странам СНГ (**2,3%**). Прецедентные феномены стран СНГ относятся к сфере “Политика” и являются символами тоталитаризма, на которые Россия не должна равняться, но к которым, по мнению некоторых политиков и журналистов, страна приближается. Прецедентные феномены американского происхождения относятся к сфере “Развлечение” и представляют кинематограф. Такие данные были вполне прогнозируемы, так как киноиндустрия в Соединённых Штатах очень развита и интенсивно импортирует свою продукцию, в том числе в Россию.

Примеры использования прецедентных феноменов с указанными выше национальными источниками происхождения были приведены в предыдущем параграфе, поэтому иллюстрировать их здесь нет необходимости.

Но целесообразно привести примеры прецедентных высказываний азиатского (**0,69%**), африканского (**0,23%**), южноамериканского (**0,23%**) и средневосточного (**0,23%**) происхождения, так как по причине их низкой частотности они не были отражены ранее.

*В СПС у Ирины Хакамады было два прозвища. Один из лидеров партии называл ее не иначе как **Хиросима**. (М. Ростовский, МК, 03.02.2004)*

Хиросима – это название японского города, на него 6 августа 1945 года

была сброшена ядерная бомба, которая почти стёрла этот город с лица земли, унеся жизни более 150 тысяч человек. Дифференциальным признаком этого прецедентного феномена, к которому сделана апелляция в приведённом примере, является необычайная, неизвестная до тех пор разрушительная сила. Применительно к И. Хакамаде этот прецедентный феномен означает, что сила данного кандидата, как бойца за то, во что она верит невероятна. Как отмечают её коллеги по партии, в борьбе за правое дело она даже безжалостна и ни перед чем не остановится.

Приведём еще один пример, в котором одновременно используются прецедентные феномены южноамериканского и африканского происхождения.

*Любые расчеты на чилийский вариант, хотя об этом вслух никто не говорит, оказались наивными и безграмотными. Пытаясь стать **Чили**, мы стали **Нигерией**: та же коррупция и та же нефть. (Е. Хакамада, НГ, 28.01.2004)*

Прецедентные имена, используемые здесь И. Хакамадой, имеют сложное комплексное значение. Прецедентное имя “Чили” означает в данном контексте политический режим, который установился в этой стране в 1990 году после свержения А. Пиночета. Этот режим называют “защищённая демократия”, когда при наличии свободных рыночных отношений в сфере экономики, сохраняется жестко ограниченная демократия в политике. Прецедентное имя “Нигерия” означает политический режим, который путём переворотов приходит на смену предыдущему режиму под лозунгом борьбы с коррупцией, но с течением времени сам становится коррумпированным, что на фоне экономической отсталости страны приводит к новому перевороту. Таким образом, обращаясь к данным прецедентным именам, И. Хакамада довольно резко критикует сложившийся политический режим в России. Однако сложно судить о правомерности и обоснованности проводимых ею параллелей.

Отдельно рассмотрим международные прецедентные феномены, которые составляют **3,69%** от общего количества прецедентных феноменов.

Времени у президента – совсем мало. Судя по всему, уже в ближайшие дни мы узнаем имя человека, которого он предложит Госдуме утвердить главой правительства. Чуть позже – имена новых ключевых министров. И тогда весь мир наконец получит исчерпывающий ответ на ставший хрестоматийным вопрос: «Кто вы, мистер Путин?» (Л. Кафтан, КП, 24.02.2004)

Данное прецедентное высказывание – это перевод с английского вопроса “Who is Mr. Putin”, который впервые прозвучал на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2000 году. Иностранная журналистка задала этот вопрос членам российской делегации, среди которых были высокопоставленные правительственные чиновники, которые не сразу ответили на вопрос. Паузу заполнил хохот присутствующей прессы, а вопрос "кто такой мистер Путин" приобрёл статус прецедентного. Смысл данного прецедентного высказывания заключается в том, что В.В. Путин, появившись в политике довольно неожиданно, является как для мировой общественности, так и для российского народа в некоторой степени загадкой, так как в нем сочетается много противоречивых характеристик. С одной стороны – бывший сотрудник КГБ, с другой – верующий человек, с одной стороны – появился в политике благодаря протекторату Б.Н. Ельцина, с другой – сменил всю кремлёвскую администрацию. Поэтому каждый шаг действующего президента России рассматривается как подсказка в раскрытии тайны этого человека.

Результаты анализа представленности различных типов прецедентных феноменов, объединённых национальным источником происхождения, они представлены в Таблице 4.

Таблица 4. Типы прецедентных феноменов в дискурсе российских президентских выборов 2004 года, объединённые национальными основами происхождения, %

Страна происхождения прецедентных феноменов	Тип прецедентных феноменов				Всего
	Прецедентное имя	Прецедентная ситуация	Прецедентный текст	Прецедентное высказывание	
Россия	22,89	10,74	1,73	64,64	100
Европа	63,05	13,04	10,87	13,04	100
США	63,64	9,09	0	27,27	100
СНГ	40	40	0	20	100
Азия	66,66	33,34	0	0	100
Африка	0	100	0	0	100
Ю.Америка	0	100	0	0	100
Ср.Восток	100	0	0	0	100
Международные	18,75	6,25	0	75	100

Как видно из таблицы, прецедентные феномены российского происхождения представлены всеми типами прецедентных феноменов со значительным численным преимуществом прецедентных высказываний, одним из факторов, обуславливающих это, можно назвать гибкость данного типа прецедентных феноменов. Низкая частотность прецедентных текстов связана с характерной для российского предвыборного дискурса имплицитной отсылкой к тому или иному тексту.

Европейские прецедентные феномены также представлены всеми типами. Это можно объяснить традиционно сильными связями в сфере культуры и тем, что Россия за время первого срока президентских полномочий В.В. Путина установила новые экономические связи и укрепила политические отношения со странами Европы.

Американские прецедентные феномены и феномены, источником которых являются страны СНГ, представлены тремя типами: прецедентными именами, ситуациями и высказываниями. Такая хорошая представленность американских прецедентных феноменов связана, прежде всего, с фильмами,

выпущенными в этой стране, герои, сюжет и фразы из которых обладают хорошей известностью. Прецедентные феномены стран СНГ представлены хорошо, в силу общего прошлого и географической близости этих стран.

Прецедентные феномены с другими национальными основами происхождения представлены лишь двумя или одним типом прецедентных феноменов, это, как правило, прецедентны имена и/или прецедентные события. Этот факт можно связать с растущей глобализацией информационных процессов, благодаря чему известие о каком-либо событии или какой либо персоне мгновенно распространяется по всему миру и становится достоянием многих культур. Прецедентные тексты и прецедентные высказывания носят более локальный характер и больше привязаны к конкретному национально-лингвокультурному сообществу.

2.3.2. Структурные особенности прецедентных феноменов, используемых в дискурсе российских президентских выборов 2004 года

В данном параграфе диссертации будут анализироваться виды маркеров прецедентных феноменов, используемых в дискурсе российских президентских выборов 2004 года, если такие имеются, а также рассматриваться трансформации прецедентных феноменов, в том случае, если рассматриваемые нами единицы подвергаются изменению.

При анализе видов маркеров прецедентных феноменов мы будем использовать классификацию, предложенную в диссертационном исследовании Н.С. Бирюковой, которая выделяет десять способов указания на прецедентность: 1) библиографическая ссылка; 2) полная ссылка; 3) ссылка на автора; 4) расширенная ссылка на автора; 5) ссылка на название произведения; 6) ссылка на героя произведения; 7) двойные ссылки; 8) неопределенные ссылки; 9) другие виды ссылок на источник; 10) использование лексических и грамматических показателей не вполне традиционного смысла имени; 11) графическое указание на прецедентность [Бирюкова 2005 : 38–43]. Сразу отметим, что не все виды трансформации прецедентных феноменов, представ-

ленные в этой классификации, были обнаружены в дискурсе российских президентских выборов 2004 года.

Обобщённые данные по задействованным видам маркеров прецедентных феноменов, обнаруженных в дискурсе российских президентских выборов 2004 года представлены в Таблице 5.

Таблица 5. Маркеры, задействованные для актуализации прецедентных феноменов в дискурсе российских президентских выборов 2004 года, %

Вид маркера	Тип прецедентных феноменов			
	Прецедентное имя	Прецедентная ситуация	Прецедентный текст	Прецедентное высказывание
Отсутствие маркера	81,3	76,92	63,64	59,68
Графическое указание прецедентности	16,26	23,08	36,36	32,66
Кавычки, ссылка на автора	-	-	-	3,23
Ссылка на автора	-	-	-	2,82
Кавычки, ссылка на источник	-	-	-	0,81
Ссылка на источник	-	-	-	0,4
Ссылка на автора и на источник	-	-	-	0,4
Использование лексических показателей	2,44	-	-	-
Всего	100	100	100	100

Начнём с анализа самого частотного типа прецедентных феноменов – **прецедентного высказывания.**

Большинство прецедентных высказываний (**59,68%**) представлено в дискурсе российских президентских выборов без маркеров. Прецедентные высказывания не маркируются в том случае, когда необходимо скрыть заимствованный характер цитаты, но возможны и другие причины. Обратимся к примеру.

*«...» г-н Чадаев не желает **предоставить мертвым хоронить своих мертвецов** и страстно хочет помочь СПС в этом увлекательном деле, при этом не больно заботясь о других флангах, он идет стопа в стопу за Г.А. Явлинским, что не обнадеживает. (М. Соколов GlobalRus.ru 16.12.2003)*

Немаркированное прецедентное высказывание из Библии (Матфей, 8 : 22) означает, что господин Чадаев, с одной стороны, хочет помочь СПС, а с другой стороны, хочет, чтобы партия шла на президентские выборы во главе все с теми же лидерами, которых после провала думских выборов пресса окрестила “политические трупы” и с теми же идеями, которые мертвы, так как не имеют народной поддержки.

Данное прецедентное высказывание не маркировано, так как оно довольно узнаваемо, и не требует дополнительных показателей заимствования.

Наиболее частотным способом маркировки прецедентных феноменов является графическое указание на прецедентность (**32,66%**), к которому относятся, прежде всего, кавычки.

***“Назвался груздем, полезай в кузов”** – эта народная мудрость безнадежно устарела. Довольно смешно наблюдать, как кандидаты в президенты, чей рейтинг колеблется в пределах статистической погрешности, один за другим начали объявлять о готовности снять свою кандидатуру. (А. Гудберг, МК, 25.02.2004)*

Подобным образом журналист комментирует последовавшие друг за другом заявления в прессе И.П. Рыбкина и С.Ю. Глазьева о возможности снятия своей кандидатуры.

Следующим по частотности способом указания на прецедентность является объединение графических средств и ссылки на автора (**3,23%**). Проиллюстрируем примером.

*Очевидно, что история с исчезновением и обретением кандидата в президенты прежде всего здорово повредила в глазах мировой общественности имидж БАБа как мастера политинтриг и борца за свободу россиян. Ну а на политической карьере Рыбкина можно просто поставить крест. **Как***

говаривал Михаил Жванецкий, «нельзя безнаказанно жить в Киеве» (С. Герасименко, КП, 11.02.2004).

Ссылка на автора составляет **2,82%** маркеров прецедентных высказываний.

*Сумрак исторической ночи наставлен на лидера (В.В. Путина) тысячу тысяч воспалённых зрачков. В этой ночи повестка бытия и действия лидера определяется **перефразированной кантианской тетрадой: что я могу знать? что я должен делать? на что я могу надеяться? что такое Россия?** (С. Белковский, КП, 19.01.2004)*

К низкочастотным видам маркеров прецедентных высказываний относятся: 1) сочетание кавычек и ссылки на источник (**0,81%**), 2) ссылка на источник (**0,4%**) и 3) сочетание ссылки на автора и ссылки на источник (**0,4%**). Приведём примеры.

1) *Если версия верна, то Ирина Хакамада в ситуации "или политические дивиденды с риском для жизни, или тихое забвение" выбрала первое. Ибо древний девиз самураев гласит: **"В ситуации "или - или" без колебаний выбирай смерть!"** (Н.Дзись-Войнаровский, VIP.Lenta.Ru 28.01.2004)*

2) *Чтобы понять, почему за 3 недели до выборов президент принял самое ответственное в своей карьере кадровое решение, надо ненадолго вернуться с полевых работ к теоретическим занятиям. «...» **Англоязычный давосский вопрос Who is Mr. Putin?** снова вырастает из сумрачной толщи нашего мутного времени. (С. Белковский, КП, 01.03.2004)*

3) *Мне кажется, что это единственно правильный путь (программа И. Хакамады) для того, чтобы в результате наш народ стал богатым, свободным и сплотился в единое целое. Об этом я мог бы сказать **три слова из книги Александра Николаевича Яковлева «Сумерки»: свобода, достаток, законность.** (С.Варшивчик, НГ, 17.02.2004)*

Меньшим разнообразием отличаются маркеры прецедентных имён. Подавляющее большинство прецедентных имён, обнаруженных в анализи-

руемом виде дискурсе не маркировано – **81,3%%**, подобные примеры в изобилии представлены в предыдущем параграфе.

Распространённым маркером прецедентных имён является графическое указание на прецедентность (**16,26%**). Проиллюстрируем примером.

«Тринадцатым апостолом» оказался Владимир Литвиненко. Глава путинского предвыборного штаба в Петербурге статуса доверенного лица в нынешней кампании не имеет. (А. Стогов, АиФ, 25.02.2004)

Низкой частотностью (**2,44%**) обладает способ указания на прецедентность с помощью использование лексических показателей не вполне традиционного смысла имени. Несмотря на непопулярность этого маркера, примеры представляют исследовательский интерес.

Глазьев захотел закрепиться в качестве главного политика на левом фланге. Как фигура, реально представляющая альтернативу власти. Эдакий Зюганов сегодня. Но выяснилось, что он раньше времени вылез из засады. (А.Гудберг, МК, 25.02.2004)

В данном примере Г. Зюганов представлен эталоном политика, находящегося в оппозиции правящей власти.

Маркеры **прецедентных ситуаций** и **прецедентных текстов**, используемых в дискурсе российских президентских выборов 2004 года, можно рассматривать в совокупности, так как для них характерны лишь отсутствие маркировки и графическое указание на прецедентность (кавычки). Приведём пример немаркированного прецедентного текста.

Сказки Лондонского леса – заголовок (Ю.Сергеев, КП, 03.03.2004). Трансформация этого прецедентного текста будет рассмотрена далее.

Проиллюстрируем маркировку прецедентной ситуации с помощью кавычек.

А те силы в мире, которые продолжали жить стереотипами "Холодной войны" и, несмотря на "сладкие" речи, продолжали рассматривать Россию в качестве своего политического соперника - всячески поддержива-

ли все, что могло как можно дольше законсервировать подобное состояние нашей страны. (В.В. Путин, НГ, 12.03.2004)

Перейдём к рассмотрению трансформаций прецедентных феноменов, обнаруженных в дискурсе российских президентских выборов 2004 года. Обобщённые данные по представленности различных видов трансформации каждого типа прецедентных феноменов находятся в Таблице 6.

Таблица 6. Виды трансформаций, задействованных при актуализации прецедентных феноменов в дискурсе российских президентских выборов 2004 года, %

Вид трансформации	Тип прецедентных феноменов			
	Прецедентное имя	Прецедентная ситуация	Прецедентный текст	Прецедентное высказывание
Отсутствие трансформации	78,04	98,07	54,56	69,35
Лексическая трансформация	5,58	1,93	36,36	16,14
Графическая трансформация	8,94	-	9,08	2,83
Использование имени во множественном числе	0,83	-	-	2,01
Использование во имени множественном числе и графическая трансформация	2,44	-	-	-
Структурная трансформация	-	-	-	0,81
Перефразирование	-	-	-	2,01
Лексическая и структурная трансформация	-	-	-	6,85
Актуализация имени через атрибуты	3,24	-	-	-
Изменение рода имени	0,83	-	-	-
Всего	100	100	100	100

Прежде всего, отметим, что подавляющее большинство прецедентных феноменов всех видов представлены в дискурсе российских президентских

выборов 2004 года без трансформации.

Начнём рассмотрение трансформаций прецедентных феноменов, обнаруженных в дискурсе российских президентских выборов с **прецедентных высказываний**. Самым частотным видом трансформации является лексическая трансформация (**16,14%**), к которой мы относим: 1) добавление лексических единиц (**45%**), 2) замену лексических единиц (**32,5%**) и 3) удаление лексических единиц или усечение (**22,5%**). Проиллюстрируем примерами.

1) *Подобный сценарий может повториться и с Н. Харитоновым. По оценкам, 3–5% голосов, которые он может получить, станут **«последним гвоздем в крышку гроба КПРФ»***. (М. Чижов, АиФ, 28.01.2004)

Изначально это прецедентное высказывание выглядит так: “последний гвоздь в крышку гроба”, с возможными вариантами “забить/заколотить последний гвоздь в крышку гроба”.

2) ***Невероятные приключения Ивана Рыбкина на Украине** вдохновили на неожиданные проекты и людей искусства. Так, в телекиноцентре «Ирбис», как рассказал нам его продюсер Аркадий Шварцер, созрела идея сделать полноценный фильм о путешествии Ивана Петровича в Киев.* (О.Вандышева, КП, 16.02.2004)

В названии известного кинофильма “Невероятные приключения итальянцев в России” произведена замена двух лексических единиц.

3) *Аналитики к будущему "старых новых правых" относятся скептически. Сейчас им бессмысленно объединяться, **поздно пить "Боржом"**. Допустим, они пойдут на выборы с единым кандидатом, и что он получит? Этот избирательный цикл уже закончен, с президентскими выборами все ясно, даже тотализаторы не будут принимать ставки на их исход.* (Н.Дзись-Войнаровский Lenta.ru 16.12.2003)

Данное прецедентное высказывание даже не требует окончания, в силу своей общеизвестности. Тот факт, что читателю надо самому додумать продолжение вовлекает его в языковую игру с автором, повышает интерес и способствует лучшему усвоению мысли журналиста о том, что “правые” партии

изжили себя.

Вторым по частотности видом трансформации (**6,85%**) является сочетание лексических и структурных изменений, что приводит к полной трансформации изначального высказывания, но оно, тем не менее, остаётся узнаваемым.

Право слово, избирательному штабу Путина нужно несколько поумерить активность. Как бы лоб не расшибить ... (А. Гудберг, МК, 25.02.2004)

Изначально это русская поговорка выглядит так “Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет”, в приведённом примере от неё сохранено лишь две лексические единицы, каждая из которых трансформирована, кроме этого, полностью изменена структура. Но даже с этими изменениями не составляет труда понять смысл высказывания, который заключается в том, что штабу В.В. Путина надо с меньшим рвением вести агитацию, чтобы не навредить своему кандидату.

Примеры графической трансформации прецедентных высказываний не очень частотны (**2,83%**). Например, статья о том, что С.Ю. Глазьев собирается баллотироваться в президенты вопреки желаниям парламентского блока “Родина”, членом которого он является, озаглавлена следующим образом.

Глазьева подозревают в измене "Родине". (А.Костюков, НГ, 15.01.2004)

В прецедентном высказывании советского времени “измена родине” второй компонент написан с заглавной буквы и взят в кавычки, таким образом становится понятным, что речь идет о политическом блоке с таким названием. Но так как данный советизм имеет выраженную негативную окраску, то создаётся образ этого кандидата на пост президента как предателя, который идёт против тех людей, вместе с которыми недавно боролся на парламентских выборах.

Такие виды модификации прецедентных высказываний, как изменение числа существительных (с единственного на множественное) и перефразирование, составляют по **2,01%** трансформаций.

*Известно, что в российской политике остался только один политик – Путин. Я не вижу **серых кардиналов**, которые бы взяли на себя дерзость рулить президентом. (А. Пионтковский, НГ, 10.02.2004)*

*Вчера кандидат в президенты Иван Рыбкин представил журналистам свою программу, которая начинается списком гипотетического правительства, состоящим почти сплошь из успешных губернаторов. Появление этого экспромта связано, по словам кандидата, с его желанием видеть у власти профессионалов: **"Сегодня серость заполняет все пространство. Значит, жди, когда придет чернота..."**. (А. Самарина, НГ, 16.01.2004)*

Данное высказывание представляет собой перефразированную цитату из романа Стругацких “Трудно быть Богом”, которая в первоначальном виде звучит так “после серых всегда приходят коричневые”. Использование этого прецедентного высказывания И.П. Рыбкиным говорит о том, что политик знает о тенденции прихода к власти представителей нацистских партий из-за отсутствия других ярких политиков в стране, чего своим примером он намерен не допустить.

Наименее частотным способом трансформации прецедентных высказываний (**0,81%**) является структурная трансформация, как правило, она представлена в виде изменения функциональной модальности высказывания.

***Один, совсем один?** «...» самым неприятным для Путина может оказаться полное отсутствие конкурентов. Именно такой исход, как надеется оппозиция, наглядно продемонстрирует антидемократический характер нынешнего режима в России. (BBC Russian.com 22.12.2003)*

Изменение пунктуационного знака в данной цитате с восклицательного на вопросительный приводит к образованию вопроса, который задавали себе все политики, политологи и журналисты России накануне президентских выборов: будут ли у В.В. Путина соперники на выборах.

Таким же разнообразием отличаются **трансформации прецедентных имён**. Наиболее частотным способом (**8,94%**) оказалась графическая трансформация.

*Зато финал сказки оказался нетрадиционным. Иванушка, нутром почуяв коварные замыслы **БАБа-яги**, не бросился бежать прочь сломя голову, а вернулся в избушку на курьих ножках, что стоит неподалеку от Лондона. Где и коротает время в компании злодея, пославшего его на верную погибель. (Ю. Сергеев, КП, 03.03.2004)*

Похожий пример мы приводили во втором параграфе этой главы. Используя прецедентные имена из фольклорных сказок, журналисты комментируют исчезновение И.П. Рыбкина, которое, как им представляется, было спланировано представителем злых сил, имя которого раскрывается через написание первой части имени Баба-Яга заглавными буквами, которые представляют инициалы Б.А. Березовского.

Следующим по частотности способом трансформации (**5,58%**) являются лексические трансформации. Приведём пример усечения прецедентного имени.

Цель вашего первого визита в Киев? - обрадовались мы заговорившему «Невидимому». (О.Вандышева, КП, 05.03.2004)

Прецедентное имя “Иван-невидимый” сокращено здесь до второго компонента, так как имя собственное является здесь менее значимым и его удаление никак не влияет на смысл и не затрудняет понимание.

Интересным способом трансформации прецедентных имён является актуализация имени через атрибуты (**3,24%**). Строго говоря, самого прецедентного имени в тексте нет, присутствуют лишь второстепенные характеристики, которые, тем не менее, позволяют безошибочно определить о ком идёт речь.

Связь «кандидата-путешественника» с известным политическим интриганом Б. Березовским известна давно. (А. Колесниченко, АиФ, 18.02.2004)

Не составляет большого труда понять, что в данном примере речь идет о И.П. Рыбкине, атрибутом имени которого стало его таинственное исчезновение.

Низкой частотностью (**2,44%**) обладает сочетание двух видов трансформации: использование имени во множественном числе и написание со строчной буквы.

Наша Конституция доказала, что права человека в ней не защищены, так как в ней нет системы защиты от вождя. А там, где вождь, там полный контроль столоначальников и "держиморд" над людьми. (Е. Хакамада, НГ, 28.01.2004)

Подобным употреблением имени героя романа “Мертвые души” И. Хакамада подчёркивает распространённость и типичность жадных до власти и жестоких людей, эталоном которых является упомянутый персонаж романа Н.В. Гоголя.

Интересным видом трансформации прецедентных имён, обнаруженным в дискурсе российских президентских выборов, является изменение рода прецедентных имён, когда речь идёт о И. Хакамаде. Проиллюстрируем это положение примером.

Новоявленная Данка вчера призвала голосовать за себя на президентских выборах “как за символ некоего мужества и готовности к борьбе”. (Е. Баюн, Н. Галимова, МК, 15.01.2004)

Трансформации прецедентных текстов представлены двумя видами: лексической трансформацией (**36,36%**) и графической трансформацией (**9,08%**).

«...» все проекты Березовского рассчитаны отнюдь не на внутрirosсийское потребление. На наших глазах он упорно и последовательно создает себе имидж главного оппозиционера исключительно в глазах Запада. В глазах тех, кому можно выгодно продать «сказки Лондонского леса» с их Иванушками-дурачками в обмен на политическое убежище, репутацию борца за свободу, а не жулика, за перспективу, наконец, оказаться и на Западе когда-нибудь первым у окошка раздачи ... (Ю.Сергеев, КП, 03.03.2004)

В названии прецедентного текста “Сказки Шервудского леса”, представленного здесь в трансформированном виде, осуществлена замена лекси-

ческой единицы, которая указывает на место обитание главного героя этого произведения. Этот пример также иллюстрирует графическую трансформацию прецедентного текста, название произведения написано со строчной буквы.

Что касается **трансформации прецедентных ситуаций**, то здесь возникает ряд сложностей. Не все прецедентные ситуации, по причине вербализуемой природы этого прецедентного феномена, обладают зафиксированным в языке названием, в этом случае та или иная ситуация актуализируется в тексте описательно. Такой способ представления прецедентных ситуаций мы относили к нетрансформированным. Прецедентные ситуации, которые имеют своё собственное название, рассматривались наравне с остальными типами прецедентных феноменов.

Анализ имеющегося материала показал, что единственным способом трансформации прецедентных ситуаций, представленных в дискурсе российских президентских выборов, является лексическая трансформация (**1,93%**). Приведём пример.

Семикандидатовщина – заголовок статьи (А.Корня, НГ, 29.01.2004)

В этом заголовке представлено трансформированное название прецедентной ситуации “семибанкирщина”, которое в свою очередь является трансформированным названием прецедентной ситуации “семибоярщина”. Но текст данной статьи не связан ни с одной из двух прецедентных ситуаций и рассказывает о том, какие кандидаты принимают участие в выборах. Использование трансформированной прецедентной ситуации в заголовке нацелено лишь на привлечение внимания читателей.

Проделанный анализ позволяет сделать следующие выводы. Для дискурса российских президентских выборов 2004 года характерно в подавляющем большинстве случаев немаркированное употребление прецедентных феноменов всех типов без трансформации. Подобное использование может преследовать несколько целей, например, скрыть чужеродность данных элементов в тексте. В некоторых случаях это невозможно, так как известность пре-

цедентных феноменов очень велика, следовательно, исчезает необходимость использования дополнительных средств указания на прецедентность, так как сделанные аллюзии и так прочитываемы.

В том же случае, когда автор считает необходимым указать на заимствованность используемых им прецедентных феноменов и/или привлечь к ним внимание, задействуются графические маркеры. Более точные указания на источник заимствования оказываются востребованы в тех случаях, когда для подкрепления высказанного мнения делается апелляция к авторитету того или иного произведения или писателя, чей образ в народном сознании закреплён с положительной оценкой и не вызывает сомнений.

В дискурсе российских президентских выборов прецедентные феномены подвергаются трансформации для того, чтобы вовлечь читателя в языковую игру с автором, создавая, таким образом, заинтересованность. Участие в “создании” смысла высказывания, самостоятельное восстановление интертекстуальных связей влечёт за собой эмоциональную вовлечённость читателя, что создаёт благоприятную основу для осуществления манипулятивного воздействия, а это является целевой доминантой предвыборного дискурса.

2.3.3. Функционирование прецедентных феноменов в дискурсе российских президентских выборов 2004 года

В первой главе диссертации, вслед за Д.Б. Гудковым, мы выделяли два основных аспекта функционирования прецедентных имён: денотативный (экстенциональный) и коннотативный (интенциональный). Прецедентные имена в денотативном употреблении называют какую-либо личность, апеллируя к денотату данного прецедентного имени. В коннотативном употреблении прецедентные имена используются для характеристики какой-либо личности, актуализируя при этом дифференциальные признаки этого прецедентного феномена. В силу общности когнитивных механизмов функционирования прецедентных феноменов всех типов думается правомерно выделять два аспекта функционирования (денотативный и коннотативный) примени-

тельно к прецедентной ситуации, прецедентному высказыванию и прецедентному тексту.

Прецедентная ситуация, как и прецедентное имя, используется в денотативном аспекте для называния какого-либо реального или виртуального события, в коннотативном аспекте – для характеристики какого-либо события через перенесения на него признаков и коннотаций ситуации реальной или виртуальной действительности, закреплённых в народном сознании с определённой эмоционально-нравственной оценкой. Такая же основа разграничения денотативного и коннотативного функционирования подходит и для прецедентного текста.

Что касается прецедентного высказывания, то здесь определение денотативного и коннотативного аспектов функционирования можно проводить на основе разграничения поверхностного, глубинного и системного смыслов прецедентного высказывания (термины В.В. Красных). Таким образом, прецедентные высказывания с поверхностным значением представляют собой денотативный аспект функционирования прецедентных высказываний, а с глубинным и системным смыслом – коннотативный.

Ещё раз подчеркнём, что мы считаем правомерным говорить о прецедентности в случае денотативного функционирования рассматриваемых феноменов, так как даже при таком употреблении можно говорить о создании интертекстуальных связей, которые свидетельствует о важности, ценности описываемого объекта, явления или человека для данной языковой личности или целого социума.

По результатам анализа прецедентных феноменов, обнаруженных в дискурсе российских президентских выборов 2004 года, по указанному параметру была составлена следующая таблица.

Таблица 7. Аспект функционирования прецедентных феноменов, обнаруженных в дискурсе российских президентских выборов 2004 года, %

Аспект функционирования прецедентных феноменов	Тип прецедентного феномена			
	Прецедентное имя	Прецедентная ситуация	Прецедентный текст	Прецедентное высказывание
Коннотативный	45,53	30,77	72,73	81,05
Денотативный	54,47	69,23	27,27	18,95
Всего	100	100	100	100

Полученные данные представляют большой интерес. Вопреки ожиданиям, основанным на исследовании аспектов функционирования прецедентных имён в российской и американской рекламе [Кушнерук 2004 : 148], частотность денотативного употребления прецедентных имён и прецедентных ситуаций оказалась выше частотности коннотативного использования этих типов прецедентных феноменов. Отсюда следует, что для российского политического дискурса данного отрезка времени более актуально обращение к прецедентным именам не для характеристики кого-либо, когда осуществляется перенос качеств и черт одного человека на другого, а для придания значимости своим словам, укрепления высказанной точки зрения через указание на то, что данный человек, чей авторитет в определённой сфере неприкасаем, также разделяет изложенные мысли. Кроме этого, прецедентные имена в коннотативном употреблении обладают ярко выраженной экспрессивностью и повышенной эмоциональностью, а данная избирательная кампания была лишена “интриги”, победитель был заранее известен, этим и объясняется общий неэмоциональный настрой СМИ, освещающих это политическое событие.

Высокая частотность прецедентных ситуаций в денотативном употреблении в контексте президентских выборов говорит о стремлении российской прессы и политической элиты учесть уроки, извлечённые из собственной истории, а также поучиться на ошибках, допущенных другими странами на пути демократического развития.

Вполне прогнозируемая частотность коннотативного употребления прецедентных текстов и прецедентных высказываний соответствует общей тенденции характерной для российского политического дискурса, которая заключается в завуалированности механизмов воздействия. Как отметила Н.Б. Руженцева, анализируя дискредитирующие тактики и приёмы в российском политическом дискурсе, “большинство речевых приёмов и тактик эффективны, пока они скрыты” [Руженцева 2004 : 8].

Суммируя итоги анализа национальных основ происхождения, а также формальных и функциональных характеристик прецедентных феноменов, употребляемых в дискурсе российских президентских выборов 2004 года, отметим следующие закономерности. Большая часть прецедентных феноменов относится к русской культуре. Характерным для дискурса российских президентских выборов 2004 года является немаркированное использование прецедентных феноменов в нетрансформированном виде как в коннотативном, так и в денотативном аспекте употребления, что, с одной стороны, связано с тенденцией характерной для российского политического дискурса в целом, а, с другой, объясняется низкой эмоциональностью исследуемого предвыборного дискурса.

2.4. Использование прецедентных феноменов в дискурсе российских президентских выборов 2004 года разными кандидатами на пост президента

Для определения закономерностей использования прецедентных феноменов в дискурсе российских президентских выборов 2004 года было проанализировано 925 текстов, относящихся к данной избирательной, включая газетные и журнальные статьи, автором которых являются независимые политические обозреватели и журналисты; транскрипты устных выступлений кандидатов на пост президента и интервью с представителями их избирательных штабов. В этом параграфе мы попытаемся выявить различия в использовании прецедентных феноменов в дискурсе кандидатов от “правых”, “левых” и “центристских” партий. К кандидатам от “правых” партий отно-

сятся И.П. Рыбкин, О.А. Малышкин, И.М. Хакамада, представителями левых партий являются С.Ю. Глазьев и Н.М. Харитонов, “центристские” партии были представлены С.М. Мироновым и В.В. Путиным. В дискурсе перечисленных партий было обнаружено 337, 138 и 420 прецедентных феноменов соответственно. Собранный материал отражает диспропорциональность освещения СМИ деятельности кандидатов, о которой говорилось выше.

Сначала укажем, на основании чего прецедентные феномены относились к дискурсу одного из трёх указанных политических течений. В том случае если сам кандидат или его доверенные лица делали публичное выступление, отвечали на вопросы журналистов или участвовали в теледебатах, то прецедентные феномены, обнаруженные в данных текстах, если таковые имелись, относились к дискурсу соответствующей партии. Если же публикация была написана независимым журналистом или политическим аналитиком, то прецедентные высказывания относились к дискурсу той партии, о кандидате от которой идёт речь. Мы, конечно, отдаём себе отчёт в том, что и авторы статей, и политологи могут поддерживать одного кандидата и быть настроены против другого. Но так как эта информация официально не публикуется, прецедентные феномены, обнаруженные в подобных статьях, относились к дискурсу определённой партии на указанном выше основании.

Проведённое сопоставительное исследование закономерностей использования прецедентных феноменов в дискурсе кандидатов от “правых”, “левых” и “центристских” партий показало, что кандидаты от разных партий апеллируют с прецедентным феноменам, принадлежащим к одним и тем же сферам-источникам. Наблюдаются лишь незначительные количественные различия при наполнении различных сфер. Данные по частотности прецедентных феноменов, принадлежащих к выделенным сферам-источникам, в дискурсе “правых”, “левых” и “центристских” партий представлены в Таблице 8.

Таблица 8. Сферы-источники прецедентных феноменов, представленные в дискурсе кандидатов от “правых”, “левых” и “центристских” партий России в ходе президентской избирательной кампании 2004 года, %

Сфера-источник прецедентных феноменов	Прецедентные феномены из дискурса представителей “правых” партий	Прецедентные феномены из дискурса представителей “левых” партий	Прецедентные феномены из дискурса представителей “центристских” партий
Литература	57,72	72,14	49,46
Политика	23,49	13,11	33,87
Развлечение	6,04	8,19	5,91
Наука	2,68	1,64	5,91
Религия	6,04	0	1,08
Экономика	2,01	1,64	2,15
Криминал	1,35	1,64	1,08
Изобразит.иск.	0,67	1,64	0,54
Всего	100	100	100

Анализ национальных основ происхождения прецедентные феноменов, обнаруженных в дискурсе “правых”, “левых” и “центристских” партий в ходе избирательной кампании на пост президента России 2004 года принес похожие результаты (представлены в Таблице 9).

Таблица 9. Национальные основы происхождения прецедентных феноменов, обнаруженных в дискурсе кандидатов от “правых”, “левых” и “центристских” партий России в ходе президентской избирательной кампании 2004 года, %

Страна происхождения прецедентных феноменов	Прецедентные феномены из дискурса представителей “правых” партий	Прецедентные феномены из дискурса представителей “левых” партий	Прецедентные феномены из дискурса представителей “центристских” партий
Россия	80,54	93,44	75,27
Европа	8,73		13,98
США	2,01	4,92	2,69
СНГ	2,01		3,22
Азия	2,01		
Африка	0,67		
Ю.Америка	0,67		
Ср.Восток	0,67		
Международные	2,69	1,64	4,84

Всего	100	100	100
-------	-----	-----	-----

Большая часть прецедентных феноменов, обнаруженных в дискурсе кандидатов “правых”, “левых” и “центристских” партий принадлежит к русской культуре.

Высокая частотность прецедентных феноменов европейского происхождения в дискурсе “центристских” партий связана с тем, что это проправительственные партии, которые справедливо делают ссылки на улучшившиеся благодаря их усилиям отношения с Европой.

Прецедентные феномены европейского происхождения также характерны для дискурса “правых” партий, что связано с традиционной ориентацией этих политических сил “на запад”.

Следует отметить ещё одну отличительную особенность. Для прецедентных феноменов, употребляемых в дискурсе “правых” партий, характерна более широкая “география”, но, судя по имеющемуся материалу, это связано с индивидуальным кругозором кандидатов, в частности И. Хакамады, но не говорит о наметившейся тенденции.

Анализ структурных и функциональных особенностей употребления прецедентных феноменов в дискурсе кандидатов “правых”, “левых” и “центристских” партий также не выявил значимых отличий. Используются те же маркеры, те же виды трансформации с незначительными численными различиями по отдельным видам. Соотношения прецедентных феноменов, используемых в денотативном и коннотативном функционировании в дискурсе “правых”, “левых” и “центристских” партий, совпадает с общей закономерностью, описанной в предыдущем параграфе.

Подведём итоги. Российский политический дискурс периода президентских выборов 2004 года характеризуется уникальной однородностью. Причем, это качество присутствует во всех аспектах использования прецедентных феноменов в дискурсе всех политических партий, выставивших кандидатов для участия в выборах. Подобную стереотипизированность можно связать с дискурсивными особенностями данной избирательной кампании,

где в условиях неравной конкуренции и низкого внимания СМИ представители разных партий по существу и не боролись, а лишь принимали участие, вследствие чего, дискурс президентских выборов в России оказался типизированным, в том числе в использовании прецедентных феноменов.

Выводы по второй главе

На основе анализа рассмотренных материалов можно сделать следующие выводы о механизмах использования прецедентных феноменов в дискурсе российских президентских выборов 2004 года:

1. Самой актуальной сферой-источником прецедентных феноменов в дискурсе рассматриваемой избирательной кампании является сфера “Литература”, к ней относятся 55,31% прецедентных феноменов. Данная сфера представлена всеми типами прецедентных феноменов, причём наполняемость каждого типа настолько хороша, что прецедентные феномены, составляющие его, можно объединить в несколько групп на основе общности семантики. Следующими по частотности являются сферы “Политика” и “Наука”, которые эффективно используются для проведения параллелей между политическим режимом в России и в других странах, а также для прослеживания динамики политических изменений в России в ходе исторического развития. Прецедентные феномены сферы “Развлечение” эффективно используются в целях повышения экспрессивности и эмоциональности изложения. Низкая частотность сфер “Религия” и “Экономика” связана с неактуальностью данных ценностей на российского лингвокультурного сообщества, по причине низкого уровня религиозности и сравнительной экономической стабильности в стране. Сфера “Криминал” также оказалась невостребованной, так как эта сфера обладает повышенным агрессивным потенциалом, который оказывается востребованным в кризисные моменты, чего нельзя сказать о России периода президентских выборов 2004 года. Самой низкой частотностью обладает сфера “Изобразительное искусство”, в силу специфики связей, созда-

ваемых прецедентными феноменами данной сферы, которые преодолевают границы различных способов осмысления действительности.

2. Анализ национальных основ происхождения прецедентных феноменов показал, что большая часть феноменов относятся к отечественной культуре, то есть отбор данных единиц национально детерминирован. Частотность европейских прецедентных феноменов обусловлена крепкими культурными, политическими и экономическими связями между Россией и странами Европы. Актуальность прецедентных феноменов американского происхождения связана с частотностью прецедентных феноменов сферы “Развлечение”, куда, помимо прочего, относятся названия фильмов, имена героев и актеров американского кинематографа. Частотность прецедентных феноменов, национальной основой происхождения которых являются страны СНГ, связана с общими историческими корнями России и СНГ, а также пространственной близостью.

3. Для прецедентных феноменов, обнаруженных в дискурсе российских президентских выборов 2004 года, характерно немаркированное употребление в изначальном виде, то есть без трансформации. Маркеры появляются в случае необходимости указать на заимствованность данных элементов в тексте. Трансформации вводятся в прецедентные феномены с целью привлечения и удержания интереса читателей, что является необходимым условием оказания воздействия.

4. Анализ аспектов функционирования прецедентных феноменов в дискурсе российских президентских выборов 2004 года показал, что для прецедентных имён и прецедентных высказываний чуть более характерно денотативное использование, что объясняется во многом экстралингвистическими факторами. Для прецедентных высказываний и прецедентных текстов более характерно коннотативное использование, связанное с тенденцией российского политического дискурса оказания скрытого воздействия.

5. В дискурсе кандидатов от левых, правых и центристских партий, принимавших участие в российских президентских выборах 2004 года, не

обнаружено значимых отличий в механизмах употребления прецедентных феноменов. Представители разных партий апеллируют к прецедентным феноменам из одних и тех же сфер, используя одинаковые маркеры и способы трансформации, встречаются лишь незначительные численные отличия по некоторым параметрам. Подобная унификация связана с дискурсивными особенностями кампании по выборам президента России 2004 года

Глава 3. Прецедентные феномены, используемые в дискурсе американских президентских выборов 2004 года

В данной главе диссертации необходимо определить закономерности употребления прецедентных феноменов в дискурсе американских президентских выборов и выявить особенности использования прецедентных феноменов кандидатами на пост президента от разных партий.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи:

- классифицировать прецедентные феномены по сфере-источнику культурного знания;
- установить национальные основы происхождения прецедентных феноменов, употребляющихся в дискурсе президентских выборов США;
- установить наличие / отсутствие маркированности прецедентных феноменов, используемых в президентском предвыборном дискурсе США;
- определить наличие / отсутствие трансформации прецедентных феноменов, употребляющихся в американском предвыборном дискурсе;
- описать особенности функционирования прецедентных феноменов в дискурсе американских президентских выборов.

Данные, полученные в результате такого анализа, позволят выявить наиболее актуальные для американского сообщества ценности, апелляции к которым обладают наибольшим манипулятивным потенциалом и предоставят материал для выводов о влиянии национальности и партийной принадлежности кандидатов на отбор и употребление прецедентных феноменов в предвыборном дискурсе США.

3.1. Дискурсивные основы исследования прецедентных феноменов в избирательной кампании на пост президента США 2004 года

Президентские выборы 2004 года проходили в Соединённых Штатах Америки в непростой обстановке. Страна вела Вторую Войну в Заливе, жертвы от которой по некоторым подсчётам на момент выборов составили 3.559 американских солдат убитыми и 53.232 ранеными. Кроме этого, так

как военная операция на Среднем Востоке началась только силами Соединённых Штатов, страна понесла значительные финансовые потери, что привело к беспрецедентному дефициту бюджета за всю историю Америки – 46 миллиардов долларов (Washington Post, 17.05.2004). Эти события происходили на фоне общего недоверия Соединённым Штатам со стороны большинства государств. Подобный кризис доверия был вызван двумя причинами. Во-первых, применение силы в Ираке не было санкционировано Организацией Объединённых Наций, которая предлагала ввод на территорию Ирака независимой международной комиссии. Во-вторых, вскоре после начала военной операции Соединённые Штаты обвинили в “фальсификации” причин вторжения на Средний Восток. На основании данных разведки официальной причиной Второй Войны в Заливе было названо владение Ираком оружием массового поражения. Правительство Соединённых Штатов, не желая, чтобы это вооружение попало в руки террористов Аль Каиды, с которыми по их информации сотрудничал Садам Хусейн, решило нанести превентивный удар, с целью обезопасить свой народ от возможных террористических актов. Но в ходе военной операции на территории Ирака оружие массового поражения обнаружено не было. Администрация Белого дома объяснила это ошибочными разведывательными данными, но заявила, что в любом случае Садам Хусейн был угрозой, которую надо было удалить. Это послужило поводом для различных рассуждений в прессе о действительной причине данной военной акции. Среди возможных причин Второй Войны в Заливе различными источниками назвались: ликвидация Садама Хусейна для получения доступа к нефтяным скважинам Среднего Востока; наказание Садама Хусейна за террористический акт в башнях Мирового Торгового Центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года; освобождение Ирака от тирана.

В такой сложной обстановке как внутри страны, так и на международной арене, Джордж Буш-младший (George Walker Bush), представитель Республиканской партии, выставлял свою кандидатуру на пост президента США на второй срок, о чём он заявлял еще на предыдущих выборах. Его партнё-

ром по президентской гонке, кандидатом на пост вице-президента США, был выбран Дик Чини (Dick Cheney). Как отмечали обозреватели, кандидатура Дика Чини была выбрана очень удачно ещё в предвыборную кампанию 2000 года, так как он *“brought foreign policy credentials to the ticket”* (J. VandeHei, *Washington Post*, 18.06.2004) [он внёс в избирательный бюллетень необходимые знания, опыт и квалификацию во внешней политике].

Главным соперником Дж. Буша на пост президента США стал сенатор от штата Массачусетс Джон Форбс Керри (John Forbes Kerry), который ещё до начала своей политической карьеры в возрасте 27 лет стал известен своими военными заслугами и сделал себе имя, выступив в 1971 году перед Комитетом Сената по Внешним Связям (the Senate Foreign Relations Committee) против политики Соединённых Штатов во Вьетнаме. Его последующая политическая карьера отмечается как не столь яркая и запоминающаяся. Демократическая партия очень тщательно подошла к выбору партнёра по президентской гонке. Им был выбран сенатор от штата Северная Каролина Джон Эдвардс (John Edwards), которого газета Вашингтон Пост охарактеризовала как *“the freshman senator providing a boost to the ticket in key states because of his southern appeal and perceived likeability”* (L. Romano, *Washington Post*, 18.06.2004) [сенатор первого срока, который оказывает значительную помощь в ключевых штатах, из-за его привлекательности югу и внешней привлекательности]. Этот же политический обозреватель отметил причины подобного выбора *“the campaign considers the South to be Kerry's biggest regional liability, which may bode well for Edwards”* (L. Romano, *Washington Post*, 18.06.2004) [избирательный штаб Керри считает Юг его самой большой региональной проблемой, которую легко может разрешить Эдвардс].

Представители Республиканской и Демократической партий являются традиционно основными соперниками на самый высокий пост в стране, но не единственными. Кроме них, свои кандидатуры выставляют, так называемые, третьи партии, например, Партия Зелёных (Green Party), Конституциональная Партия (Constitution Party), Социалистическая партия США (Socialist Party

USA), Партия Реформ (Reform Party) и т.д. В общей сложности еще 14 кандидатов на пост президента и вице-президента, помимо представителей Республиканской и Демократической партий. Но, так как кандидаты от этих партий, как правило, не завоёвывают достаточное количество голосов избирателей, чтобы составить значимую конкуренцию традиционно устоявшимся партиям (например, на выборах 2000 года кандидат от партии зелёных завоевал 2,74% голосов избирателей), их предвыборные кампании рассматриваться не будут.

Данная избирательная компания интересна ещё и тем, что многие опасались повторения ситуации предыдущих президентских выборов, когда голоса избирателей в одном из ключевых штатов, Флориде, пересчитывались несколько раз, и только решение Верховного Суда США разрешило диспут. Поэтому в прессе говорили о “факторе Надера”. Ральф Надер, представитель Партии Реформ, баллотировался на пост президента в четвёртый раз. Именно его, как отмечают журналисты CNN, Демократическая партия обвиняла в том, что на выборах 2000 года он склонил в свою сторону голоса тех избирателей в ключевых штатах, особенно во Флориде, которые могли бы проголосовать за их кандидата.

В президентской избирательной кампании 2004 года ничего подобного не произошло. Дж.Буш-младший победил на выборах, набрав 286 голосов выборщиков (Дж. Керри – 252) и 51% голосов избирателей (Дж. Керри – 48%).

Описанные экстралингвистические особенности протекания данной предвыборной кампании существенно повлияли на вербальное поведение соперников, в том числе, на отбор и употребление прецедентных феноменов. Анализ особенностей выбора и использования прецедентных феноменов в дискурсе американских президентских выборов 2004 года посвящены следующие параграфы диссертации.

3.2. Сферы-источники прецедентных феноменов, используемых в дискурсе американских президентских выборов 2004 года

Опираясь на те же принципы классификации прецедентных феноменов по сферам-источникам, что и при анализе российского предвыборного дискурса, в результате исследования дискурса американских президентских выборов были получены данные, представленные в Таблице 10.

Таблица 10. Сферы-источники прецедентных феноменов, используемых в дискурсе выборов на пост президента США 2004 года

Сфера-источник	Количество прецедентных феноменов, %
Политика	79,02
Экономика	9,1
Развлечение	4,57
Образование	4,55
Религия	1,3
Экология	0,98
Литература	0,48
Всего	100

Сфера “Политика”

Наиболее частотной сферой-источником прецедентных феноменов является сфера “Политика” – **79,02%** от общего количества прецедентных феноменов. Эта сфера-источник представлена прецедентными феноменами всеми типов, причём её хорошая наполняемость позволяет на основе семантики объединить прецедентные феномены, относящиеся к каждому из четырёх типов, в группы (общее количество выделенных групп – восемь).

Наиболее частотным типом прецедентных феноменов этой сферы являются прецедентные ситуации (**42,92%**). Первое место по частотности здесь занимают прецедентные ситуации, которые можно объединить в группы “Война” (**21,35%**) и “Террористические акты” (**15,23%**).

В группе “Война” наиболее часто актуализируемой прецедентной ситуацией в дискурсе демократической партии является Война во Вьетнаме

(46,15% прецедентных ситуаций данной группы). Но здесь она имеет коннотации отличные от типичных. Стереотипное представление американцев об этой войне сводится к тому, что это была бессмысленная война, повлекшая много жертв. Но в дискурсе данной предвыборной кампании, эта прецедентная ситуация используется, чтобы подчеркнуть опытность, зрелость, достоинство Сенатора Керри.

*When our national security requires military action, John Kerry has already proven in **Vietnam** that he will not hesitate to act (J. Carter, The New York Times, 26.07.2004).*

Это делается как эксплицитно, так и имплицитно, через указание на признаки этой прецедентной ситуации. Причём данная точка зрения последовательно выражается не только самим кандидатом на пост президента, но и его основным помощником в предвыборной борьбе, Джоном Эдвардсом, кандидатом на пост вице-президента.

*We will keep this country safe. He (Senator Kerry) **defended this country as a young man**, he will defend this country as president of the United States (Senator Edwards, CNN, 05.10.2004).*

Из примера следует, что сам факт участия в этой войне, в совокупности с полученными четырьмя боевыми наградами, говорит о том, что кандидат от демократической партии сможет защищать страну и в будущем, сможет быть хорошим главнокомандующим, который знает, как тяжело терять боевых товарищей, что ни действующему президенту, ни вице-президенту, которые уклонились от службы в армии в период этой войны, незнакомо.

Однако апелляции к этой прецедентной ситуации, и, как следствие, к образу Джона Керри как более подготовленного главнокомандующего, были настолько частотны, что это послужило источником для мультфильма-шаржа, распространённого в Интернете во время предвыборной кампании, где мультипликационный персонаж Сенатора Керри каждые несколько секунд появляется на экране, говоря: *“And I’ve got three Purple Hearts”* [А у меня есть три Пурпурных Сердца].

Республиканская же партия наиболее часто обращается к следующим прецедентным ситуациям этой группы: “Холодная Война” (25,64% от прецедентных ситуаций данной группы), “Вторая Мировая Война”(17,94%) и “Вторая Война в Заливе”(20,51%). Дж. Буш и его избирательный штаб рассматривают эти три военные кампании на равных, перенося, таким образом, признаки, оценку и эмоциональное восприятие перечисленных войн на Вторую Войну в Заливе, что как нельзя лучше представляет данную военную акцию, отношение к которой со стороны нации и международной общественности очень противоречиво, в выгодном свете. Образы Второй Мировой Войны и Холодной Войны запечатлены в национальном сознании как освободительные войны против тирании и угнетения, войны за свободу и равенство, войны, в которые страна была втянута, но не начинала сама. И, так как Соединённые Штаты Америки считают себя международным борцом за демократию, Вторая Война в Заливе была не только необходима, но и неизбежна.

*Just as surely as **the Nazis during World War Two and the Soviet communists during the Cold War** the enemy we face today is bent on our destruction. As in other times, we are in a war we did not start, and have no choice but to win. Firm in our resolve, focused on our mission, and led by a superb commander in chief, we will prevail (Vice President Cheney, CNN, 01.09.2004).*

В данном примере прецедентные ситуации усиливаются прецедентными именами-символами “ the Nazis ”, “ the Soviet communists ”, которые воспринимаются в американской лингвокультуре как воплощение вселенского зла. Так как террористы, против которых страна ведёт войну, рассматриваются с ними в одном ряду, создаётся убеждение, что у президента не было другого выбора, кроме как начать войну и вести её до полного сокрушения противника.

В группе “**Террористические акты**” обеими партиями широко употребляется прецедентная ситуация “террористический акт 11 сентября 2001 года в Башнях Близнецах в Нью-Йорке”. Эта прецедентная ситуация даже

имеет своё собственное уникальное графическое изображение – **9/11**. Данный прецедентный феномен активно используется обоими кандидатами на пост президента.

Демократическая партия использует эту прецедентную ситуацию, чтобы подчеркнуть, что действующий президент не очень хорошо справляется с обязанностями главного военачальника, он не смог стать надёжным защитником страны, не смог обеспечить безопасность своего народа. Причём постоянно отмечается, что даже такое ужасающее событие ничему не научило правящую администрацию, и они продолжают делать те же самые ошибки.

For example, three years after 9/11, we find out that the administration still does not have a unified terrorist watch list. It's amazing. Three years. What are we waiting for? You know, we still don't have one list that everyone can work off of to see if terrorists are entering this country (Senator Edwards, CNN, 05.10.2004).

Избирательный штаб республиканской партии более искусно использует эту прецедентную ситуацию. Во-первых, данная прецедентная ситуация приравнивается к атаке на Перл Харбор в 1941 году, что автоматически снимает с правящей администрации ответственность за то, что она не смогла предотвратить это нападение, так как отличительными признаками прецедентной ситуации Перл Харбор, которые переносятся на прецедентную ситуацию 9/11, являются абсолютная неожиданность, неоправданная жестокость и безжалостность.

*George W. Bush is a man who speaks plainly and means what he says. He is a person of loyalty and kindness and he brings out these qualities in those around him. He is a man of great personal strength and more than that, a man with a heart for the weak, and the vulnerable, and the afflicted. We all remember **that terrible morning when, in the space of just 102 minutes, more Americans were killed than we lost at Pearl Harbor**. We remember the President who came to New York City and pledged that the terrorists would soon hear from all of us (Vice President Cheney, CNN, 01.10.2004).*

Во-вторых, несмотря на негативную коннотацию этой прецедентной ситуации, представители республиканской партии используют её для создания положительного образа своего кандидата в таком контексте, который указывает на то, что Дж. Буш учится на своих ошибках, предпринимает соответствующие меры по их исправлению и предотвращению подобных просчётов в будущем.

I feel very strongly that the significance of 9/11 cannot be underestimated. It forces us to think in new ways about strategy, about national security, about how we structure our forces and about how we use U.S. military power (Vice President Cheney, CNN, 05.10.2004).

Малочастотным в дискурсе американских президентских выборов является обращение к прецедентным ситуациям, обозначающим международные завоевания американской демократии (3,9%), начиная от разрушения Берлинской стены, до первых свободных выборов, проведённых силами США, в Сальвадоре и Афганистане. Проиллюстрируем примером.

*And today **El Salvador** is a whale of a lot better because we held **free elections**. The power of that concept is enormous. And «...» it will apply as well in Iraq. (Vice President R. Cheney, The New York Times, 05.10.2004)*

Обращение к этим прецедентным ситуациям характерно для дискурса Республиканской партии, которая стремится рассматривать грядущие выборы в Ираке в одном ряду с перечисленными выше демократическими завоеваниями США. Таким образом, осуществляется перенос закреплённой за этими событиями положительной оценки на выборы в Ираке, что в выгодном свете представляет кандидата от Республиканской партии, благодаря усилиям которого эти выборы состоятся.

К малочастотным также относится прецедентная ситуация международной изоляции Соединённых Штатов в начале Второй Войны в Заливе (2,44%). Так как эта военная акция не была санкционирована ООН, многие страны отвернулись от США и отказались помогать в Ираке. Ситуация ухудшилась, когда на территории страны не было найдено оружие массового

поражения – официальная причина войны, что привело к глубокому кризису доверия президенту Америки. Приведём пример.

*After 9/11 America stood proud, wounded but determined and united. A cowardly attack on innocent civilians brought us an unprecedented level of cooperation and understanding around the world. But in just 34 months we **have watched with deep concern as all this good will has been squandered by a virtually unbroken series of mistakes and mis-calculations.** (J. Carter, The New York Times 26.07.2004)*

Апелляция к этой ситуации встречается только в дискурсе представителей Демократической партии, которые рассматривают её как значительный просчёт правящей администрации, последствием которого стали большие людские и экономические потери Соединённых Штатов в Ираке.

Вторым по частотности типом прецедентных феноменов этой сферы являются прецедентные имена (**37,57%**). Самыми многочисленными являются прецедентные имена группы “**Политические деятели**” – **29,43%** (от числа прецедентных феноменов данной сферы).

Кандидаты противостоящих партий используют имена известных политиков, как американских, так и зарубежных для подтверждения своего мнения, своих взглядов и идей поддержкой тех людей, которые являются наиболее компетентными в той или иной сфере.

Например, говоря о необходимости и оправданности помощи США в проведении первых свободных выборов в Ираке, президент Буш ссылается на поддержку высшего лица этого государства премьер-министра Альави.

*I had the honor of visiting with **Prime Minister Allawi**. He believes, like I believe, that the Iraqis are ready to fight for their own freedom. They just need the help to be trained. There will be elections in January. We're spending reconstruction money. And our alliance is strong. (President Bush, New York Times, 30.09.2004)*

Сенатор Керри, обещая улучшить экономическую обстановку в стране, взывает к авторитету бывшего Министра финансов США Роберта Рубина,

чьей поддержкой, по его словам, он пользуется.

*And I've gotten good people, like former Secretary of the Treasury **Bob Rubin**, for instance, who showed how to balance budgets and give you a good economy, to help me crunch these numbers and make them work. (Senator Kerry, New York Times, 08.10.2004)*

Для усиления эффекта Дж. Керри не просто приводит имя данного политического деятеля, а полностью называет его должность, что заставляет проникнуться доверием к словам сенатора. Кроме этого, имя приведено в сокращённой форме, употребляемой обычно в близком личном общении, что наводит на мысль о том, что кандидат от демократической партии находится в дружеских отношениях с таким высокопоставленным в прошлом чиновником, что добавляет весомости его политическому имиджу.

Здесь интересно отметить, что имя этого же самого политического деятеля используется Дж. Бушем с противоположными целями, а именно, чтобы указать на незрелость и недальновидность экономических планов своего соперника.

*He's talking about his plan to keep jobs here. You know he calls it an outsourcing to keep – stop outsourcing. **Robert Rubin** looked at his plan and said it won't work. (President Bush, CNN, 8.10.2004)*

Особое место в данной группе прецедентных имён занимают **имена президентов Соединённых Штатов Америки**, они находятся на втором месте по частотности в данной сфере-источнике и составляют **19,55%** прецедентных феноменов. Но необходимость выделения данных прецедентных имён в отдельную подгруппу обусловлена не только их частотностью, но и особым местом президентов Соединённых Штатов в американской культуре. Несмотря на то, что пост президента в американской культуре лишён сакральности, в отличие от России, и президент рассматривается как менеджер, управляющий, нанятый для выполнения работы [Каслова 2000 : 157], президент – это образец для подражания нации, так как он является живым воплощением американской мечты, добившись всего своим собственным трудом.

В силу этих причин оба кандидата на пост президента активно используют имена президентов Америки. Отмечены два основных направления употребления данных прецедентных имён. Первое заключается в создании собственной социально одобряемый образ через указание на сходство с этими выдающимися личностями Америки, чей положительный образ не вызывает сомнений в массовом сознании.

*No American President ever wants to go to war. **Abraham Lincoln** didn't want to go to war, but he knew saving the union required it. **Franklin Roosevelt** didn't want to go to war - but he knew defeating tyranny demanded it. And my husband didn't want to go to war, but he knew the safety and security of America and the world depended on it. (First Lady Laura Bush, CNN, 01.09.2004)*

В данном примере имя Дж. Буша-младшего употребляется в одном ряду с именами выдающихся американских президентов, один из которых покончил с рабством, а другой внёс вклад в победу над нацистами, что является бесспорными завоеваниями Америки в борьбе за свободу и равенство как внутри страны, так и за её пределами. Подобное употребление акцентирует внимание на том, что действующий президент является продолжателем традиций грамотного руководства страной, заложенных упомянутыми президентами. Кроме этого, данное словоупотребление апологизирует “непопулярную” среди американцев Вторую Войну в Заливе, так как данная военная кампания рассматривается наравне с Гражданской и Второй Мировой Войнами, необходимость и обоснованность которых не ставится под сомнение. Параллельная синтаксическая структура предложений усиливает производимый эффект.

Образ президентов Америки эксплуатируется кандидатом от демократической партии в таких же целях.

*Now, I'm going to add 40,000 active duty forces to the military, and I'm going to make people feel good about being safe in our military, and not overextended, because I'm going to run a foreign policy that actually does what **President Reagan** did, **President Eisenhower** did, and others. We're going to build alliances.*

We're not going to go unilaterally. We're not going to go alone like this president did. (Senator Kerry, CNN, 08.10.2004)

Сенатор Керри не только указывает на сходство своего плана действий во внешней политике со стратегией выдающихся президентов, которые руководили страной во время Холодной Войны, чем подчёркивает своё умение тонко чувствовать международную обстановку и принимать верные решения, но и дискредитирует действующего президента страны. Противопоставлением Дж. Буша названным президентам отмечается, что действующий президент Америки не настолько успешно справляется со своими обязанностями, как его предшественники. В то время как стране нужен руководитель, учитывающий накопленный опыт международного общения в критические моменты истории, которым является Дж. Керри.

Таким образом, этот пример иллюстрирует также второе направление использования прецедентных имён американских президентов – дискредитация соперника, посредством указания на то, что он “не такой” как другие президенты США. Избирательный штаб Джорджа Буша также успешно пользуется этим приёмом.

*John F. Kerry may have the same initials as **President Kennedy**, but he has a far different view of what government should do to help families prosper. (Senator Miller, Rising Tide, 03.2004)*

В этом примере представитель республиканской партии, Сенатор Миллер, интересно использует прецедентное имя Президента Кеннеди. Отмечается формальная схожесть Джона Керри и Джона Кеннеди, которая проявляется лишь в похожести инициалов (J.F. Kerry – J.F. Kennedy) и их принадлежности к одной партии, на этом общие черты заканчиваются. Но, как подчёркивает автор, такого подобия не достаточно для руководителя страны, более важны его взгляды и убеждения, а не формальные показатели.

Наиболее часто упоминаемыми президентами оказались Рональд Рейган – **25,88%** и Билл Клинтон – **24,7%** прецедентных имён в этой группе. Имя Рональда Рейгана употребляется, как было показано выше, как образец

разумного управления страной в напряженной международной атмосфере. Уильям Клинтон выступает эталоном мудрой экономической политики, проводимой демократической партией, так как восемь лет его президентства были одними из самых процветающих в истории Америки.

Twelve years ago when our country needed new leadership, Americans selected a Democrat, who gave us eight years of peace, prosperity and promise. (Hillary Clinton, CNN, 27.07.2004)

Хотя в самом примере открыто не названо ни одного политического деятеля, имя президента Клинтона актуализировано через атрибуты этого прецедентного имени, а именно, времени исполнения им полномочий президента. Тот факт, что подобное высказывание взято из речи Хиллари Клинтон на Съезде Демократической Партии США по поводу официального выдвижения кандидатуры Джона Керри на пост президента, имплицитно подразумевает необходимость избрания ещё одного демократа, Джона Керри, на самую высокую должность в Белом Доме для повторения успехов предыдущего президента от этой партии.

Говоря о военной акции в Ираке, как части глобальной борьбы с терроризмом, представители республиканской постоянно апеллируют к прецедентным именам-символам, обозначающим группу людей, таким как “the Nazis”, “the Soviet Communists” и “Al Qaida”, на их долю приходится 8,14% прецедентных имён данной сферы.

Первые два имени уже были проиллюстрированы ранее, поэтому приведём пример употребления только прецедентного имени “Al Qaida”.

And the unique threat was that he (Hussein) could give weapons of mass destruction to an organization like Al Qaida, and the harm they inflicted on us with airplanes would be multiplied greatly by weapons of mass destruction. And that was the serious, serious threat. (President Bush, CNN, 08.10.2004)

В дискурсе анализируемых президентских выборов данное прецедентное имя стало так называемым мерилем всех террористических организаций.

Следующим по частотности типом прецедентных феноменов сферы “Политика” являются прецедентные высказывания (13,97%). По источнику заимствования прецедентные высказывания данной сферы можно объединить в группу, обозначив её “**Речи политических деятелей**”.

Особенно продуктивными здесь являются речи Сенатора Керри, фразы из которых активно использовались Дж. Бушем для дискредитации своего оппонента.

Говоря о войне в Ираке, Джон Керри сказал “*it’s a wrong war at a wrong place at a wrong time*” [ошибочная война не в том месте, не в то время]. Эта фраза позволила избирательному штабу Дж. Буша-младшего дискредитировать несколько важных программных заявлений кандидата от демократической партии.

Обратимся к примерам.

I know how these people (world leaders) think. I deal with them all the time. I sit down with the world leaders frequently and talk to them on the phone frequently. They're not going to follow somebody who says, "This is the wrong war at the wrong place at the wrong time." (President Bush, New York Times, 30.09.2004)

С помощью дословного воспроизведения цитаты Сенатора Керри, Джордж Буш ставит под сомнение один из важнейших пунктов избирательной кампании своего оппонента. Ведущим положением предвыборной программы последнего стала опора на поддержку международной общественности в решении глобальных военных конфликтов. Данный пример, не отрицая разумность такого подхода к внешней политике, показывает, что кандидат от демократической партии не способен строить сильные международные альянсы, так как он постоянно противоречит сам себе. С одной стороны, говорит о необходимости привлечения союзников для разрешения военного конфликта в Ираке, а, с другой стороны, в принципе отрицает правомерность и обоснованность этой военной кампании.

В следующем примере это же прецедентное высказывание употребляется для развенчивания образа Джона Керри как опытного военного, который знает, что, значит вести за собой войска.

*I don't see how you can win in Iraq if you don't believe we should be there in the first place. I don't see how you can lead troops if you say **it's the wrong war at the wrong place at the wrong time**. I don't see how the Iraqis are going to have confidence in the American president if all they hear is that it was a mistake to be there in the first place. (President Bush, CNN, 08.10.2007)*

Данное прецедентное высказывание стало настолько популярным, что Джону Керри пришлось объяснять несколько раз, что именно он имел в виду, говоря это.

*Ladies and gentlemen, **the right war** was Osama bin Laden and Afghanistan. That was **the right place**. And **the right time** was Tora Bora, when we had him cornered in the mountains. (Senator Kerry, CNN, 08.10.2004).*

Подобной оплошностью можно назвать ещё одно высказывание кандидата от демократической партии. Комментируя военную операцию в Ираке, Сенатор Керри отмечает, что сила в отношении каких-либо государств должна применяться только с разрешения ООН, используя при этом выражение “pass a global test”.

Кандидат на пост президента США от Республиканской партии использует это высказывание, чтобы ещё раз показать, насколько Сенатор Керри непоследователен в своих словах и действиях.

*My opponent, the senator, talks about foreign policy. In our first debate he proposed America **pass a global test**. In order to defend ourselves, we'd have to get international approval. That's one of the major differences we have about defending our country. I'll work with allies. I'll work with friends. We'll continue to build strong coalitions. But I will never turn over our national-security decisions to leaders of other countries. (President Bush, CNN, 13.10.2004)*

Используя данное прецедентное высказывание, президент Буш показывает ещё одно противоречие Джона Керри самому себе. С одной стороны,

Сенатор говорит, что на посту президента предпримет всевозможные меры, включая крайние, чтобы защитить страну, а потом, под влиянием общественного мнения, говорит о международном одобрении таких действий, лишая, таким образом, Соединённые Штаты полномочий самостоятельно решать вопросы собственной национальной безопасности.

В результате, Джону Керри опять пришлось оправдываться, уточняя свои собственные слова.

On the hustings, Kerry frequently echoes this promise, saying, "I will never hand over the security of this country to any institution." (Jim VandeHei, Washington Post, 09.05.2004)

Подобный способ использования прецедентных высказываний оказался довольно частотным и продуктивным в ходе данной предвыборной кампании. Кроме указанных в "арсенале" Сенатора Керри присутствуют другие подобные высказывания, которые предоставили Дж. Бушу достаточно материала для дискредитации политического соперника его собственными словами.

Кульминацией здесь можно назвать одну из фраз Сенатора Керри, которая стала употребляться журналистами для характеристики похожего поведения других политических деятелей, которые не отличаются постоянством своей точки зрения и меняют её в зависимости от благоприятного или неблагоприятного общественного мнения и изменений рейтинга популярности.

Sen. Tom Daschle adopts Sen. Kerry's "was for it before I was against it" attitude with respect to the Medicare prescription drug benefit. (Senator Miller, Rising Tide, 03.2004)

В предвыборном дискурсе Демократической партии также встречаются прецедентные высказывания данной группы, но основной целью их использования является подкрепление своего мнения авторитетностью тех политических деятелей, чей образ, чья значимость и чьи заслуги перед Соединёнными Штатами не ставятся под сомнение.

Now, with respect to religion, you know, as I said, I grew up a Catholic. I was an altar boy. I know that throughout my life this has made a difference to me. And as President Kennedy said when he ran for president, he said, "I'm not running to be a Catholic president. I'm running to be a president who happens to be Catholic." My faith affects everything that I do, in truth. (Senator Kerry, CNN, 13.10.2004)

В этом примере название имени автора прецедентного высказывания придаёт ему ещё большую значимость, внушает больше доверия. Кроме этого, упоминание прецедентного имени Президента Кеннеди, а также указание на наличие общей с ним черты, заставляет перенести другие качества этой выдающейся личности на Сенатора Керри, что делает его более чем достойным кандидатом на пост президента.

Последним типом прецедентных феноменов, представленных в сфере “Политика”, являются прецедентные тексты, которые составляют **5,54%** от числа прецедентных феноменов данной сферы и по семантике объединяются в группу “**Законы**”.

Представители обеих партий активно апеллируют к существующему законодательству и правительственным программам США, преследуя две цели. Во-первых, чтобы указать на солидную легитимную основу своих мнений и действий. Так, например, это делает Джон Керри, отвечая на неудобный вопрос об однополых браках, ответ на который, не важно какой именно, может привести к потере голосов той или иной группы избирателей.

*Asked if he would offer his congratulations to the newly married (gay couple), Kerry replied: "I obviously wish everyone happiness. I want everyone to feel fulfilled and happy in their lives. The way to do that is by respecting every citizen's rights under **the Constitution**." (P. Farhi, Washington Post, 15.05.2004)*

Эксплицитно Сенатор не выражает здесь своего мнения, но, ссылаясь на Конституцию Соединённых Штатов, даёт понять, что брак может быть только между мужчиной и женщиной. Однако объяснение своей точки зрения посредством указания на главный закон страны как бы снимает с Дж.

Керри ответственность за его взгляды, так как он всего лишь следует Конституции, что должен делать любой гражданин страны.

Во-вторых, чтобы показать результаты своей работы, которые проявились в издании новых законодательных актов на пользу стране.

President Bush recognized that, at a time when terrorists are growing bolder, we had to change the way the government fights the terrorist threat. He supported and signed the USA PATRIOT Act, which broke down the walls the previous administration had put up between federal agencies to share critical information. (Senator Miller, Rising Tide, 03.2004)

Здесь также задействованы графические средства выделения данного прецедентного текста – все буквы названия заглавные.

Приведённые примеры показывают, что сфера “Политика” представлена всеми четырьмя типами прецедентных феноменов и является ведущей по частотности сферой культурного знания в дискурсе американских президентских выборов 2004 года, а также объединяет прецедентные феномены в денотативном аспекте функционирования.

Сфера “Экономика”

Сфера экономики является второй по частотности в предвыборном президентском дискурсе США и составляет **9,1%** от общего числа прецедентных феноменов. Данная сфера представлена всеми типами прецедентных феноменов. Начнём с рассмотрения самого частотного из них – прецедентной ситуации (**83,93%**).

Прецедентные ситуации, актуализируемые в рассматриваемом предвыборном дискурсе, довольно молоды, они имели место в экономике страны за время президентства Джорджа Буша-младшего, к ним относятся величайший за всю историю Америки дефицит бюджета, массовое сокращение рабочих мест, корпоративные скандалы.

Указанные прецедентные ситуации используются в предвыборном дискурсе как Демократической, так и Республиканской партий. Представите-

ли партии президента говорят о них, как о великих испытаниях, которые страна уже преодолела или в данный момент преодолевает, благодаря усилиям Дж. Буша.

*Ladies and gentlemen, America is back! Back from the attack on our homeland, back from **the attack on our economy** back from **the attack on our way of life**. We're back because of the perseverance, character and leadership of the 43rd President of the United States George W. Bush. (Governor Schwarzenegger, CNN, 01.09.2004)*

Примечательно, что экономические сложности внутри страны, представленные здесь описательно, рассматриваются губернатором А. Шварцнегером как спровоцированные внешними силами, а не как результат проводимой государством политики.

В следующем примере уже сам Джордж Буш рассуждает об истоках сложной экономической обстановки в стране.

*We have a deficit. We have a deficit because this country went into a recession. You might remember the stock market started to decline dramatically six months before I came to office, and then **the bubble of the 1990s** popped. And that cost us revenue. That cost us revenue. (President Bush, CNN, 08.10.2004)*

Прецедентная ситуация “*the bubble of the 1990s*” [экономически пузырь девяностых], обозначающая период бурного роста экономики 1996 – 2000 годов, за которым по экономическим законам последовал резкий крах и упадок 2000 – 2001 годов, представлена как основная причина самого большого дефицита бюджета Америки. Эта прецедентная ситуация имела место до вступления Дж. Буша-младшего в полномочия президента, и, таким образом, экономические сложности, с которыми приходится бороться действующей администрации, никак не связаны с действиями самого президента Буша.

В дискурсе демократической партии эти же самые прецедентные ситуации помещены в такой контекст, что показывают некомпетентность действующего президента в управлении экономикой страны. Особенно яркий образ создаётся за счёт проведения параллелей между состоянием экономики

при Дж. Буше и её состоянием во время Великой Депрессии.

*America cannot afford four more years of a president who is **the first to lose jobs since the Great Depression.** (Senator Kerry, Washington Post, 05.03.2004)*

Но прецедентная ситуация “Великая Депрессия” использовалась Джоном Керри в ходе избирательной кампании в этих целях настолько интенсивно, что это дало повод для реального сопоставления состояния экономики этих двух периодов. В результате чего оказалось, что *“today’s economy looks very similar to the one in 1996, during Bill Clinton’s reelection campaign”* (Senator Miller, *Rising Tide*, 03.2004) [состояние экономики сегодня очень напоминает экономику 1996 года во время кампании по переизбранию Билла Клинтона]. Как отмечалось выше, имя президента Клинтона неразрывно связано с процветающей экономикой, таким образом, журналист приходит к выводу о том, что *“apparently, Sen. Kerry has come to the conclusion that what’s worst for the American people is what’s best for Democrats politically”* [очевидно, что Сенатор Джон Керри пришёл к выводу что, то, что хуже всего для американского народа, лучше всего для Демократов с точки зрения политики]. Это послужило поводом для создания Джорджем Бушем телевизионного рекламного ролика под названием “Pessimism”, который на фоне позитивных экономических изменений в стране изображает Сенатора Керри упрямым, отрицающим факты и продолжающим говорить о Великой Депрессии.

Следующим по частотности типом прецедентных феноменов сферы “Экономика” являются прецедентные имена, которые составляют **10,72%** прецедентных феноменов этой сферы и представлены в основном такими именами символами, как “Enron”, “Wall Street”. Приведём пример.

*They (Bush’s supporters of Elections 2000) are joined by 385 new Pioneers and Rangers whose backgrounds are less from Texas and the Bush circle than from «...» **Wall Street.** (T.B. Edsall, The Washington Post, 16.05.2004)*

Описывая состав спонсоров избирательной кампании Дж. Буша, автор статьи отмечает, что к ним присоединилась “Wall Street”. Уолл Стрит – название улицы в Манхеттене, Нью-Йорк, которая считается центром финансо-

вого района. Использование этого прецедентного имени в данном примере означает, что весь большой бизнес и деловая элита страны поддерживают действующего президента.

Низкой частотностью в данной сфере обладают прецедентные высказывания (**3,57%**). Обратимся к примеру.

President Bush opened his campaign Saturday with a raucous rally for 13,000 in the state where both parties are determined to avenge the recount of the last election, and warned that his Democratic challenger would "tax all of you." (M. Allen, *The Washington Post*, 21.03.2004)

Данная фраза, произнесённая Дж. Бушем во время его тура по стране, стала прецедентным высказыванием благодаря прессе, которая подхватила его и стала использовать эту цитату для лаконичной характеристики того, что действующий президент думает об экономической программе Дж. Керри.

Самой низкой частотностью в сфере “Экономика” обладают прецедентные тексты (**1,78%**), которые представлены названиями различных экономических проектов или законопроектов США в сфере экономики. Приведём пример.

*His (Senator Kerry's) back-and-forth reflects a habit of indecision, and sends a message of confusion. And it is all part of a pattern. «...» He has spoken in favor of the **North American Free Trade Agreement** and against it.* (Vice President Cheney, *CNN*, 01.09.2004)

С помощью обращения к данному прецедентному тексту “Североамериканское Свободное Торговое Соглашение”, которое нацелено на облегчение торговых отношений с Канадой и Мексикой, представитель республиканской партии опять обращает внимание на то, что у Сенатора Керри нет постоянного мнения, в том числе, по ключевым экономическим вопросам.

В целом, несмотря на то, что прецедентные феномены сферы “Экономика” функционируют денотативно и не обладают большой экспрессивностью, они имеют значительный воздействующий потенциал, так как последствия экономических изменений ощущает на себе вся нация, вне зависимости

от политических взглядов, вероисповедания и личных предпочтений.

Сфера “Развлечение”

Прецедентные феномены сферы “Развлечение” составляют **4,57%** от общего количества прецедентных феноменов. В этой сфере, как и при анализе дискурса российских президентских выборов 2004 года, мы объединяем прецедентные феномены, относящиеся к сферам “Телевидение”, “Кино”, “Музыка” и “Спорт”, так как по отдельности каждая из этих сфер очень плохо представлена **1,96%**, **1,3%**, **0,98%** и **0,33%** соответственно. Но, несмотря на их низкую частотность, данные прецедентные феномены экспрессивны и обладают яркой эмоциональной окраской, а, следовательно, оказывают сильное манипулятивное воздействие. Данная сфера представлена двумя типами прецедентных феноменов: прецедентными именами (**81,48%**) и прецедентными высказываниями (**18,52%**). Начнём с рассмотрения прецедентных имён. Обратимся к примерам.

*Today’s national Democratic Party, led by John Kerry, Ted Kennedy, Howard Dean and the other protesters-of-the-60s grown-long-in-the-tooth don’t believe America is a liberating force. Instead, they see America as an occupier, some kind of **Darth Vader** military empire trying to colonize people. (Senator Miller, Rising Tide, 04.2004)*

Прецедентное имя “Дарт Вэйдер” имеет ярко выраженную негативную эмоциональную окраску, так как является эталоном абсолютного и беспощадного зла. Таким образом, автор статьи безапелляционно и достаточно резко выражает свою точку зрения по поводу отношения оппозиционной партии к родной стране. Это прецедентное имя рассчитано на восприятие широкого круга людей, несомненно, включающего в себя среднего представителя США, так как кинофильм “Звёздные войны” имеет международную известность. Знание сюжета этого фильма позволяет читателю выстроить модель поведения, характерную для данного персонажа, а именно, завоевание непокорных, в случае если таковое невозможно, то их полное уничтоже-

ние, что усиливает негативную окраску данного образа. Так как данное прецедентное имя используется для характеристики того, что Демократическая партия США думает о своей стране, а текст статьи обращен к американцам, которые славятся своим патриотизмом и гордятся тем, что их страна защитник прав и свобод во всём мире, то здесь происходит перенос негативной оценки, а, следовательно, и отрицательного отношения на Демократическую партию (оппозиционную партию автора статьи).

Данный пример показателен ещё с одной точки зрения. Он иллюстрирует тот факт, что при вхождении того или иного «культурного предмета» в когнитивную базу происходит его жесткая минимизация. То есть, из всего многообразия диалектичных и часто противоречивых характеристик данного феномена выделяется некий весьма ограниченный набор признаков, остальные же отбрасываются как несущественные. В центр внимания в приведённом примере вынесен дифференциальный признак прецедентного имени, находящийся в ядре структуры этого имени, апелляция к которому постоянно возобновляется, это – жестокость и беспощадность Дарт Вэйдера, а периферийный признак, заключающийся в том, что Дарт Вэйдера сначала был представителем добра и, в конечном счёте, вернулся к добру, в данном контексте является не релевантным.

Следующий пример иллюстрирует сферу “Телевидение”.

The Kerry consultants «...» sound like a bunch of low-budget Ginzu-knife salesmen when they represent their candidate on television: We're offering you a \$4,000 college-tuition tax credit and – for no extra charge – a \$1,000 reduction in your health-care costs! (J. Klein, Time Magazine, 05.08.2004)

Прецедентное имя “нож Гинзу” хорошо известно носителем американской культуры. Фирма “Гинзу” занимается изготовлением недорогих хозяйственных ножей на все случаи жизни, которые в основном продаются через телемагазины или через интернет-магазины. То есть, “нож Гинзу” – это продукт не очень высокого качества, который потребителям не особо нужен, так как практически у каждого уже есть нечто подобное. Поэтому чтобы сделать

этот товар привлекательным и заставить людей совершить покупку, продавцы в телемагазинах предлагают в дополнение к основному товару всевозможные варианты скидок и подарков. Таким образом, в приведённом примере избирательная кампания Джона Керри приравнивается к продаже, по большому счёту, бесполезного продукта, для продвижения которого используются всевозможные ухищрения и уловки, лишь бы заманить покупателя. В результате, создаётся впечатление, что Джон Керри сам по себе как политический деятель ценности не имеет и ничем не выделяется из массы других политиков, но обещания, которые щедро раздают представители его партии, вполне могут склонить избирателей на его сторону. Копирование грамматической структуры предложения, обычно используемой телемагазинами для рекламы бесплатных бонусов, завершает созданный образ навязывания бесполезного товара.

Перейдём к рассмотрению прецедентных высказываний.

Bush used his first campaign appearance other than a fundraiser to declare that the game is on and that he will "give it my all." (M. Allen, The Washington Post, 21.03.2004)

В данном примере использована немного трансформирована строчка из песни Мэрайи Кэрри "I give my all ...", которая в данном контексте означает, что Дж. Буш-младший действительно готов сделать все, что зависит от него, чтобы победить. Известность используемой строчки обеспечивает доступность и понятность созданного образа широкому кругу избирателей.

Прецедентные феномены сферы "Развлечение", благодаря своей экспрессивности и оценочности, создают в предвыборном дискурсе яркие образы, располагая называемые объекты в определённом полюсе шкалы ценностей данного сообщества. Кроме этого, феномены данных групп нацелены на массового адресата, так как в силу большой популярности кинематографа, телевидения, музыки и спорта известны широким слоям населения.

Сфера “Образование”

Сфера “Образование” является низкочастотной в дискурсе американских президентских выборов – **4,55%** прецедентных феноменов и представлена прецедентным текстом – “No Child Left Behind Act” [закон “*Не оставим ни одного ребёнка*”]. Этот закон является наиболее важной и фундаментальной реформой начального и среднего образования США с 1965 года. На выборах 2000 года президент Буш объявил образование своим приоритетом во внутренней политике и добился того, чтобы этот законопроект прошёл в Сенате. В результате закон “Не оставим ни одного ребёнка” делает систему образования более гибкой, передаёт больше полномочий местным властям, ужесточает критерии отчётности, представляет родителям более широкий выбор образовательных возможностей для своих детей, требует более высокого качества преподавания, делает образование более доступным для национальных меньшинств. Таким образом, этот законопроект несомненное завоевание администрации Джорджа Буша, которое значительно улучшило положение дел в национальном образовании, на что представители республиканской партии справедливо указывают.

*And the president, his first legislative priority was **the No Child Left Behind Act**. It was the first piece of legislation we introduced. (Vice President Cheney, CNN, 05.10.2004)*

Но, несмотря на то, что данный прецедентный текст является, бесспорно, сильным аргументом в пользу Дж. Буша, доказывающий, что президент держит данные им обещания, Сенатор Керри, апеллируя к этому законодательному акту и соглашаясь с его правильностью и необходимостью, при этом отмечает непоследовательность президента в реализации на практике этих реформ.

*He (the president) can't come here and tell you that **he's left no child behind** because he didn't fund **no child left behind**. (Senator Kerry, CNN, 08.10.2004)*

Республиканская партия, в свою очередь, использует этот прецедентный текст для иллюстрации одной из лидирующих тем этой предвыборной

кампании, а именно, что Джон Керри постоянно меняет своё мнение по многим важным политическим вопросам, в том числе по поводу этого законопроекта.

*But Senator Kerry's liveliest disagreement is with himself. «...» He has, in the last several years, been for **the No Child Left Behind Act** and against it. Senator Kerry says he sees two Americas. It makes the whole thing mutual America sees two John Kerrys. (Vice President Cheney, CNN, 01.09.2004)*

Как показывают примеры, прецедентные феномены данной сферы функционируют денотативно и используются преимущественно с прагматической целью подкрепления своих слов фактами, которые сложно оспорить.

Сфера “Религия”

Данная сфера-источник прецедентных феноменов, оказалась, вопреки ожиданиям, низкочастотной, к ней относятся только **1,3%** прецедентных феноменов, причём эта сфера представлена только прецедентными высказываниями.

Соединённые Штаты Америки, будучи изначально страной изгнанников по религиозным причинам, став страной, где представлены все мировые религии, сохранила трепетное отношение к Священному Писанию и цитатам из него. Традиционно Библия рассматривается как источник мудрости, который на любые вопросы даёт окончательные ответы, которые не ставятся под сомнение. Именно эта мощь Книги книг используется в предвыборном дискурсе, когда на неё прямо или косвенно ссылаются.

Например, Хиллари Клинтон, выступая в поддержку Джона Керри, следующим образом описывает прискорбные события, которые произошли в стране под предводительством президента-республиканца.

*I visited the Ground Zero the day after we were attacked, and I felt like I was standing at **the gates of hell**. (H. Clinton, The New York Times, 27.07.2004)*

Библейское прецедентное высказывание “gates of hell” [*врата ада*] имеет значение “силы ада”. Впечатление, произведённое на Х. Клинтон руи-

нами Башней Близнецов, сравнивается с ужасом, вызванным могуществом сил зла, который испытывает попадающий в ад, который может только превосходить, насколько тяжёлые испытания ждут его впереди, если уже в настоящий момент всё вокруг пропитано страхом.

Джордж Буш, желая показать полную несостоятельность взглядов своего соперника на внешнюю политику Соединённых Штатов, использует следующее прецедентное высказывание из Библии.

*Plus, he (John Kerry) says the **cornerstone** of his plan to succeed in Iraq is to call upon nations to serve. So what's the message going to be: "Please join us in Iraq. We're a grand diversion. Join us for a war that is the wrong war at the wrong place at the wrong time?" (President Bush, New York Times, 30.09.2004)*

Прецедентное высказывание “cornerstone” [*краеугольный камень*] взято из Евангелия от Матфея (16:18) и обозначает “the most important part of something that the rest depends on” (Oxford Advanced Dictionary) [*самая важная часть чего-либо, от которой зависит все остальное*]. Таким образом, используя это прецедентное высказывание, Дж. Буш указывает, что политические взгляды его соперника ошибочны, а предлагаемые планы обречены на провал, так как их основа изначально неверна.

Приведённые примеры доказывают, что прецедентные высказывания со сферой-источником “Религия” используются в предвыборном дискурсе обеих партий с целью придания весомости своим аргументам, сославшись при этом на непреложный авторитет Священного Писания.

Сферы “Экология” и “Литература”

Наименее частотными из сфер, представленных в предвыборном дискурсе обеих партий, являются сферы “Экология” и “Литература”, на долю которых приходится **0,98%** и **0,48%** прецедентных феноменов соответственно.

Сфера “Экология” представлена прецедентными текстами – законопроектными и соглашениями, направленными на улучшение экологической

обстановки в Соединённых Штатах и в мире. Апелляции к таким прецедентным текстам встречается только применительно к кандидату на пост президента от Республиканской партии. Проанализируем следующий пример.

*During the 2000 campaign, Bush promised to build stronger international alliances, but, as president, he has alienated some traditional allies with such moves as **rejecting a global warming treaty** and pursuing the war in Iraq. (J. VandeHei, Washington Post, 28.05.2004)*

В данном примере мы находим описательное обращение к прецедентному тексту “The Kyoto Treaty” [*Киотский договор*], цель которого было достижение всеобщего соглашения о сокращении выброса в атмосферу газов, вызывающих парниковый эффект. В нём принимали участие 160 стран мира, но Соединённые Штаты Америки, в лице президента Джорджа Буша, отказались ратифицировать этот договор без объяснения причин, противопоставив себя, таким образом, остальным участникам договора. Это, как отмечает автор данной статьи, противоречит обещанию действующего президента, данному еще в предыдущую предвыборную кампанию, создавать более сильные международные альянсы. Использование в этом же примере прецедентной ситуации “Вторая Война в Заливе”, которую страна начала в одиночку вопреки мнению международной общественности, подчёркивает *неоднократное* нарушение данного обещания, что заставляет усомниться в имидже действующего президента, как человека, который держит своё слово, и ставит под сомнение его надёжность, что недопустимо для лидера нации.

Примеры прецедентных феноменов из сферы “**Литература**” единичны, но, благодаря своей яркости, заслуживают внимания. Эта сфера представлена двумя видами прецедентных феноменов: прецедентными высказываниями (66,67%) и прецедентными текстами (33,33%).

Рассмотрим сначала более частотный тип прецедентных феноменов.

*"Nowhere in the country has felt it as hard as this area the way you have **taken it on the chin**," Kerry told several hundred people in a town hall meeting, and thousands afterward at a rally. (L. Romano, Washington Post, 26.06.2004)*

Фразеологизм “to take something on the chin” означает “to accept a difficult or unpleasant situation without complaining, trying to make excuses, etc”. Сенатор Керри обратился к этому фразеологизму после выступлений в рамках своего тура как кандидата на пост президента в южных штатах США, которые традиционно считаются республиканскими. Таким образом, создаётся впечатление, что сенатору пришлось усердно потрудиться, не показывая при этом признаков усталости и недовольства, несмотря на то, как сложно это на самом деле было.

Приведём пример использования прецедентных текстов.

*Al Gore «...» two weeks ago gave a screaming, arm-flailing speech in which he blistered the president, referred to Abu Ghraib as **Bush's "gulag"** and seemingly called for half the administration to resign. (M. Leibovich, Washington, 08.07.2004)*

Комментируя ход избирательной кампании Демократической партии, журналист приводит точку зрения Эла Гора на события, произошедшие в иракской тюрьме Абу Грейб. Политик называет их “Bush's "gulag"” [*гулагом Буша*]. Прецедентное высказывание “гулаг” делает ссылку на роман А. Солженицына “Архипелаг ГУЛаг”, который познакомил весь мир с существовавшей в Советском Союзе государственной системой уничтожения так называемых “неудобных людей” по политическим и другим причинам. Употребление имени действующего президента США перед этим прецедентным феноменом подразумевает, что жестокое обращение с военнопленными в тюрьме было им санкционировано. Таким образом, имя Джордж Буша ставится в один ряд с именами тиранов, против которых Америка всегда боролась. Обоснованность использования этого прецедентного феномена определить сложно, однако, можно с большой степенью уверенности сказать, что данный прецедентный феномен нацелен на довольно узкую аудиторию, так как этот прецедентный текст не только не подлежит обязательному изучению в школе, что называют основным способом становления прецедентного текста, но даже не принадлежит к американской культуре.

Не являясь частотными в президентском предвыборном дискурсе США, прецедентные феномены сфер “Экология” и “Литература”, тем не менее, представляют определённый исследовательский интерес, приводя к выводу о низкой степени актуальности для американской нации данных ценностей.

Обобщённые данные, иллюстрирующие соотношение типов прецедентных феноменов в выделенных сферах-источниках, представлены в Таблице 11.

Таблица 11. Типы прецедентных феноменов, относящихся к сферам-источникам, обнаруженным в дискурсе американских президентских выборов 2004 года, %

Сфера-источник	Тип прецедентных феноменов				Всего
	Прецедентное имя	Прецедентная ситуация	Прецедентное высказывание	Прецедентный текст	
Политика	37,57	42,92	13,97	5,54	100
Экономика	10,72	83,93	3,57	1,78	100
Развлечение	81,48	0	18,52	0	100
Образование	0	0	0	100	100
Религия	0	0	100	0	100
Экология	0	0	0	100	100
Литература	0	0	66,67	33,33	100
% от общего количества прецедентных феноменов	34,31	41,63	13,66	10,4	100

Проведённый анализ показывает, что в предвыборном дискурсе американских президентских выборов 2004 года наиболее частотны обращения к прецедентным феноменам из сферы “Политика”, что позволяет не только классифицировать используемые прецедентные феномены по типам, но и объединить прецедентные феномены каждого типа в несколько групп на основе семантики. Наиболее частотными из них являются группы “Войны”, “Террористические акты” и “Политические деятели”. Прецедентные ситуа-

ции групп “Войны” и “Террористические акты” являются частотными в силу того, что на момент проведения выборов страна оказалась втянутой в войну и не исключала возможности новых террористических актов на своей территории. Поэтому одной из тем предвыборной кампании стал выбор наиболее подходящей стратегии для защиты страны и ведения войны, что делается через апелляции к опыту, накопленному в американской и мировой истории. Прецедентные имена, представляющие группу “Политические деятели” используются кандидатами от обеих партий и журналистами, комментирующими ход избирательной кампании, с целью подкрепить высказываемое мнение, сославшись на выдающегося политического деятеля, фигура которого имеет определённый политический вес. Особое место занимают прецедентные имена президентов Америки, которые используются, либо чтобы указать на сходство с ними одного из кандидатов, и, следовательно, создать образ политика, подходящего на данный пост, либо, наоборот, чтобы усилить отличия, показав, таким образом, что один из кандидатов недостоин руководить страной.

Сфера “Экономика”, представленная, в основном, прецедентными ситуациями, довольно популярна, так как страна находилась в тяжёлом экономическом положении, и нацию интересовала позиция каждого из кандидатов по этому вопросу. В результате, кандидату от Республиканской партии приходилось объяснять, что положение дел не так уж и плохо, привлекая внимание избирателей к положительным изменениям в стране, например, к недавно принятым законопроектам, улучшающим качество жизни. Кандидат от Демократической партии, напротив, стремится представить экономическую обстановку в худшем свете, чем она есть на самом деле, указывая, что даже в самые тяжёлые времена, например, во время Великой Депрессии, экономика Америки не была в таком плачевном состоянии, как при действующем президенте.

Сферы “Образование”, “Религия” и “Экология” используются в дискурсе американских президентских выборов схожим образом. Прецедентные

высказывания и тексты этих сфер культурного знания функционируют денотативно и используются для фактического подтверждения высказанных суждений.

Сферы “Развлечение” и “Литература” являются низкочастотными, что говорит о их неактуальности на данном этапе развития этого национально-лингвокультурного сообщества. Но, несмотря на это, прецедентные имена и прецедентные высказывания именно этих сфер создают богатые образы, предоставляя адресату простор для творчества и самостоятельного “открытия” смысла.

Для восстановления полной картины особенностей употребления прецедентных феноменов в дискурсе американских президентских выборов, помимо установления сфер-источников культурного знания, необходимо определить национальные основы происхождения прецедентных феноменов, выявить их структурные особенности и сделать обобщения по способу их функционирования, чему посвящены следующие параграфы диссертации.

3.3. Национальная, структурная и функциональная характеристика прецедентных феноменов, используемых в дискурсе американских президентских выборов 2004 года

3.3.1. Национальные основы происхождения прецедентных феноменов, употребляемых в дискурсе американских президентских выборов 2004 года

Проведённый анализ национальных основ происхождения прецедентных феноменов, употребляющихся в дискурсе американских президентских выборов 2004 года, позволил выявить закономерности, отражённые в Таблице 12.

Таблица 12. Национальные основы происхождения прецедентных феноменов, обнаруженных в дискурсе американских президентских выборов 2004 года

Страна происхождения прецедентных феноменов	Количество прецедентных феноменов, %
США	67,47
Средний Восток	12,86
Азия	6,83
Европа	5,2
Россия	4,87
Африка	0,82
Международные	1,95
Всего	100

Как видно из таблицы, большая часть прецедентных феноменов (**67,47%**) относится к американской культуре, что подтверждает сделанное нами предположение о национально детерминированном характере отбора прецедентных феноменов.

На втором месте по частотности (**12,86%**) находятся прецедентные феномены, относящиеся к Среднему Востоку, что связано с военной кампанией, проводимой Соединёнными Штатами на территории Ирака.

Следующее по частотности место занимают прецедентные феномены азиатского происхождения (**6,83%**), этим данная избирательная кампания обязана Сенатору Керри, чьё военное прошлое во Вьетнаме стало одной из лидирующих тем предвыборного дискурса.

Прецедентные ситуации европейского происхождения (**5,2%**) оказались востребованными, так как в качестве одного из средств апологизации Второй Войны в Заливе республиканская партия рассматривала эту войну в контексте освободительных войн на территории Европы (Первая и Вторая Мировые Войны). Необходимость, обоснованность и правомерность этих военных компаний, которые не ставятся под сомнение, переносятся на военную акцию в Персидском заливе.

Прецедентные феномены российского происхождения частотны

(4,87%) благодаря советскому прошлому России. Представители Республиканской партии постоянно делают ссылки на жёсткость противостояния между США и СССР периода Холодной войны, из которой Соединённые Штаты вышли победителями, при этом подразумевая, что несмотря на трудности переживаемые страной во время Второй Войны в Заливе, Америка одержит победу.

Употребление в дискурсе американских президентских выборов прецедентных феноменов африканского происхождения (0,82%) связано с терактами в посольствах США на территории Танзании и Кении в 1998 году, которые стали рассматриваться как предвестники террористического акта 11 сентября 2001 года.

По причине их низкой частотности прецедентные феномены африканского происхождения не были отражены в предыдущих параграфах диссертации, поэтому обратимся к ним сейчас.

*We tried John Kerry's approach to fighting terror over the last decade; it didn't work. «...» When **our embassies in Tanzania and Kenya were attacked in 1998**, killing 263 people, our only response was to fire a few missiles into an empty tent. I had come to believe that the spirit of appeasement, softness and self-indulgence was turning my country into a land cowering before the world's mad bullies. (Senator Miller, *Rising Tide*, 03.2004)*

Сочетание в этом примере указанных прецедентных ситуаций с зооморфной метафорой нацелено на то, чтобы показать, что подход к внешней политике, предлагаемый Джоном Керри слишком лоялен, что приведёт к ослаблению позиций Америки на международной арене, чего Дж. Буш не намерен допускать.

Седьмая строка таблицы требует особого комментария. В дискурсе американских президентских выборов также оказалось необходимо выделить группу международных прецедентных феноменов, так как невозможно с достаточной степенью валидности более точно определить их источник происхождения. Это, в первую очередь, относится к прецедентным высказываниям

сферы “Религия”. Христианство как религиозное учение возникло на территории современного Израиля, таким образом, относительно американской культуры, библейские аллюзии надо рассматривать как иностранные. Это, на наш взгляд, несколько неаккуратно, так как религия изначально является основой американского государства. Но ограничивать такие прецедентные феномены только американской культурой также не совсем обосновано. Поэтому при анализе прецедентных феноменов, обнаруженных в дискурсе американских президентских выборов, мы также посчитали возможным выделить группу международных прецедентных феноменов, то есть феноменов, характеризующихся размытой соотнесённостью с национальным источником происхождения.

Интересные результаты показал анализ представленности различных типов прецедентных феноменов, объединённых национальным источником происхождения, они представлены в Таблице 13.

Таблица 13. Типы прецедентных феноменов в дискурсе американских президентских выборов 2004 года, объединённые национальными основами происхождения, %

Страна происхождения прецедентных феноменов	Тип прецедентных феноменов				Всего
	Прецедентное имя	Прецедентная ситуация	Прецедентное высказывание	Прецедентный текст	
США	35,9	31,57	18,31	14,22	100
Средний Восток	46,84	53,16	0	0	100
Азия	4,76	95,24	0	0	100
Европа	37,5	62,5	0	0	100
Россия	36,67	60	0	3,33	100
Африка	0	100	0	0	100
Международные	0	0	66,67	33,33	100

Прецедентные феномены американского происхождения представлены всеми типами, с некоторым численным превосходством прецедентных ситуаций и прецедентных имён над прецедентными высказываниями и текста-

ми.

Что касается зарубежных прецедентных феноменов, то они, за редким исключением, представлены только прецедентными именами и прецедентными ситуациями, со значительным численным преимуществом (от **53,16%** до **100%**) прецедентных ситуаций.

На основе анализа рассмотренного материала можно сделать следующие выводы. Прецедентные тексты неамериканского происхождения встречаются крайне редко в силу того, что корпус прецедентных текстов каждой нации довольно ограничен. Самым популярным способом приобретения текстом статуса прецедентного, как указывают В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова [Костомаров 1994 : 73] является его включение в школьную программу для обязательного изучения. В курсе школьной программы, за некоторыми исключениями, изучаются произведения национальных авторов, и расширение этих рамок носит сугубо индивидуальный характер. Но анализируемая разновидность политического дискурса направлена на массовую аудиторию с различным уровнем образованности и, следовательно, для достижения поставленной цели ориентируется на типичного представителя данного национально-лингвокультурного сообщества, который вряд ли поймет, оценит и будет подвержен влиянию ссылок на неамериканские литературные произведения.

Непопулярность прецедентных высказываний неамериканского происхождения (за исключением международных) объясняется короткой “жизнью” ярких прецедентных высказываний, так как для них характерна, как отмечает Г.Г. Слышкин, становиться прецедентными на относительно короткий срок и выходить из употребления раньше, чем сменится поколение носителей языка (например, рекламный ролик, анекдот) [Слышкин 2000 : 28]. Отследить подобные быстрые изменения внутри страны возможно, что успешно иллюстрирует данная избирательная кампания. Прецедентные высказывания, активно употреблявшиеся в дискурсе президентской избирательной кампании 2004 года, вышли из употребления после окончания выборов, но в период своей

прецедентности обладали ценностной значимостью, а основанные на них реминисценции часто использовались в дискурсе этого отрезка времени. Быть в курсе подобных изменений в использовании языка за рубежом среднему представителю нации нет необходимости, следовательно, прецедентные высказывания иностранного происхождения, скорее всего, не будут поняты, то есть нецелесообразны для использования в целях воздействия на массовый адресат.

Сравнительную частотность прецедентных ситуаций и прецедентных имён неамериканского происхождения можно связать с большей стабильностью тезауруса прецедентных феноменов данных типов. Кроме этого, среди факторов обуславливающих их частотность можно отметить влияние СМИ и стремительное развитие коммуникационных технологий, которые создают единое информационное пространство, обеспечивая, таким образом, доступ почти к любой информации в любой стране мира, что значительно увеличивает возможности для создания интертекстуальных связей.

3.3.2. Структурные особенности прецедентных феноменов, используемых в дискурсе американских президентских выборов 2004 года

Данный параграф диссертации касается только прецедентных высказываний и прецедентных текстов, так как именно они, в дискурсе американских президентских выборов 2004 года подвергаются маркировке и трансформации, 100% прецедентных имён и прецедентных ситуаций оказались представлены в немаркированном и нетрансформированном виде.

Приведённая ниже таблица представляет данные по частотности выделенных видов маркеров прецедентных феноменов в дискурсе американских президентских выборов 2004 года.

Таблица 14. Маркеры, задействованные для актуализации прецедентных феноменов в дискурсе американских президентских выборов 2004 года, %

Вид маркера	Прецедентные тексты	Прецедентные высказывания
Отсутствие маркера	96,88	16,66
Ссылка на автора	-	29,76
Ссылка на автора, кавычки	-	27,38
Графические средства	3,12	20,23
Расширенная ссылка на автора, кавычки	-	2,39
Кавычки, ссылка на источник	-	2,39
Ссылка на источник	-	1,19
Всего	100	100

Начнём с анализа маркированности прецедентных высказываний на основе той же классификации, что применялась при анализе российского предвыборного дискурса.

Использование прецедентных высказываний характеризуется разнообразием маркеров, только **16,66%** прецедентных высказываний являются немаркированными.

The promise of America is that every citizen vote is counted and protected.
(A. Sharpton, *The New York Times*, 27.07.2004)

Данное прецедентное высказывание – это трансформированное воспроизведение цитаты Эла Гора “every vote counts” [считается каждый голос], сказанной им на выборах 2000 года по поводу пересчёта голосов избирателей в штате Флорида, который решил исход выборов. Неоднократное использование этого прецедентного высказывания в дискурсе президентских выборов 2004 года, но уже без указания авторства, показывает, что такой подход стал ведущим принципом Демократической партии в данной избирательной кампании.

Наиболее распространённым способом маркирования прецедентных высказываний является ссылка на автора (**29,76%**), графическое указание на прецедентность (кавычки) (**27,38%**) и объединение этих двух видов маркеров (**19,04%**).

*He (President Bush) also promised America that he **would go to war as a last resort**. Those words mean something to me, as somebody who has been in combat. "**Last resort**." (Senator Kerry, *New York Times*, 30.09.2004)*

В дискурсе данных президентских выборов это прецедентное высказывание стало более чем узнаваемым. Но в своих устных и письменных выступлениях Сенатор Керри всегда либо указывает на автора, либо ставит это высказывание в кавычки, или сочетает оба способа, подчёркивая тем самым заимствованный характер этих слов.

Кроме кавычек к графическим маркерам прецедентности относится написание жирным шрифтом. Приведём пример (выделение жирным шрифтом в данном примере присутствовало изначально).

*... as long as our country stands, people will look to the resurrection of New York City and they will say: **Here buildings fell, and here a nation rose**. (Chairman Gillespie, *Rising Tide*, 03.2004)*

Дословное воспроизведение цитаты Дж. Буша-младшего в статье одного из представителей Республиканской партии говорит о сплочённости внутри партии о полной поддержке республиканцами своего кандидата. Выделение жирным шрифтом подчёркивает значимость того, с чем стране удалось справиться под руководством действующего президента.

Менее частотными являются расширенные ссылки на автора и ссылки на название произведения, сопровождающиеся кавычками. Каждый из этих двух видов маркеров представляет **2,39%** прецедентных высказываний.

*And then came Sept. 11, 2001, the "**worst day in our history**" as described by writer **David McCullough**. (Senator Miller, *Rising Tide*, 04.2004)*

Такие виды ссылок, как в приведённом примере, оказываются актуальными в том случае, когда само высказывание малоизвестно. Поэтому, чтобы дать понять, что это цитата, принадлежащая в данном случае выдающемуся литературному деятелю, который занимается изучением американской истории, и опубликовал ряд фундаментальных работ, необходимо сделать эту информацию эксплицитной.

Подавляющее большинство прецедентных текстов (96,88%) являются немаркированными, что говорит о достаточно хорошей известности этих текстов представителям данного национально-лингвокультурного сообщества, что элиминирует необходимость дополнительно их выделять.

*I can remember being in upstate New York talking to FBI agents. And they told me they could not have performed their duty, the duty we all expect of them, if they did not have the ability to communicate with each other under **the Patriot Act**. (President Bush, CNN, 08.10.2004)*

К графическим маркерам прецедентности относятся кавычки и написание названия прецедентного текста заглавными буквами. Примеры маркированности прецедентного текста кавычками уже приводились чуть выше, поэтому проиллюстрируем написание названия прецедентного текста заглавными буквами.

***The PATRIOT Act** is necessary, for example, because parts of the FBI couldn't talk to each other. The intelligence-gathering and the law-enforcement arms of the FBI just couldn't share intelligence under the old law. And that didn't make any sense. (President Bush, The New York Times, 08.10.2004)*

Использование данного графического маркера говорит о том, насколько важным президент Буш считает этот законопроект, который обеспечит, по его мнению, национальную безопасность страны.

Перейдём к рассмотрению трансформаций данных типов прецедентных феноменов. Обобщённые данные по представленным видам трансформации прецедентных феноменов в дискурсе американских президентских выборов 2004 года отображены в Таблице 15.

Таблица 15. Виды трансформаций, задействованных при актуализации прецедентных феноменов в дискурсе американских президентских выборов 2004 года, %

Вид трансформации	Прецедентные тексты	Прецедентные высказывания
Отсутствие трансформации	89,06	70,23
Перефразирование	3,12	-
Лексическая трансформация	1,57	5,96
Структурная трансформация	1,57	2,38
Лексическая и структурная трансформация	-	13,09
Трансформация для представления в косвенной речи	-	8,34
Описательное представление	4,68	-
Всего	100	100

Подавляющее большинство прецедентных высказываний (**70,23%**) употребляются в дискурсе американских президентских выборов 2004 года без трансформаций.

Наиболее частотным видом трансформации прецедентных высказываний в дискурсе американских президентских выборов является сочетание лексических и структурных изменений (**13,09%**) вплоть до полной модификации прецедентного высказывания, в этом случае от изначальной цитаты сохраняется только смысл.

*My opponent says he approves of bold action in the world, **but only if other countries do not object.** (President Bush, Washington Post, 05.05.2004)*

В этом примере Джордж Буш ссылается на высказывание Сенатора Керри, которое уже рассматривалось в предыдущем параграфе “pass a global test”. Такую трансформацию сложно назвать перефразированием, так как смысл высказывания значительно изменился, но модификация является настолько существенной, что только тот, кто тщательно следит за ходом этой предвыборной кампании, может восстановить сделанную аллюзию. Если же эта скрытая ссылка “прочитана”, то она создаёт комический эффект, представляя в минимизированном упрощённом виде настоящее мнение кандидата от Демократической партии, хотя он открыто заявляет о противоположном.

Следующим по частотности видом трансформации (**8,34%**) является изменение прецедентного высказывания для представления в косвенной речи, но он носит чисто технический характер и не представляет особого интереса.

Большой интерес представляют лексические (**5,96%**) и структурные (**2,38%**) изменения прецедентных высказываний в дискурсе американских президентских выборов 2004 года.

*In this election, I'm on George W. Bush's side because he's on the side of freedom and the side of the American people. President Bush is **the right man in the right place at the right time.** (Senator Miller, *Rising Tide*, 04.2004)*

В данном примере используется трансформированная цитата Дж. Керри, которая уже рассматривалась ранее 'the wrong war at the wrong place at the wrong time'. От оригинальной цитаты здесь сохранена грамматическая конструкция, лексические изменения включают замену прилагательного на антоним и замену одного из существительных. Однако, даже с подобными трансформациями, это прецедентное высказывание узнаваемо, так как интенсивно употреблялось в ходе предвыборной кампании. В тексте публикации, откуда взят этот отрывок, автор последовательно доказывает, что президент Буш занимает своё место, что он успешно справляется с трудностями и преодолевает препятствия. И тот факт, что для выражения данной идеи используется цитата его соперника, создаёт впечатление, что никакие политические нападки не способны затмить то, что президент уже сделал и продолжает делать для своей страны.

Что касается структурных изменений, то они очень незначительны и направлены на удаление служебных слов и формальных элементов по принципу эллипсов. Обратимся к примеру.

*In effect, you demean the sacrifice of our allies when you say it's the **wrong war, wrong place, wrong time,** and oh, by the way, send troops. (Vice President Cheney, *The New York Times*, 05.10.2004)*

В данном примере из цитаты Сенатора Керри удалены предлоги и ар-

тики, так как они не несут значимой семантической нагрузки.

Большая часть прецедентных текстов (**89,06%**), как и прецедентных высказываний, употребляется в дискурсе американских президентских выборов 2004 года без трансформаций.

Наиболее распространённым способом трансформации прецедентных текстов является их описание (**4,68%**). Проиллюстрируем это положение следующим примером.

*I believe every child can learn, and every school must teach so we passed **the most important federal education reform in history**. Because we acted, children are making sustained progress in reading and math, America's schools are getting better, and nothing will hold us back. (President Bush, The New York Times, 02.09.2004)*

Джордж Буш описательно говорит о законопроекте, принятом его администрацией “Не оставим ни одного ребёнка”.

Об этом же законопроекте Первая леди Соединённых Штатов говорит, используя перефразирование.

*When my husband took office, **too many schools were leaving too many children behind**, so he worked with Congress to pass sweeping education reform. (First Lady L. Bush, CNN, 01.09.2004)*

Такой способ актуализации прецедентных текстов составляет **3,12%**.

Наименее частотными видами трансформации прецедентных текстов являются лексические (**1,57%**) и структурные изменения (**1,57%**).

Пример лексической трансформации, а именно, замены лексической единицы, был приведён в предыдущем параграфе, поэтому проиллюстрируем здесь только структурные изменения.

*Starting in November, **let's make America beautiful again**. (A. Sharpton, the New York Times, 27.07.2004)*

В данном примере мы находим трансформированное название гимна Соединённых Штатов “America, the Beautiful”. Изменение структуры высказывания с утверждения на предложение в повелительном наклонении в устах

представителя Демократической партии, а также знание полного текста гимна наводят на мысль о том, что за предыдущий президентский срок Америка отошла от тех идеалов и ценностей, которые всегда защищала, и, чтобы вернуть стране её привычный облик, необходим президент-демократ.

Проведённый анализ позволяет говорить о том, что большая часть прецедентных текстов и прецедентных высказываний используются в предвыборном президентском дискурсе без маркеров по причине общеизвестности используемых прецедентных феноменов. Дополнительные средства выделения применяются, чтобы подчеркнуть чужеродность этих элементов в тексте.

В дискурсе американских президентских выборов 2004 года трансформации подвергается незначительное число прецедентных феноменов. Причём часть из них носит формальный характер, например, необходимые грамматические изменения для представления высказывания в косвенной речи. Остальные виды трансформаций, в случае если прецедентный феномен всё же опознан, обладают яркой экспрессивностью, вовлекая читателя в интеллектуальную игру, создавая, таким образом, заинтересованность и эмоциональную вовлечённость, другими словами, необходимые предпосылки оказания манипулятивного воздействия, что является доминирующей целью предвыборного дискурса.

3.3.3. Функционирование прецедентных феноменов в дискурсе американских президентских выборов 2004 года

На основе данных, полученных в результате анализа фактического материала, была составлена Таблица 16, отражающая особенности функционирования прецедентных феноменов дискурсе американских президентских выборов 2004 года.

Таблица 16. Аспект функционирования прецедентных феноменов, обнаруженных в дискурсе американских президентских выборов 2004 года, %

Аспект функционирования прецедентных феноменов	Тип прецедентного феномена			
	Прецедентное имя	Прецедентная ситуация	Прецедентный текст	Прецедентное высказывание
Коннотативный	15,17	0	1,56	7,14
Денотативный	84,83	100	98,44	92,86
Всего	100	100	100	100

Прецедентные феномены всех типов в подавляющем большинстве случаев (от **84,83%** до **100%**) употребляются денотативно. Это соотношение соответствует закономерности, выявленной в результате похожего сопоставительного исследования прецедентных имен в рекламном дискурсе России и Америки [Кушнерук 2004 : 148].

Обилие таких примеров в американском предвыборном дискурсе можно объяснить отличной от российского политического дискурса доминирующей стратегией оказания манипулятивного воздействия. Для американского политического дискурса и его разновидности предвыборного дискурса более характерна стратегия открытого информирования, а не завуалированного воздействия [Никитина 2006 : 14], которая может даже агрессивно восприниматься, так как подразумевает, что говорящий скрывает свои истинные намерения.

Случаи коннотативного употребления прецедентных феноменов в дискурсе американских президентских выборов 2004 года насколько редки, что прецедентные имена в коннотативном аспекте функционирования оказались почти не представлены во втором параграфе этой главы. Но, несмотря на их низкую частотность, этот аспект функционирования прецедентных феноменов достоин иллюстрации.

*Being lectured by the president on fiscal responsibility is a little bit like **Tony Soprano** talking to me about law and order in this country. (Senator Kerry, CNN, 13.10.2004)*

Тони Сопрано – это персонаж известного в Соединённых Штатах сериала “Клан Сопрано”, который является крестным отцом мафиозных структур Аме-

рики, чей образ несовместим с законностью и порядком. В данном примере Сенатор Керри использует это прецедентное имя, чтобы показать, что здоровая экономическая политика, проводимая действующим президентом, – это такой же нонсенс, как легитимность указанного главы мафии.

Подводя итоги анализа национальных основ происхождения, а также формальных и функциональных характеристик прецедентных феноменов, используемых в дискурсе американских президентских выборов 2004 года, отметим следующие закономерности. Большинство прецедентных феноменов относятся к национальной культуре. Типичным способом употребления прецедентных феноменов в дискурсе американских президентских выборов 2004 года является их денотативное немаркированное использование в изначальном (не трансформированном) в виде с целью называния объекта или личности, что объясняется доминированием в американском политическом дискурсе стратегии информирования и разъяснения, которая основана на предоставлении достоверной информации с опорой на реально происходящие события и действия.

3.4. Использование прецедентных феноменов в дискурсе американских президентских выборов 2004 года разными кандидатами на пост президента

Для выявления механизма употребления прецедентных феноменов в дискурсе американских президентских выборов 2004 года было проанализировано 1315 текстов, относящихся к данной избирательной, включая газетные и журнальные статьи, автором которых являются как представители одной из партий, так и независимые политические обозреватели; транскрипты устных выступлений самих кандидатов на пост президента и других представителей партий; тексты политической видео и печатной рекламы. В предвыборном дискурсе Республиканской и Демократической партий обнаружено 623 и 590 прецедентных феноменов соответственно.

Прежде всего, необходимо определить критерии отнесения анализируемого материала к дискурсу либо Республиканской, либо Демократической пар-

тий. Подобных трудностей нет при анализе текстов, авторами которых являются сами кандидаты на пост президента или представители их партий. Однако при работе с аналитическими статьями независимых журналистов довольно сложно определить, к дискурсу какой именно партии относятся обнаруженные прецедентные феномены. В таких случаях прецедентный феномен относился к дискурсу определённой партии на основании того, о котором из кандидатов шла речь в статье.

Анализ сфер-источников прецедентных феноменов в дискурсе каждой из партий показал, что представители обеих партий используют одни и те же прецедентные феномены с незначительным численным различием в наполнении некоторых сфер и групп. Различия в употреблении заключаются лишь в том, что в дискурсе Республиканской и Демократической прецедентные феномены использовались в таких контекстах, что им придавались коннотации, которые показывали в выгодном свете “своего” кандидата и дискредитировали оппонента, либо гипертрофированно усиливались одни “нужные” признаки прецедентного феномена при элиминации других.

Более детальные данные по частотности выделенных сфер-источников прецедентных феноменов в дискурсе Республиканской и Демократической партий представлены в Таблице 17.

Таблица 17. Сферы-источники прецедентных феноменов, представленные в дискурсе Республиканской и Демократической партий США в ходе президентской избирательной кампании 2004 года, %

Сфера-источник	Прецедентные феномены в дискурсе республиканской партии	Прецедентные феномены в дискурсе демократической партии
Политика	74,42	83,64
Экономика	12,35	5,09
Развлечение	3,23	6,18
Образование	6,48	2,19
Религия	1,17	1,45
Экология	1,76	1,09
Литература	0,59	0,36

Всего	100	100
-------	-----	-----

Исследование национальных основ происхождения прецедентных феноменов, употребляющихся в дискурсе Республиканской и Демократической партий США принёс примерно те же результаты (представлены в Таблице 18).

Таблица 18. Национальные основы происхождения прецедентных феноменов, обнаруженных в дискурсе Демократической партий США в ходе президентской избирательной кампании 2004 года, %

Страна происхождения прецедентных феноменов	Прецедентные феномены в дискурсе республиканской партии	Прецедентные феномены в дискурсе демократической партии
США	66,76	68,36
Средний Восток	15,3	9,09
Азия	2,65	13,82
Европа	5,88	4,36
Россия	6,47	2,91
Африка	0,58	0
Международные	2,36	1,46
Всего	100	100

Большая часть прецедентных феноменов относится к американской лингвокультуре. Высокая частотность прецедентных феноменов средневосточного происхождения в дискурсе Республиканской партии объясняется тем, что освободительная война в Ираке была ведущим сильным аргументом партии президента, на котором строилась значительная часть всей избирательной кампании. Частотность прецедентных феноменов азиатского происхождения в дискурсе Демократической партии связана с тем, что военные заслуги Сенатора Керри во Вьетнаме и блистательное начало его политической карьеры, связанное с выступлением перед комиссией Сената против войны во Вьетнаме, составляли важную часть его предвыборной платформы.

Небольшое численное преимущество прецедентных феноменов европейского и российского происхождения в дискурсе Республиканской партии обусловлено, во-первых, личным знакомством действующего президента с главами европейских государств и России, о чем часто упоминается и что

ставится в заслугу действующему президенту, во-вторых, тенденцией Республиканской партии рассматривать Вторую Войну в Заливе в контексте войн за свободу, имевших место на территории упомянутых государств.

В предвыборном дискурсе обеих партий используются одни и те же маркеры прецедентности, задействованы одинаковые способы трансформации с небольшими численными различиями по некоторым показателям. Указанная пропорция в соотношении прецедентных феноменов в денотативном и коннотативном функционировании выдержана в дискурсе и Демократической, и Республиканской партий.

Приведённые цифры как нельзя лучше иллюстрируют положение о временной, пространственной и тематической ограниченности предвыборного дискурса.

Территориальные ограничения проявились в доминировании национальных прецедентных феноменов. Временные рамки особенно отчётливо проявились в использовании наиболее ярких прецедентных высказываний, которые вышли из употребления по завершении данной избирательной кампании.

Набор тем, обсуждаемых в рассматриваемой избирательной кампании, действительно, оказался достаточно лимитирован, следовательно, ограничен и круг сфер-источников используемых прецедентных феноменов. Тезаурус прецедентных феноменов, употребляемых в дискурсе американских президентских выборов 2004 года, позволяет утверждать, что для американской нации на этом этапе исторического развития наиболее актуальными ценностями являлись собственная безопасность, сохранение образа Америки как борца против тирании за права и свободу в мировом масштабе и экономическая стабильность родного государства.

На примере использования прецедентных феноменов в исследуемом президентском дискурсе также четко проявилась взаимообусловленность действий участников избирательной кампании. Некоторые высказывания кандидатов мгновенно становились прецедентным и интенсивно использова-

лись соперниками для выявления глубинных внутренних противоречий кандидата, которые подтверждались его собственными словами. Прецедентные феномены, частотные в дискурсе одного из кандидатов, давали повод для создания на их основе роликов политической рекламы, дискредитирующих данного кандидата. Таким образом, прецедентные феномены, будучи мощным средством оказания манипулятивного воздействия, требуют определённой степени аккуратности в использовании.

Выводы по третьей главе

Исследование закономерностей использования прецедентных феноменов в дискурсе американских президентских выборов 2004 года позволяет сделать следующие выводы.

1. Наиболее частотной сферой-источником прецедентных феноменов в рассматриваемой избирательной кампании является сфера “Политика”, на долю которой приходится 79,02% прецедентных феноменов. Многочисленность феноменов данной сферы позволяет классифицировать их по семантическим группам, особое упоминание среди которых заслуживают группы “Президенты США”, “Войны” и “Террористические акты”. Частотность прецедентных имён президентов Америки обусловлена особым местом этих выдающихся политических деятелей в американской лингвокультуре, выступая эталоном политика, достойного быть главой нации. Частотность прецедентных ситуаций групп “Войны” и “Террористические акты” объясняется экстралингвистическими реалиями. Этим же фактором обусловлено второе по частотности место прецедентных феноменов сферы “Экономика”. Сферы “Развлечение”, “Образование”, “Религия”, “Экология” и “Литература” низкочастотны, в связи с всеобщим смещением приоритетов в сферу политики.

2. Анализ национальных основ происхождения прецедентных феноменов в дискурсе американских президентских выборов 2004 года подтвердил тезис о национально детерминированном отборе прецедентных феноменов.

3. Для дискурса американских президентских выборов 2004 года харак-

терно немаркированное употребление прецедентных феноменов в подавляющем большинстве случаев без трансформаций, в силу общеизвестности внутри данного национально-лингвокультурного сообщества используемых феноменов. Маркеры вводятся с целью подчеркнуть заимствованность данных элементов в структуре воспринимаемого текста. Трансформации применяются для вовлечения читателя в языковую игру с автором с целью удержания внимания и создания заинтересованности, что является необходимым условием оказания манипулятивного воздействия, которое представляет собой основной целевой ориентир предвыборного дискурса.

4. Прецедентные феномены используются в дискурсе американских президентских выборов 2004 года преимущественно денотативно, что связано с лидирующей стратегией оказания влияния, характерной для американского политического дискурса, заключающейся в приоритете достоверного, по возможности, полного информирования адресата.

5. В дискурсе Республиканской и Демократической партий в ходе президентской избирательной кампании 2004 года не отмечено значительных отличий в тезаурусе употребляемых прецедентных феноменов. Имеющиеся различия касаются способов использования одних и тех же прецедентных феноменов, которые создают социально одобряемый образ “своего” кандидата и дискредитируют оппонента.

Заключение

Идеи постмодернизма, получив широкое распространение на настоящем этапе развития литературы и культуры, стимулируют исследовательский интерес к изучению разнообразных видов связей между текстами, дискурсами и даже различными способами освоения действительности и хранения знаний. Вследствие актуальности данного вида исследований на современном этапе развития науки о языке существует множество теорий и интерпретаций ключевых терминов этого направления лингвистического анализа.

Прецедентные феномены являются носителями культурно значимой информации, квинтэссенцией представлений определённого национально-лингвокультурного сообщества о добре и зле, норме и отклонения от неё, о приемлемых и неприемлемых образцах поведения.

Анализ сфер-источников прецедентных феноменов, обнаруженных в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года, выявил ряд сходств и отличий в закономерностях использования этих единиц в разных национальных культурах. Обобщённые данные представлены в Таблице 19.

Таблица 19. Сферы-источники прецедентных феноменов, обнаруженных в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года

Сфера-источник	Количество прецедентных феноменов, обнаруженных в дискурсе российских президентских выборов, %	Количество прецедентных феноменов, обнаруженных в дискурсе американских президентских выборов, %
Литература	55,31	0,48
Политика	26,72	79,02
Развлечение	7,37	4,57
Наука	3,92	-
Религия	2,76	1,3
Экономика	1,61	9,1
Криминал	1,38	-
Изобразит.иск.	0,93	-
Образование	-	4,55
Экология	-	0,98
Всего	100	100

Согласно полученным данным для российского предвыборного дискурса наиболее частотной является сфера “Литература”, что связано с традиционной литературоцентричностью российской нации. Однако следует отметить, что апелляции к данной сфере почти не требуют от читателя интеллектуальных усилий по расшифровке созданного образа, так как большинство прецедентных феноменов составляют фразеологизмы и ссылки на фольклор, известные широким слоям населения и нацеленные, скорее, на привлечение внимания и создание эмоционального отношения к высказыванию. Сравнительно редкие апелляции к художественным произведениям не выходят за рамки школьной программы по литературе, что, с одной стороны, вполне оправдано фактором массового адресата воздействия политического дискурса. А с другой стороны, данный факт свидетельствует об усреднённом образе россиянина-избирателя как о человеке на самом деле далёком от высокой литературы, довольствующимся авторитетом народной мудрости.

Эта же сфера в американском предвыборном дискурсе обладает самой низкой частотностью, что вполне закономерно, так как американцы являются одной из самых малочитающих стран. Согласно социологическому опросу, проведённому Бюро Переписи Населения США (US Census Bureau), в 2002 году менее половины американцев брали в руки книгу (46,7%). Единичные случаи использования фразеологизмов, пословиц и поговорок возможно объясняются тем, что эти единицы, как правило, употребляются в разговорной речи, а употребление элементов последней не всегда оправдано в президентском дискурсе, так как может свидетельствовать о недостаточной образованности кандидата в президенты. Вероятно, с точки зрения американских имиджмейкеров эти единицы не обладают достаточно высокой авторитетностью, необходимой для оказания эффективного воздействия.

В американском предвыборном дискурсе самой частотной сферой-источником является “Политика”, что вполне обосновано. Избрание президента является важным политическим событием в жизни страны, это заставляет политологов и журналистов обратиться к истории американского инсти-

туда президентства. Особо следует отметить ссылки на прецедентные имена президентов Америки, которые в американской культуре являются эталонами достойного руководителя нации. Вследствие этого, чтобы подчеркнуть своё сходство с данными выдающимися личностями, кандидаты в ходе предвыборной кампании обращаются к именам американских президентов. Но наиболее употребляемыми внутри этой сферы оказались группы прецедентных феноменов с повышенным агрессивным потенциалом “Война” и “Террористические акты”. Активизация данных прецедентных феноменов позволяет говорить о том, что на момент выборов США находились в кризисном состоянии, вызванным террористическими актами и затянувшейся Второй Войной в Заливе. Именно в такие переломные моменты истории оказываются востребованными милитарные и криминальные образы.

Востребованность прецедентных феноменов сферы “Политика” в российском предвыборном дискурсе также высока. Это связано с уникальностью данной предвыборной кампании – на выборах не было реальной борьбы между кандидатами, исход выборов был известен до их начала. Это подтолкнуло политологов, журналистов и политиков к поиску аналогий как в истории России, так и в мировой практике. Это подтолкнуло политологов, журналистов и политиков к поиску аналогий как в истории России, так и в мировой практике. В результате Россия периода президентских выборов 2004 года приравнивается к таким тоталитарным странам как Белоруссия, Туркменистан, политическая элита которых отошла от идеала демократического политического лидера в лице руководителей европейских государств. Актуальными также оказались ссылки на советское прошлое России, возвращение которого вполне реально.

Второе по частотности место прецедентных феноменов сферы “Экономика” в американском предвыборном дискурсе обусловлено значительной экономической нестабильностью в стране, обеспокоенностью американцев своим будущим. Именно поэтому каждый из кандидатов активно обращался к этой сфере, заверяя избирателей в том, что он разрешит имеющиеся про-

блемы, в то время как экономический план его оппонента неизбежно провалится.

Сфера “Экономика” в российском предвыборном дискурсе тоже представлена, но в отличие от американского относится к низкочастотным, так как на момент выборов в стране не было острых экономических проблем, и в целом экономическая обстановка характеризовалась определенной степенью стабильности. Редкие случаи апелляции к этой сфере подчёркивают тот факт, что подобные положительные изменения произошли в России за последние четыре года.

Сферы “Развлечение” и “Религия” представлены в предвыборном дискурсе обеих стран и обладают почти одинаковой частотностью. Более того, прецедентные феномены этих сфер культурного знания употребляются в предвыборном дискурсе обеих стран с одинаковыми целями. Прецедентные феномены сферы “Развлечение” используются для привлечения и удержания внимания, создания интереса и эмоциональной вовлечённости избирателей за счёт хорошей узнаваемости, простоты и эмоциональности эксплуатируемых образов. Это облегчает достижение главной цели исследуемого вида дискурса – оказания манипулятивного воздействия на избирателей, которое приводит к принятию определённого выборного решения. Прецедентные феномены сферы “Религия” употребляются кандидатами на пост президента для придания весомости своим словам посредством апелляции к безоговорочному авторитету Книги книг.

Основные различия по сферам-источникам прецедентных феноменов двух стран можно охарактеризовать следующим образом. К сферам, не представленным в российском предвыборном дискурсе, но актуальным для американского дискурса, относятся “Образование” и “Экология”. Данный факт также объясняется экстралингвистическими реалиями. Правящая администрация провела важнейшую реформу образования, что стало сильным аргументом в пользу действующего президента Соединённых Штатов, характеризуя его как человека, который держит свое слово и последователен в выпол-

нении данных обещаний, в отличие от его соперника, который несколько раз менял своё мнение по поводу этой реформы.

Прецедентные феномены сферы “Экология”, наоборот, используются демократической партией для критики политики администрации, обвиняя её в том, что Америка пренебрежительно отнеслась к усилиям многих стран, направленных на решение мировых экологических проблем. Таким образом, администрация Белого Дома противопоставила Соединенные Штаты, всему миру, при этом постоянно говоря о создании сильных международных коалиций.

В российском политическом дискурсе, в отличие от американского, оказались востребованными сферы “Наука”, “Криминал” и “Изобразительное искусство”. Однако их частотность очень низкая. Прецедентные феномены сферы “Наука” в дискурсе российских президентских выборов создают яркие и сложные образы. Но чтобы быть понятными рядовому избирателю, они представлены в текстах, как правило, с развёрнутыми пояснениями и толкованиями. Такой способ передачи информации и оказания влияния не всегда оправдан в политическом дискурсе, так как лаконичность является важным фактором успешного воздействия.

Сфера “Криминал” – это одна из сфер с повышенным агрессивным потенциалом, которые в целом не характерны для дискурса российских президентских выборов 2004 года по причине как экономической, так и политической стабильности в стране.

Прецедентные феномены сферы “Изобразительное искусство” обладают, в свою очередь, низкой частотностью по причине не типичности создаваемых интермедиальных связей. Этот вид связей преодолевает границы разных форм хранения знаний, что требует от читателя дополнительных усилий по расшифровке создаваемых образов. Чтобы понять подобную ссылку, адресату необходимо иметь определённые фоновые знания, объём которых варьируется в зависимости от возраста, уровня образованности и ряда других факторов. Поэтому принимая во внимание фактор массового адресата воз-

действия политического дискурса, низкая востребованность прецедентных феноменов, создающих интермедиальные связи, вполне закономерна.

В целом, для предвыборного дискурса каждой из стран указанного периода времени актуальными оказались те прецедентные феномены, которые отражали проблемы и сложности, переживаемые в данное время страной. Это обеспечивало высокую интеллектуальную и эмоциональную вовлечённость, а также заинтересованность широких масс избирателей, что является необходимой предпосылкой оказания влияния на общественное мнение и даёт толчок к необходимому выборному решению. Востребованы оказались и прецедентные феномены, ценность которых носит непреходящий характер. Ссылка на данные феномены апеллирует к базовым ценностям национально-лингвокультурного сообщества, защитником которых выступает каждый из кандидатов.

Для дискурса российских президентских выборов характерно создание прецедентных цепочек, когда прецедентное имя или прецедентное высказывание актуализирует прецедентную ситуацию, которая, в свою очередь, приводит к актуализации прецедентного текста. Таким образом, создаётся сложный многомерный образ, постепенное понимание которого доставляет читателю радость “открытия смысла”, а подобная вовлечённость неизбежно способствует фиксации и запоминанию транслируемой информации.

Для американского предвыборного дискурса данная закономерность не свойственна – для него характерно объединение в одном высказывании прецедентных феноменов, обладающих одинаковыми дифференциальными признаками и запечатлённых в народном сознании с одинаковой эмоциональной оценкой. За счёт повторения одного и того же набора признаков происходит увеличение значимости и масштабности формируемого образа, так как создаётся впечатление широкой распространённости, характерности и повсеместности описываемого явления, предмета или действия.

Отличия в тезаурусе наиболее частотных типов прецедентных феноменов состоят в том, что дискурсе американских президентских выборов 2004

года наиболее частотны прецедентные ситуации и прецедентные имена. Это соответствует природе политического дискурса, в котором идёт “борьба за номинации”, а прецедентные ситуации и прецедентные имена как нельзя более лаконично и однозначно, не допуская интерпретаций, называют объекты. Другими словами, они выполняют функцию ярлыков, приписывая человеку набор признаков и характеристик, нужных для его самопрезентации или дискредитации оппонентов.

Для российского предвыборного дискурса характерно резкое преобладание прецедентных высказываний. В свою очередь, низкая частотность прецедентных имён и прецедентных ситуаций, как нам представляется, связана с тем, что подавляющее большинство кандидатов принимали участие в выборах для того, чтобы выборы признали легитимными, а не для того, чтобы победить, то есть на российских президентских выборах 2004 года не было настоящего соперничества. Как следствие исчезла необходимость в самопрезентации и дискредитации оппонентов. Высокая популярность прецедентных высказываний связана с мобильностью данного типа прецедентных феноменов. Прецедентные высказывания чаще других прецедентных феноменов допускают разнообразные трансформации, которые усиливают игровой или театральный аспект политического дискурса.

Анализ национальных основ происхождения прецедентных феноменов, обнаруженных в дискурсе российских и американских выборов 2004 года подтвердил тезис о национально детерминированном отборе данных единиц. В свою очередь, востребованность прецедентных феноменов с чужой этимологией обусловлена политическими, экономическими и культурными связями каждой из стран.

Исследование задействованных видов маркеров прецедентности показал, что для дискурса российских и американских президентских выборов 2004 года характерны одинаковые маркеры. В предвыборном дискурсе обеих стран прецедентные феномены не маркируются, если необходимо скрыть заимствованность этих элементов, а также, если нет необходимости дополни-

тельно выделять прецедентный феномен по причине его широкой известности. Графические средства указания на прецедентность задействуются, чтобы привлечь дополнительное внимание к прецедентному феномену или, если прецедентный феномен плохо известен, выделить его, в противном случае он будет не замечен. Более точные указания на источник заимствования прецедентных феноменов востребованы в тех случаях, если есть необходимость подтвердить высказанную мысль авторитетом известной личности или произведения. Единственное отличие в маркированности прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов заключается в большей частотности маркеров в российском предвыборном дискурсе.

Сопоставительный анализ видов трансформаций прецедентных феноменов выявил, что для российского предвыборного дискурса характерна большая частотность трансформаций и большая вариативность способов трансформации, чем для американского предвыборного дискурса, что, возможно, связано с большей структурной ограниченностью английского языка. Однако цели трансформации данных единиц в предвыборном дискурсе обеих стран одинаковые. Прецедентные феномены подвергаются изменению для того, чтобы вовлечь читателя в языковую игру с автором, создавая, таким образом, заинтересованность, эмоциональную и интеллектуальную вовлечённость, что создаёт благоприятную основу для осуществления манипулятивного воздействия.

Соотношение прецедентных феноменов в денотативном и коннотативном употреблении в американском предвыборном дискурсе иллюстрирует общую тенденцию политического дискурса этой страны, направленную на максимальную информированность, а не на скрытое воздействие. Данные такого же анализа российского предвыборного дискурса противоречивы. С одной стороны, сохраняется высокий общий процент прецедентных феноменов в коннотативном употреблении, что согласуется с общей направленностью российского политического дискурса на завуалированное воздействие. С другой стороны, по двум типам прецедентных феноменов из четырёх отме-

чена обратная пропорция с преобладанием прецедентных феноменов в дено- тативном употреблении, что, вероятно, свидетельствует о более глубинных изменениях в российском политическом дискурсе, однако эта тема требует отдельного изучения.

Примечательно, что тезаурус и типология прецедентных феноменов, используемых в дискурсе представителей разных партий внутри каждой из стран в ходе анализируемых избирательных кампаний, опровергли наше предположение о влиянии политических взглядов кандидатов на отбор пре- цедентных феноменов. В дискурсе каждой из стран кандидаты на пост пре- зидента апеллировали к одним и тем же прецедентным феноменам. Однако в американском предвыборном дискурсе отмечены различия в характере упот- ребления одних и тех же феноменов кандидатами от противостоящих партий. Прецедентные феномены употребляются в таком окружении или им прида- ются такие коннотации, что они выгодно подчёркивают достоинства “своего” кандидата и представляют оппонента в невыгодном свете. В российском предвыборном дискурсе этот способ употребления прецедентных феноменов почти не распространён. Данную тенденцию в американском предвыборном дискурсе можно связать с тем, что Соединённые Штаты в 2004 году находи- лись в кризисном состоянии: шла война, страна переживала тяжёлые по эконо- мическим показателям времена. Подобные сложности способствуют высо- кой степени консолидации общества с целью преодоления трудностей, по- этому приоритет получают основные ценности общества: потребность в безопасности, которая вышла на первое место в дискурсе американских пре- зидентских выборов 2004 года, и необходимость в социальной защите, что и привело к определённой степени унификации дискурсов кандидатов от оппо- зиционных политических партий.

Отмеченное единообразие российского предвыборного дискурса связа- но с кризисом оппозиции в России, который широко освещался прессой на- кануне выборов. Как “правые”, так и “левые” партии в той или иной мере поддерживали Кремль, что в известной степени способствовало унификации

их вербального поведения.

Исследование закономерностей использования прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года показывает, что тезаурус прецедентных феноменов, употребляющихся как политиками, так журналистами и политологами каждой из стран, с одной стороны, стабилен, так как выражает базовые ценности национально-лингвокультурного сообщества. Это традиционные для российской культуры ссылки на литературу и традиционные для американской культуры ссылки на президентов и религиозные аллюзии. Однако тезаурус прецедентных феноменов подвижен и мобилен, остро реагируя на происходящие изменения в стране и отражает те проблемы, с которыми сталкивается государство в настоящий момент, что имеет следствием использование прецедентных феноменов, которые затем быстро выходят из употребления.

Перспективы дальнейшего исследования прецедентных феноменов в политическом дискурсе президентских выборов связаны, на наш взгляд, с

- исследованием прецедентных феноменов в дискурсе отдельных политических деятелей с учётом национальных, возрастных, гендерных, религиозных и других признаков;

- исследованиями, посвященными изучению особенностей использования прецедентных феноменов в различных жанрах политического дискурса (программные выступления, политическая реклама, теледебаты);

- исследованиями восприятия прецедентных феноменов.

В целом подобные исследования позволят определить тезаурус и функции прецедентных феноменов, используемых представителями разных национально-лингвокультурного сообщества в ходе выборов разного уровня, апелляции к которым, возможно, будут способствовать запаланированному прагматическому эффекту.

Список литературы

1. Алексеенко М.А. Текстовая реминисценция как единица интертекстуальности // Массовая культура на рубеже XX—XXI веков: Человек и его дискурс. Сборник научных трудов / Под ред. Ю. А. Сорокина, М. Р. Желтухиной. ИЯ РАН. – М: «Азбуковник», 2003. – С. 221–233.
2. Алтунян А. Лозунг в политическом дискурсе // Век XX и мир. – 1994. – № 5–6. – С. 22–28.
3. Анненкова И.В. Язык современных СМИ в контексте русской культуры Попытка риторического осмысления // Русская речь. – 2006. – № 1. – С. 69–78.
4. Арутюнова. Н.Д. Диалогическая цитация (К проблеме чужой речи) // Вопросы языкознания. – 1986. – № 1. – С. 50–64.
5. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
6. Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3. – С. 49–52.
7. Базылев В.Н. Политический дискурс в России // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Выпуск 15. – Екатеринбург, 2005. – С. 5–32.
8. Бакумова Е.В. Ролевая структура политического дискурса: Диссертация ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2000. – 201с.
9. Баранов А.Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом // Человек. – 1997. – № 6. – С. 108–118.
10. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
11. Басенко Н.А., Милевская Т.В. Политическая свобода: опыт дискурс-анализа // Актуальные проблемы теории коммуникации. Сборник научных трудов. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. – С. 86–97.
12. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с

- англ. – М.: Издательство “Весь Мир”, 2004. – 188с.
13. Бахтин М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: «Худож. лит.», 1975. – С. 6–71.
  14. Белозерова Н.Н. Модель функционирования интертекста // www.utmn.ru/frgf/No3/text10.htm.
  15. Бирюкова Н.С. Восприятие студентами прецедентных феноменов, используемых в современной политической коммуникации: Диссертация ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 199с.
  16. Бирюкова Н.С. О типах прецедентных феноменов // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Выпуск 15. – Екатеринбург, 2005. – С. 60–66.
  17. Бирюкова Н.С. Прецедентные феномены в политическом тексте // Лингвистика XXI века: материалы федеральной научной конференции. Екатеринбург, сентябрь 2004 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – С. 33–36.
  18. Бирюкова Н.С. Психолингвистическое исследование интертекстуальности в политическом тексте // Лингвистика XXI века: материалы федеральной научной конференции. Екатеринбург, сентябрь 2004 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – С. 30–33.
  19. Боллигер Е.И. Сопоставление использования библеизмов в институциональном дискурсе разных стран: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2005. – 15с.
  20. Боярских О. С. Прецедентное высказывание в газетном тексте: особенности читательского восприятия // Политическая лингвистика. – Выпуск (1)21 – Екатеринбург, 2007. – С. 64–69.
  21. Будаев Э.В. Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе: Диссертация ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006. – 232с.

22. Ван Дейк Т. А. К определению дискурса // <http://www.hum.uva.nl/~teun/>
23. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. Под ред. В. И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
24. Варченко В.В. Цитатная речь в медиа-тексте. – М., 2007. – 240с.
25. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М., 1983. – 269с.
26. Гаврилова М.В. Критический дискурс – анализ в современной зарубежной лингвистике. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2002. – 42с.
27. Гаврилова М.В. Лингвистический анализ политического дискурса // www.politanalis.narod.ru
28. Гаучи О. Прецедентные феномены в зеркале русского художественного дискурса // Русский язык за рубежом. – 2007. – № 2. – С. 73–82.
29. Гончарова Е.А., Тен Э.Г. Понятие прецедентности и его национально-лингво-культурная специфика // Международный научный-методический симпозиум “Лемпертовские чтения 8”. Пятигорский государственный лингвистический университет, 05 июня 2006. Сборник докладов. Пятигорск. – 2006. – С. 71–74.
30. Горбачёв Е.В. “Борьба за лексику” как часть политического дискурса ФРГ: проблемы творческого осмысления // Вестник СамГУ. Языкознание. – 2000. – № 3. – С. 41–48.
31. Горохов М.Ю. Дискурс как механизм реализации функций публицистического текста // Новое в массовой коммуникации. Альманах. – Выпуск № 3–4 (58–59). – Воронеж. – 2006. – С. 19–21.
32. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 152с.
33. Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования:

- Учебное пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2003а. – С.141–161.
34. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003б. – 288с.
35. Гуляева Т.В. Вокативность американского официально-политического дискурса: коммуникативный и когнитивный аспекты: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2007. – 23с.
36. Гунько Ю.А. Особенности функционирования прецедентных высказываний в разговорной речи носителей русского языка: Автореф. дис... канд. филол. наук. – СПб, 2002. – 23с.
37. Дементьева И.Е. Интертекстуальность и устойчивые элементы текста // www.utmn.ru/frgf/No9/text16.htm
38. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 116–133.
39. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования № 3. – М., 2002. – С.32–43.
40. Дискурс // Энциклопедия «Кругосвет». 2001 // www.krugosvet.ru/articles/82/1008254/1008254a1.htm.
41. Дронова Е.М. Интертекстуальность и аллюзия: проблема соотношения // Язык, коммуникация и социальная среда. – Выпуск 3. – Воронеж: ВГУ, 2004. – С. 92–96.
42. Дука А.В. Политический дискурс оппозиции в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1. – Выпуск 1. // <http://hq.soc.pu.ru:8101/publications/jssa/1998/1/a9.html>
43. Душенко К. В. Большая книга афоризмов. Изд. 5-е, исправленное. - М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 1056 с.
44. Егорова-Гантман Е.В., Плешаков К.В., Байбакова В.В. Политическая реклама. – М.: Николо-Медиа. – 2000. – 288с.

45. Желтухина М.Р. Специфика влияния вербалики и невербалики массовой коммуникации на избирательный процесс // Массовая культура на рубеже XX—XXI веков: Человек и его дискурс. Сборник научных трудов / Под ред. Ю. А. Сорокина, М. Р. Желтухиной. ИЯ РАН. — М: «Азбуковник», 2003. — С. 109–132.
46. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. — Л.: Издательство «Наука». — 1977. — 404с.
47. Журавлева О.Н. Окказиональная переработка фразеологизмов в политических текстах // Бюллетень Уральского лингвистического общества. — Т. 11. — Екатеринбург, 2003. — С. 44–53.
48. Захаренко И.В., Красных В.В. Лингво-когнитивные аспекты функционирования прецедентных высказываний // Лингво-когнитивные проблемы межкультурных коммуникаций. — М., 1997. — С. 110–115.
49. Захарова М.А. Семантика и функционирование аллюзивных имён собственных (на материале англоязычных художественных и публицистических текстов): Диссертация ... канд. филол. наук. — Самара, 2004. — 192с.
50. Земская Е.А. Цитация и виды её трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. — М.: Наука, 1996. — С. 157–168.
51. Зятькова Л.Я. Субъективная модальность политического дискурса (на материале российских, британских и американских печатных СМИ): Диссертация ... канд. филол. наук. — Тюмень, 2003. — 227с.
52. Измаева Е.З. Метатекст как средство понимания текста// Филологические науки. — 2002. — №6. — С.70–77.
53. Ильин И. П. Постмодернизм. Словарь терминов. — М.: ИНИОН РАН — INTRADA, 2001. — 384с.
54. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. — М.: Интрада, 1996. — 253с.

55. Илюшкина М.Ю. Прецедентные высказывания в печатной туристической рекламе // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Т. 13. – Екатеринбург, 2004.– С. 137–146.
56. Илюшкина М.Ю. Своеобразие использования прецедентных феноменов в печатной туристической рекламе // Лингвистика XXI века: материалы федеральной научной конференции. Екатеринбург, сентябрь 2004 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – С. 62–63.
57. Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: Сборник докладов международной научной конференции (Магнитогорск, 12-14 ноября 2003 года). – Магнитогорск: МаГУ. – 2003. – С. 159–173.
58. Интертекстуальность // Энциклопедия «Кругосвет» // www.krugosvet.ru/articles/77/1007707/1007707a1.htm.
59. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390с.
60. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1997. – 264с.
61. Каслова А.А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000г.): Диссертация ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003. – 208с.
62. Ке Я. Прецедентные феномены в заголовках современных российских СМИ / Ке Ян // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004 г.): Труды и материалы. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004.– С. 300–301.
63. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 126–139.
64. Кириллов Г. Политический нарратив как особый вид медиа-текста // Жанры, типы и сорта текста: Межвуз. сб. науч. трудов. – Вып. 1. – Орёл: ОГИИК, 2004. – С. 40–44.

65. Клушина Я. И. Имя собственное на газетной полосе // Русская речь. – 2002. – № 1 – С. 53–56.
66. Клюкина Т.П., Клюкина-Витюк М.Ю., Ланчиков В.К. Политика и крылатика. Высказывания видных политических деятелей Великобритании, Ирландии, США и Канады. – М.: «Р. Валент», 2004. – 232с.
67. Козлов Р.Г. Функционально-семантический статус политического дискурса во французском и русском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Чебоксары, 2006. – 25с.
68. Кондратьев Ю.А. Прецедентные феномены русской православной культуры (на примере рассказов А.П. Чехова) // Новые направления в изучении русского языка и методике его преподавания. Материалы докладов и сообщений XI Международной научно-практической конференции. – СПб., 2006. – С. 99–100.
69. Корнев С. “Сетевая литература” и завершение постмодерна // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 32. – С. 29–47.
70. Косарев М. И. Прецедентные феномены с субсферой-источником «киноэкшен» в политической коммуникации Германии // Политическая лингвистика. – Выпуск (2)22. – Екатеринбург, 2007. – С. 25–31.
71. Костомаров В.Г. Русский язык в современном диалоге культур // Русский язык за рубежом. – 1999. – № 4. – С. 77–85.
72. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. – 1994. – № 1. – С. 73–76.
73. Кочкин М.Ю. Политический скандал как лингвокультурный феномен: Диссертация ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2003. – 184с.
74. Красильникова Н.А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии: Диссертация ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 208с.
75. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная

- база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. – Сер. 9. – Филология. – 1997. – № 3. – С. 62–75.
76. Красных В.В. "Свой" среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375с.
77. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002 – 248с.
78. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 1995. – № 1. – С. 97–124.
79. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – Москва, 1996. – 245с.
80. Кудлаева А.Н. Типы текстов в структуре дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2006. – 18с.
81. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Изд. 2-е, стереотипное. — М.: Едиториал УРСС, 2004. – 272 с.
82. Курбакова Ю.В. Национально-прецедентные феномены и единицы с метафорическим значением в СМИ (на материале современных американских журналов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2006. – 17с.
83. Кушнерук С.Л. Денотативный и коннотативный аспекты функционирования прецедентных имен в российской и американской рекламе // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества – Т. 13. – Екатеринбург, 2004. – С. 146–155.
84. Кушнерук С.Л. Имена, открывающие кошельки: Мир кино в российской и американской рекламе // Политическая лингвистика. – Выпуск (2)22. – Екатеринбург, 2007. – С. 116–120.
85. Кушнерук Л.С. Интертекстуальность в СМИ // Современная политическая лингвистика: Материалы международной научной конферен-

- ции. Екатеринбург, октябрь 2003 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – С. 98–100.
86. Кушнерук С.Л. Прецедентные имена как элементы реализации стратегий коммуникативного воздействия в российской и американской рекламе // Лингвистика XXI века: материалы федеральной научной конференции. Екатеринбург, сентябрь 2004 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – С. 89–91.
87. Кушнерук С.Л. Сопоставительная характеристика прецедентных имён в российской и американской рекламе // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Т. 14. – Екатеринбург, 2004. – С. 28 – 41.
88. Кушнерук С.Л. Сопоставительное исследование прецедентных имён в российской и американской рекламе: Диссертация ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006. – 213с.
89. Леонтьев А.А. Бессознательное и архетипы как основа интертекстуальности // Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М., 2001. – С. 92 – 100.
90. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 1997. – 317 с.
91. Лотман Ю.М. Внетекстовые связи поэтического произведения // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – С. 215–234.
92. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – Санкт-Петербург, 1996. – 156с.
93. Лотман Ю. М. Семиосфера. – С.-Пб: «Искусство – СПб», 2000. – 704 с.
94. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллин: «Александра», 1992. – 247с.

95. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Издательство «Искусство», 1970. – 383.
96. Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа: Учебное пособие. – М.: Ось-89, 1999. – 189с.
97. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2005. – 19с.
98. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК “Гнозис”, 2003. – 280с.
99. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учеб. пособие. – Мн.: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
100. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208с.
101. Милевская Т. Дискурс и текст: проблема дефиниции // <http://teneta.rinet.ru/rus/me/milevskatdiscourseandtextdfn.htm>
102. Михайлова Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1999. – 18с.
103. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704с.
104. Москвин В. П. Цитирование, аппликация, парафраз: к разграничению понятий // Филологические науки. – 2002. – №3. – С. 63–70.
105. Наумов С.А. Формализация интертекстуальных отношений в тексте. Автореф. дис. канд. филол. наук. – СПб., 2005. – 17с.
106. Нахимова Е.А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Т. 13. – Екатеринбург, 2004а. – С. 166–174.
107. Нахимова Е.А. О формальных показателях прецедентности антропонима // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического обще-

- ства. – Т. 17. – Екатеринбург, 2006. – С. 147–154.
108. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в президентском дискурсе // Политическая лингвистика. Выпуск (2)22 / Урал. гос. пед. ун-т; Главный ред. Чудинов А. П. – Екатеринбург, 2007. – С. 44–48.
109. Нахимова Е.А. Прецедентные имена как ментальное поле в политической коммуникации // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Т. 14. – Екатеринбург, 2004б. – С. 46–61.
110. Немирова Н.В. Прецедентность и интертекстуальность политического дискурса (на материале современной публицистики) // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Т. 11. – Екатеринбург, 2003а. – С. 146–155.
111. Немирова Н. В. Прецедентность политического дискурса // Современная политическая лингвистика: Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, октябрь 2003 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003б. – С. 124–126.
112. Нефедова Л.А. Прецедентные тексты современных немецких афоризмов (на материале книги заметок и афоризмов Элмара Шенкеля) //Филологически науки. – 2005. – № 4. – С. 84–93.
113. Никитина К.В. Технологии речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ (на материале газет США): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2006. – 22с.
114. Новохачёва Н. Ю. Стилистический приём литературной аллюзии в газетно-публицистическом дискурсе конца XX – начала XXI веков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2005. – 31с.
115. Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. – М./СПб.: ГЛОССА/КАРО, 2004. – 336с.
116. Павликова С.К. Русские и английские прецедентные высказывания (сравнительный анализ): Диссертация ... канд. филол. наук. – Москва, 2005, 160с.

117. Петрова Н.В. Текст и дискурс // Вопросы языкознания. – 2003. – № 6. – С. 123–131.
118. Плотникова С.Н. Прагматическая интерпретация текстовых реминисценций-дайджестов (на материале английской художественной литературы) // Филологические науки. – 2001. – №4. – С. 72–78.
119. Покровская Е. В. Газета в современной культурно-речевой ситуации // Русская речь. – 2005. – № 5. – С. 69–74.
120. Полубиченко Л. В., Андросенко В. П. Топология цитат в художественной и научной речи // Филологические науки. – 1989. – № 3. – С. 58–64.
121. Попова Е.А. Интертекстуальность как средство воздействия в политическом дискурсе (на материале англоязычных текстов о политической карьере А. Шварценеггера): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Самара, 2002. – 20с.
122. Попова Е.А. Культурно-языковые характеристики политического дискурса (на материале газетных интервью): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1995. – 14с.
123. Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1040с.
124. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 224с.
125. Райгородская Д.Я. Психология и психоанализ власти. Т.2. Хрестоматия. – Самара: Издательский Дом "БАХРАХ", 1999. – 576с.
126. Расторгуева Л.В. Коммуникативные аспекты политической рекламы / Л.В. Расторгуева // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 1. 2001 // <http://tpl1999.narod.ru/WebLSE2001/Rastorg.htm>
127. Родченко А.М. Языковое манипулирование общественным сознанием в тоталитарном государстве: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2006. – 17с.

128. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1997. – 384с.
129. Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приёмы в российском политическом дискурсе: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – 294с.
130. Русакова О.Ф. Основные разновидности современных теорий политического дискурса: опыт классификаций // www.politex.info
131. Светоносова Т.А. Сопоставительное исследование ценностей в российском и американском политическом дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006. – 19с.
132. Свицова А.А. Пословицы как прецедентные феномены // Коммуникативная лингвистика: вчера, сегодня, завтра // Сборник материалов Международной научной конференции 13-14 июня 2005 г. – Армавир: АЛУ, 2005. – С. 231–237.
133. Сдобнова А.П. Прецедентные феномены в ассоциативном словаре школьников // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. – М.; Барнаул, 2004. – С. 227–239.
134. Селиверстова О.Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки // Вопросы языкознания. – 2002. – № 3. С. 12 – 26.
135. Сергеева Г.Г. Аспекты функционирования прецедентных имён в молодёжной среде // Филологические науки. – 2003. – № 2. – С. 102–110.
136. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: Учеб. пособие. – 3-е изд., изд., и доп. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 608с.
137. Слышкин Г.Г. К проблеме составления лингвокультурологического концептуария // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации: Сб. науч. тр. – Волгоград: Колледж, 2001. – С. 27–31.
138. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128с.

139. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века): Научное издание. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 383с.
140. Смулаковская Р.Л. Прецедентные феномены и языковая игра в газетном тексте // Современная политическая лингвистика: Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, октябрь 2003 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – С. 157–159.
141. Смулаковская Р.Л. Своеобразие использования прецедентных феноменов в газетном дискурсе // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Т. 12. – Екатеринбург, 2004. – С. 111–120.
142. Смигирев А.В. Канон. Литературность. Интертекст // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Вып. 9. – Екатеринбург, 2002. – С. 154–171.
143. Соловьева М. А. Роль аллюзивного антропонима в создании вертикального контекста: Диссертация ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2004. – 220с.
144. Солодуб Ю.П. Интертекстуальность как лингвистическая проблема // Филологические науки. – 2000. – № 2. – С. 51–57.
145. Солодуб Ю.П. Textoобразующая роль символа в художественном произведении // Филологические науки. – 2002. – № 2. – С. 46–55.
146. Солопова О.А. Использование прецедентных феноменов в политическом дискурсе выборов депутатов государственной думы // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Т. 13. – Екатеринбург, 2004а. – С. 75–86.
147. Солопова О. А. Использование прецедентных феноменов в сильной позиции текста в дискурсе Федеральных выборов // Лингвистика XXI века: материалы федеральной научной конференции. Екатеринбург, сентябрь 2004 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2004б. – С.

- 153–155.
148. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. – М.: «Наука», 1985. – 168с.
149. Спиридовский О. В. Антропонимы американских президентов и их функционирование в политическом дискурсе // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж: ВГУ, 2006. – С. 128–133.
150. Спиридовский О. В. Интертекстуальность президентского дискурса в США, Германии, Австрии // Политическая лингвистика. – Выпуск 20. – Екатеринбург, 2006. – С. 161–169.
151. Степанов Ю.С. "Интертекст", "интернет", "интерсубъект" (к основаниям сравнительной концептологии) // Известия РАН. Серия лит. и языка. – 2001. – №1. – С. 3–11.
152. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. Сб. статей. – М.: РГГУ, 1995. – С. 35–73.
153. Стернин И.А. Социальные факторы и публицистический дискурс // Массовая культура на рубеже XX—XXI веков: Человек и его дискурс. Сборник научных трудов / Под ред. Ю. А. Сорокина, М. Р. Желтухиной. ИЯ РАН. – М: «Азбуковник», 2003. – С. 91–108.
154. Стрельников А.М. Метафорическая оценка политического лидера в дискурсе кампании по выборам президента в США и России: Диссертация ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 177с.
155. Супрун А. Е. Текстовые реминисценции // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17–29.
156. Тамми П. Поэтика даты у Набокова // Литературное обозрение. – 1999. – № 2. – С. 21–29.
157. Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: Сб. науч. тр. – Рязань, 2002. – 236с.
158. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. –

- М.: Издательство «Наука», 1986. – 135с.
159. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624с.
160. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. Изд. 2-е, испр. – М.: КомКнига, 2006. – 280с.
161. Федосеев А.А. Метафора как средство манипулирования сознанием в предвыборном агитационном дискурсе (на материале русского языка): Диссертация ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2003. – 170с.
162. Фельдман В.Е. Дискурс и дискурсивность // Вестник новгородского государственного университета. – 2003. – № 25. – С. 89–93.
163. Филатова О.М. Интертекстуальность как глобальная текстовая категория // Вестник удмуртского университета: Филологические науки. – 2006. – № 5(2). – С. 149–154.
164. Филинский А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000гг.: Диссертация ... канд. филол. наук. – Тверь, 2002. – 163с.
165. Фишман Л.Г. Политические дискурсы постсоветской России: теоретико-методологический анализ: Автореф. дис. ...доктора полит. наук. – Екатеринбург. – 2007. – 39с.
166. Фролова О. Е. Имя собственное в культуре и речи // Русская речь. – 2003. – № 6. – С. 68–72.
167. Фуко. М. Археология знания: Пер. с фр./Общ. ред. Б.Левченко. – К.: Ника-Центр, 1996. – 208с.
168. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – 248с.
169. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учебное пособие. – М.: Изд-ва «Флинта», «Наука». 2006. – 254с.
170. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование

- дование политической метафоры (1991—2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. — 238 с.
171. Шаадат Ш. Новые публикации по интертекстуальности // Новое литературное обозрение. — 1995. — № 12. — С. 337–344.
172. Шапинская Е.Н. Интерпретации культуры в контексте постмодернизма. Модернизм — постмодернизм — постструктурализм. // Основы культурологии: Учеб. пособие. — М.: Едиториал УРСС, 2005. — С. 201–224.
173. Шейгал Е.И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса // Жанры речи — 3. — Саратов: Колледж, 2002. — С.205–214.
174. Шейгал Е.И. Культурные концепты политического дискурса // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах. Материалы Междунар. науч.-практ. конференции «Коммуникация—2002». — Пятигорск: изд-во ПГЛУ, 2002. — С. 24–26.
175. Шейгал Е.И. Невербальные знаки политического дискурса // Основное высшее и дополнительное образование: Сб. науч. тр. — Волгоград: Политехник, 2001. — Вып.1. // www.ihtik.lib.ru.
176. Шейгал Е.И. Перформативные речевые действия в структуре политического дискурса // Чествуя филолога: к 75-летию Ф.А. Литвина. Орел: Изд-во НП «Редакция газеты «Орловская правда», 2002. — С. 97–104.
177. Шейгал Е.И. Рефлексивы в политической коммуникации // Теоретическая и прикладная лингвистика. Аспекты метакоммуникативной деятельности. — Выпуск 3. — Воронеж, 2002. — С. 133–141.
178. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: Монография. — Волгоград: Перемена, 2000а. — 368с.
179. Шейгал Е.И. Театральность политического дискурса // Единицы языка и их функционирование: Межвуз. сб. науч. тр. — Саратов: изд-во СГАП, 2000б. — Вып. 6. — С. 55–59.
180. Шехтман Н.Г. Сопоставительное исследование театральной и спор-

- тивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе: Диссертация ... доктора филол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 219с.
181. Эко У. От интернета к Гуттенбергу // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 32. – С. 5–14.
182. Эко У. Открытое произведение: форма и неопределенность в современной поэтике. – СПб.: Академический проект, 2004. – 384с.
183. Ямпольский. М. Память Тиресия: Интертекстуальность и кинематограф. – М.: РИК «Культура», 1993. – 456с.
184. Benoit W.L. The functional theory of political campaign discourse // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Выпуск 18. – Екатеринбург, 2006. – С. 10–34.
185. Chandler, Daniel. Intertextuality // Semiotics for beginners // <http://www.aber.ac.uk/media/Documents/S4B/sem09.html>.
186. George P. Landow. The definition of hypertext and its history as a concept // Hypertext: the convergence of contemporary critical theory and technology. – The John Hopkins University Press, 1992. – С. 3–4.
187. George P. Landow. Hypertext and intertextuality // Hypertext: the convergence of contemporary critical theory and technology. – The John Hopkins University Press, 1992. – С. 10–11.

Список лексикографических источников

1. Большая Советская Энциклопедия // www.bse.chemport.ru
2. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. – 1456 с.
3. Елистратов Е.С. Словарь русского арго www.spravka.gramota.ru/portal_html?d=elistratov
4. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус.яз., 2001. – 521с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1961. – 900 с.
7. Справочник по фразеологии // www.spravka.gramota.ru/phrases.html
8. Тихонов А.Н. Фразеологический словарь современного русского литературного языка. В 2-х томах. – М.: Издательство “Флинта”, 2004. – 831с.
9. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. – М.: Альта-Принт, 2005. – 1216с.
10. Хокинс Дж. М. The Oxford Dictionary of the English Language = Оксфордский толковый словарь английского языка. – М.: ООО «Издательство Астрель», «Издательство АСТ», 2001. – 832с.
11. Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English. Hornby A.S. Seventh Edition. Chief Editor Sally Wehmeier. – Ashby.: Oxford University Press, 2005. – 1908p.
12. www.krugosvet.ru
13. www.Wikipedia.com

Список источников языкового материала

1. Газета «Аргументы и факты».
2. Газета «Известия».
3. Газета «Комсомольская правда».
4. Газета «Московский комсомолец».
5. Газета «Независимая газета».
6. Газета «Российская газета».
7. Газета «Труд».
8. Материалы информационного агентства BBCRussain.com.
9. Материалы информационного агентства GlobalRus.ru.
10. Материалы информационного агентства Lenta.ru.
11. Газета «The New York Times».
12. Газета «The USA Today».
13. Газета «The Washington Post».
14. Журнал «The Rising Tide».
15. Материалы информационного агентства CNN.com.